

**ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
“РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”**

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ:

Александр Махоткин
ПРЕОДОЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Февраль 2006

ПРЕОДОЛЕНИЕ КАПИТАЛА

ОГЛАВЛЕНИЕ

К теории пропорционального разделения труда

Глава 1. ДВА СПОСОБА РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА НА ДВЕ ЧАСТИ

Разделение труда на необходимый и прибавочный

Пропорциональное разделение труда

Внешнее тождество двух отношений

Взгляд К.Маркса на необходимый и прибавочный труд при капитализме и коммунизме

Противоположность двух отношений

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА И ПЕРВЫЕ ШАГИ КОММУНИЗМА

Русская община, К. Маркс и марксисты

"Область туманного"

К.Маркс, Советы, фабзавкомы

В плену незавершенного перехода

Глава 3. ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА КАК МОМЕНТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Оплата по труду

Равная оплата по равному труду

Коллективная оплата по труду

Стоимостная форма коллективной оплаты по труду

Глава 5. СВЯЗЬ ПРОПОРЦИОНАЛЬНО РАЗДЕЛЕННОГО ТРУДА

Свободный эквивалентный трудообмен

Взаимосвязь коллективного производства и потребления в их движении

Стабильный трудовой рубль

Структура и планирование пропорционального производства

Глава 5. СОБСТВЕННОСТЬ НА ГРАНИ ЭПОХ

Разложение государственной монополии

Групповая частная собственность

Общественная собственность

Глава 6. К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Система коллективного снабжения

Коллективная организация труда

Преодоление найма и капитала

С.Федоров как олицетворение нынешней смуты и выхода из нее

Модель М.Чартаева

Заключение

*Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хриплый голос...
А. Блок*

К теории пропорционального разделения труда

К. Маркс создал свое философско-экономическое учение, как идейное оружие для освобождения труда от поработившего его капитала. Именно так оно и воспринималось в России, где привлекло к себе самое пристальное внимание сразу же после своего появления. Марксистской партией большевиков в России была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция. Под революционными красными знаменами одолела всех врагов, восстановила порушенное ими единство страны и отразила нашествие фашистских орд Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Вся советская эпоха, вознесшая Россию-СССР на место второй мировой державы, прошла под знаком марксизма.

Не будет преувеличением сказать, что, преломившись через судьбу России, учение К.Маркса пустило корни повсюду и наложило решающий отпечаток на весь мировой процесс в XX веке. Но, если по Н. Бердяеву марксизм в России был в начале века приспособлен к русским условиям, русифицирован В.И. Лениным и стал переложением русской мессианской идеи, то в конце XX века В.В. Кожинов считал марксизм, в его советской интерпретации, западным учением, совершенно непригодным для объяснения русской истории.

В XX веке на марксизм возлагали большие надежды. Разрешение всех существующих социально-экономических противоречий связывали с исполнением его предвидений и прогнозов. А когда в конце столетия эти надежды не оправдались, и социализм в Европе, а затем и в СССР, рухнул, многие вчерашние поборники марксизма отвернулись от него. Некоторые переметнулись к либерализму. Однако, что примечательно, марксизм при этом не был опровергнут. Он был просто отброшен. Точнее, отложен...

Сейчас вновь становится очевидным, что для познания социальной действительности ничего равноценного учению К.Маркса, ни у нас, ни где-либо еще, нет, и пока не предвидится. Поэтому внимание исследователей вновь поворачивается к марксизму, Но его облик по сравнению с советским периодом теперь значительно изменился. Первостепенное значение приобретают давно опубликованные, но остававшиеся в тени, ранние работы К.Маркса, и его поздние, связанные с Россией, письма и заметки.

Постепенно пробивает себе путь понимание того, что учение К.Маркса не исчерпывается еще недавно господствовавшей у нас западнической, евроцентристской версией марксизма, которая в ряде весьма существенных для нас моментов расходится со взглядами самого Маркса. Что, напротив, его воззрения, по сути, совпадали со взглядами русских народников и, в целом, как это ни парадоксально звучит, достаточно согласуются с подходами сегодняшнего "русского направления" социально-политической мысли и общественной жизни.

Как замечает С.Г. Кара-Мурза, "Самым дальновидным из марксистов в отношении (русской – А.М.) общины оказался сам Маркс. Мы и сегодня в этом вопросе до него не доросли". "Идеи Маркса, – пишет другой известный

современный автор, – сейчас практически не имеют наследников, но от этого они не стали менее глубокими или менее точными в решении определенных вопросов. Складывается ситуация, когда марксизм, полностью растерявший своих традиционных сторонников, может быть взят на вооружение совершенно иными силами, остававшимися в стороне от марксизма в то время, когда вокруг него царил интеллектуальный и политический ажиотаж.. Подобная дистанция и отсутствие ангажированности на предшествующих стадиях интеллектуальной истории позволяют переоткрыть Маркса заново, прочесть его послание так, как это невозможно было раньше"

И это действительно так! Именно учение К.Маркса, наш богатый исторический опыт и отдельные, не получившие еще широкого освещения образцы социальной практики последних десятилетий, дают нам сегодня понимание необходимости и "образ желаемого" – ту теоретическую и нравственную основу, которая позволяет взглянуть на наши проблемы и задачи под новым, для многих неожиданным, углом.

Здесь необходимо краткое пояснение, о каком взгляде идет речь.

В развитой им трудовой теории стоимости К.Маркс показал, что все сколько-нибудь ценное и чего-либо стоящее достается трудом. Но это не значит, что тому, кто трудится, достаются и результаты его труда. Какая-то их часть так или иначе, конечно, остаются ему с ближайшими родственниками, другая же идет на обеспечение, скажем, деятельности местного знахаря-колдуна и изготовление копий против соседнего племени или на оплату демократических выборов, услуг МФ и всего того, что выходит за рамки индивидуального потребления самого работника. Это разделение результатов труда, а с ними и самого труда на две части, одна из которых остается работнику и обеспечивает его потребление, а вторая расходуется на какие-то иные цели – было, есть и будет. В различных странах и в разные времена труд делился на эти две части по-разному.

К Маркс создал теорию прибавочной стоимости, в которой показал, как в капиталистическом обществе отнятый у работника результат его труда превращается в стоимость и делится на стоимость его рабочей силы и на прибавочную стоимость, как первой из этих превращенных частей труда воспроизводится наёмный труд, второй – господствующий над ним капитал, как происходит обращение капитала, в чем выражается его простое и расширенное воспроизводство, чем промышленный капитал отличается от финансового, как соотносятся между собой конкуренция и монополия, почему назревают и как разрешаются кризисы, как экономика определяет политику, а политика влияет на экономику и т.д. И в основе всего этого сложного, многогранного движения – специфически капиталистическое разделение труда на две части. Здесь его исток и завершение, альфа и омега всего процесса капиталистического общественного воспроизводства.

Теория К. Маркса это теория капитала и капиталистического общества. Разумеется, К. Маркс понимал, что в других, некапиталистических, обществах разделение труда на эти две части – одна работнику, другая обществу или тому, кто выступает от его лица – происходит иначе, не так, как на капиталистическом Западе. Качественно иначе оно будет происходить и в посткапиталистическом обществе, когда на смену наёмному рабству придёт система свободно ассоциированного

труда. Не думать об этом Маркс не мог, и какие-то представления об этих качественно иных отношениях у него, конечно, были. Краткие замечания, даже, скорее, реплики на этот счёт по тому или другому случаю изредка встречаются в его работах. Но в основном К.Маркса занимали отношения капитала и капиталистического общества, над осмыслением которых он трудился всю жизнь, стремился, но так и не успел довести эту работу до конца. На то, чтобы добраться, как следует, и до качественно иных, некапиталистических, отношений жизни не хватило. Правда, известно, что в последние годы жизни К. Маркс работал над вопросами, касающимися России. По словам Ф. Лесснера, близко общавшегося с К. Марксом на протяжении многих лет, оставшиеся после него работы "не представляют и десятой доли того, что он собирался написать".

За разрозненными замечаниями К. Маркса о будущих общественных отношениях угадывается некая общая мысль, но сами по себе эти фрагменты, отрывочные и не связанные между собой, представления о ней не давали и выглядели до последнего времени некими загадочными иероглифами. Впрочем, К. Маркс, и сознательно избегал развернутых умозрительных суждений о будущем, которые могли бы этому будущему и повредить. Видимо, он полагал, что жизнь даст ответы на все вопросы, а тем, кто с ними столкнется, достанет ума эти ответы понять. В конечном счёте, так и произошло, хотя и отняло очень много времени – все время советской эпохи, от её начала и до конца. Жизнь миллионов людей ставила практические вопросы, на которые тысячи и десятки тысяч искали и находили принципиально новые ответы. В самых разных областях человеческой деятельности, в том числе – и в социально-экономической. Особенно активно эта работа шла в последние советские десятилетия. То, что потом назвали "застоем", было на самом деле временем интенсивных поисков и удивительных находок.

Результатом их осмысления с позиций трудовой теории стоимости К.Маркса и стал этот краткий очерк теории пропорционального разделения труда. В теории прибавочной стоимости К.Маркс рассмотрел капиталистическое разделение труда и его последствия. Здесь речь идет о некапиталистическом и посткапиталистическом его разделении, рассматриваемом не в противовес, а как продолжение теории К.Маркса, её развитие за пределы капитализма. Историческая практика уже дала для этого более чем достаточно материала. По примеру естественных наук (а общественная жизнь естественна для человека) теорию пропорционального разделения труда можно было бы назвать и эмпирическим обобщением. Предлагая ее Вашему вниманию, автор ясно отдает себе отчет в том, что намеченные здесь экономические, социальные и политические аспекты и выводы этой теории нуждаются в углублении, расширении и всесторонней проработке деталей. Но это уже следующая задача. Цель настоящей работы – определиться в самых общих координатах.

Глава первая

ДВА СПОСОБА РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА НА ДВЕ ЧАСТИ

В советской экономической и общественно-политической литературе бытовало представление о том, что разделение труда на необходимый и прибавочный не только неизбежно, но и внутренне присуще социализму. Ни тогда, ни, тем более, впоследствии этот вопрос особого внимания не привлекал. Злоба дня давала другие темы для размышлений. Но воззрения советской эпохи представляют для нас не

только исторический интерес. Необходимый и прибавочный труд – это экономические формы и противоположные стороны вполне определенного общественного отношения. Что собой представляет это отношение?

Разделение труда на необходимый и прибавочный

Обратимся к отношению необходимого и прибавочного труда, который воплощается в необходимом и прибавочном продукте. Подробно способ разделения труда на эти две части был проанализирован К.Марксом в теории прибавочной стоимости, послужившей основой для всего учения о капитале. С тех пор способ разделения труда на необходимый и прибавочный, по сути дела, не изменился, поэтому нам здесь достаточно лишь отметить вкратце основные черты этого разделения.

Необходимый труд отдельного работника воплощен в необходимом продукте и равен тому труду, который заключен в жизненных средствах, необходимых для воспроизводства его рабочей силы. Иначе говоря, это труд, результат которого идет на удовлетворение привычно необходимых потребностей самого работника и его семьи. Это часть его труда, необходимая для того, чтобы он мог жить и работать.

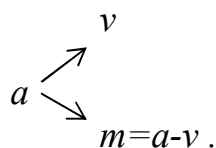
Весь труд сверх необходимого – прибавочный. Он воплощается в прибавочном продукте. Труд делится на необходимый и прибавочный труд; продукт – на необходимый и прибавочный продукт; созданная трудом стоимость – на стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость; наконец, валовой доход предприятия, образуемый стоимостью, созданной трудом его работников, т.е. стоимостный результат их труда, делится на их заработную плату и прибыль. Все это – различные проявления одного и того же общественного отношения – отношения найма рабочей силы. Рабочий нанимается и трудится, чтобы заработать на жизнь. Наниматель использует труд работников, чтобы получить прибыль.

Наёмный труд – это труд за зарплату, и на практике заработная плата наемного работника всегда равна тому минимуму, за который он соглашается работать. На самом деле, необходимый труд – не только необходимый, но и достаточный, и главная забота нанимателя – удержать зарплату в пределах необходимой для получения наибольшей прибыли и достаточной, чтобы работники не разбежались.

Итак, прибавочный труд работника – это весь его труд, за вычетом необходимого. Обозначив весь труд работника как a , его необходимый труд как v , а прибавочный труд как m , запишем:

$$a = v + m \quad \text{и} \quad m = a - v .$$

Отношение разделения труда на необходимый и прибавочный, именно как его *разделение*, можно выразить следующим образом:

Что следует из этого выражения? Во-первых, то, что необходимый труд отдельного работника всему его труду *непропорционален*. Это разные, не связанные между собой величины. И в самом деле: привычно необходимые потребности работника и величина его труда, воплотившегося в продукте, могут изменяться

относительно друг друга как угодно, в том числе и в противоположных направлениях.

Во-вторых, не существует и определенной пропорции между необходимым трудом каждого работника и его прибавочным трудом. Напротив, если, по определению, прибавочный труд равен всему труду за вычетом необходимого, значит при любом данном количестве всего труда, *чем больше необходимый труд, тем меньше прибавочный и наоборот, чем меньше необходимый, тем больше прибавочный труд*. При любой данной величине труда, *a*, чем больше заработная плата, *v*, в чем заинтересован рабочий, тем меньше прибыль, *m*, и чем меньше заработная плата, тем больше прибыль, к чему стремится наниматель. Интересы этих действующих лиц противоположны не потому, что они так хотят, а потому что таков способ разделения труда на необходимый и прибавочный.

В каждом отдельном случае соотношение между необходимым и прибавочным трудом (необходимым и прибавочным продуктом, стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью, заработной платой и прибылью) определяется различными сочетаниями всевозможных обстоятельств. При этом *решающее значение имеет величина необходимого труда*, которая зависит от индивидуальных потребностей отдельных работников и тех возможностей, которые каждый из них находит (или не находит) в обществе для их удовлетворения. По самой своей природе отношение необходимого и прибавочного труда индивидуально.

При социализме, по словам В.И.Ленина, совокупный общественный "прибавочный продукт идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им". И это действительно так, о чем, те, кто застали социализм, могут судить по опыту. Вместе с тем, связь между необходимым и прибавочным трудом всего общества, с одной стороны, и необходимым и прибавочным трудом того или иного работника, с другой, и в советское время оставалась неопределенной и осуществлялась лишь в среднем, постоянно нарушаясь в каждом отдельном случае. Эта неопределенность отношения между двумя частями труда заложена в самом способе разделения труда на необходимый и прибавочный.

Пропорциональное разделение труда

Иначе обстоит дело с отношением пропорционального разделения труда, при котором его результат, а с ним и сам труд делится на две части во вполне определенной, заранее известной пропорции. Это тоже древнее отношение. Не менее давнее, чем отношение найма. Но в последние века и десятилетия оно было у нас потеснено, а затем и вытеснено отношением найма рабочей силы. Причем вытеснено настолько основательно, что в широких слоях народа и памяти о нем не осталось. Речь идет о долевом участии работников в результатах труда. В исторически недавнем прошлом оно было характерно для русской артели.

Артель, как и сельская община, естественным продолжением которой и была артель, издревле составляли у нас основу народной жизни. В "Науке побеждать" А.В.Суворов писал о солдатских артелях в русской армии, а по В.И.Далю "артель" и "рота" – одно и то же слово (с перестановкой, как "рожь" и "аржаной"), происходящее от древнего "ротиться" – обетовать, клясться, присягать.

Становление артелей, как самоуправляющихся трудовых коллективов, происходило в нашей стране вместе с формированием русской цивилизации. По

О.А.Платонову, первое летописное упоминание об артели относится к X веку. В XII–XIII вв. в артели объединялись плотники и другие строительные работники, а также кузнецы, литейщики, кожевенники и другие. Артели были широко распространены на рыбных промыслах, лесозаготовках, на транспорте, в промышленности.

"В XVIII – н. XIX в., – пишет О.А.Платонов, – артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железодельной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию. К 1782 выплавка чугуна на всех заводах России достигла 7,5-8 млн. пудов, то есть была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке. Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн. пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества. Хорошие результаты наблюдались и в других отраслях".

Для заводских и фабричных, как и для других артелей, были свойственны самоуправление и распределение общего заработка по труду. Так, в договоре между артелью и администрацией Кувшиновского завода на Урале фиксировалось: "...1) Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по установленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, ворот), принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату... (далее идут установленные расценки)... из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов *пропорционально* назначенным платам (выделено мной – А.М.) за вычетом двух процентов в кассу горнозаводского товарищества".

Не вникая пока в детали, обратим внимание на слово "пропорционально". Общий заработок распределялся артельщиками (их поверенным) пропорционально "платам", произведенным ранее "на основании рабочего журнала", то есть пропорционально труду каждого из них. Причем этому распределению предшествовал также пропорциональный (в два процента) вычет из артельного заработка в заводскую кассу. Таким образом, весь доход артели, как разница между ее выручкой за продукцию и ее производственными затратами, делился пропорционально: на вычет в кассу горнозаводского товарищества (два процента) и долю артельщиков, которая в свою очередь распределялась ими между собой пропорционально их труду.

Что есть пропорция? Это математическое понятие, означающее *соответствие величин в их движении*. В данном случае – соответствие вычетов в заводскую кассу общим результатам труда артели и соответствие заработка каждого артельщика его труду, отраженному в рабочем журнале. Эта ответственность, гармоничность экономических взаимоотношений как между артелью и заводом, так и внутри самой артели и определяла силу и жизнеспособность артелей.

Яркой иллюстрацией созидательных возможностей русской артели служит то, что в последнем десятилетии XIX века крестьянскими артелями была построена Транссибирская магистраль. С мостами через великие сибирские реки, с несколькими десятками тоннелей, в кратчайшие и для нашего времени сроки. При этом общая численность артельных работников не превышала 7-8 тысяч человек, и вооружены они были самыми элементарными орудиями труда (лопата, тачка, топор и т.п.). По словам В.Кожина, на каждого человека, как на настоящего богатыря, пришелся целый километр пути. "Газеты мира писали о Транссибирской магистрали как о чуде, не имеющем аналогий в истории. Если перевести проблему на экономический язык, производительность труда на этом строительстве была ни с чем не сравнимой (учитывая отсутствие техники). Тайна здесь в том, что артель была уникальной формой трудовой и одновременно житейской демократии, где личные нравственные качества людей ценились не меньше, чем деловые".

Для иллюстрации особенностей внутриартельных отношений приведу в качестве примера (с сохранением всех лексических особенностей) обстоятельный, яркий рассказ об артельном промысле рыбы на оз. Ильмень, записанный в 1858 году известным этнографом, путешественником, публицистом П.И.Якушкиным.

"Самовар был поставлен. Леонтий Иванович (крестьянин, случайный попутчик П.И. Якушкина – А.М.) между тем занимался чайком, не обращая никакого внимания на наш разговор (с хозяином харчевни – А.М.) даже и тогда, когда до него речь коснулась. Я у него спросил, чем он занимается.

– Мы ловцы, – отвечал он. – Я просто ездю, а мой брат ватаманом. Меньшим ватаманом, – прибавил он, – в двóйниках; а захоти, сам двóйник наберет.

Я стал спрашивать у него об их промыслах.

– Про наши промыслы сказать, кроме хорошего, нечего; сами апостолы были рыбаками, по-нашему сказать, ловцами. Наши промыслы легкие, веселые, особливо зимой, гораздо хороши!

– А зимой у вас рыбу не так ловят, как летом? – спросил я, чтоб как-нибудь вызвать его на разговор.

– Зимний лов, само собою разумей, не летний, – начал Леонтий Иванович, – зимой скопляются тридцать два человека, а летом в двóйнике бывает всего-навсе только двадцать.

Я как самовидец мог поверить его рассказы в настоящее время только про зимний лов, потому и стал спрашивать: как они зимой рыбу ловят.

– Настоящие ловцы зимние, я говорю, в два невода ловят: это двóйники, – начал рассказывать Леонтий Иванович, от времени до времени прихлебывая чаек, – вот соберется народ, человек двадцать ловцов или там тридцать, у кажинного ловца шестнадцать сажень сетей, а у кажинных двух ловцов есть по лошади с санями, со всею снастию, как запречь надлежит. Соберутся ловцы человек двадцать, а больше станут собирать до тридцати одного ловца. Наберутся скоро – на это дело охотников много у нас! После того скопятся да и спросят: "Кому быть ватаманом?" Положат на кого: на Ивана ли Петрова, на Федора ли Васильева – все к тому Федору Васильеву и идут. А коли случится тут Федор Васильев, то тут же ему и объявятся, коли же нет его на ту пору с ними, идут к нему на дом. И выбирают они ватаманом ловца ловкого да знамого: надо кнѣи (мотня, matka), снасти (веревки) в долг взять. Ловцы сети сами вяжут, а то и купить недорого: шестнадцать сажень сетей можно взять за

десять целковых; ну а кнею всегда покупают в городе; за пару кней надо дать триста рублей ассигнациями, а дорога пенька – все сто целковых отдашь, да снасти целковых пятьдесят. Поэтому самому и выбирают ватамана знамого, чтоб ему все что надо в городе в долг дали. Приходят к нему на дом в избу... А тот Федор Васильев сидит, будто ничего и не знает. "Что вам надо, ребята? – скажет он, да скажет он так сурово. – Зачем пришли?" А те ему в ответ: "Так и так: нас скопилось тридцать один человек с сетями и лошадьми: будь нашим большим ватаманом!" А коли нет тридцати одного ловца, то скажут: "Нас собралось двадцать там, что ль, человек, али двадцать пять, остальных сам набери. Будь нам ватаманом большим, без тебя нам ходить в двойниках не приходится". Тот, по обычаю, сперва-наперво поломается: начнет говорить, что "у меня-де на то и разума не хватит, а без большого разума как я за такое дело возьмусь?" Да это он только так разговоры разговаривает, поговорит и станет у них большим ватаманом. Тут большой ватаман спросит: "Кого же мы, ловцы, поставим малым ватаманом?" Ну те и положат, к примеру сказать, хоть на тебя али там на меня, али еще на кого; тот тоже отговаривается, да только поменьше, да и гораздо поменьше, пойдет в малые ватаманы. Там большой ватаман скажет: "Кому рельщиком быть?" Рельщик ватаману подручный, тоже большой человек... Выберут двух рельщиков, кажинному ватаману по рельщику и кажинному рельщику по пехарю, да еще четыре воротильщика, что ворот ворочают, а остальные просто ловцы. ...

Как только всех выберут, затопят (затепят) Богу свечку, помолятся Богу, поцелуют образ – икону. Помолясь, ни один уже ловец не отойдет в другой двóйник, не моги до поры до времени слова сказать! Помолясь Богу, и отстать нельзя: недаром Бога целовали! Помолясь Богу, сядут за стол, выпьют винца (вино это и обед большой ватаман покупает, а после с добычи вычитают). За стол посадят большого ватамана в передний угол, а малый ватаман угощает. ... Вот и скажет большой ватаман: "Ну, ребята, собираться тогда-то, а пока надо невода, баламуты справить". Все уже и слушают. Как прикажет ватаман, так и скопится к нему вся братия невода сшивать. Кажинный принесет с собою свою сеть шестнадцать сажень, сошьют в четыре крыла: по два больших крыла на невод. А большой ватаман, человек бывалый, выбирает (для начала лова – А.М.) день легкий, глаза, да и дурного дела боится. ... А назначают тот день у нас зимние ловцы, как только озеро станет. – продолжал Леонтий Иванович. – Все сходятся к большому ватаману, затопят свечку, выпьют винца, пообедают все тем же порядком, как прежде, и с того часу ватаман большой – полный хозяин, хоть до полусмерти убьет кого – никто до поры до времени не смеет слова сказать. Пообедают и поедут на озеро. В этот день они только одну тоню и сделают: своего счастья попытать; да и рыбу ту не продают, сами съедят. После того уж ватаман скажет день, в который скопляться на настоящий лов. Соберутся и поедут. Закинут тоню, вынут. Большой ватаман, сказано, всему хозяин: вынут тоню – он и скажет мокряку, за сколько ее рыбакам (покупателям рыбы, приезжающим за ней на озеро – А.М.) отдавать; мокряк и не смеет ее дешевле спустить.

– Мокряк кто такой? – спросил я моего рассказчика.

– А мокряк из них же бывает по очереди, – отвечал он. – Нынче один мокряк, завтра другой – все бывают, кроме ватаманов и рельщиков; для того, нельзя им у себя денег держать. Как скажет ватаман мокряку цену, тот дешевле не может

продать, дороже – лучше для всей братии, дороже – продавай. А коли рыбаки ватаманской цены не дадут, мокряк ночь ночуй, не дадут на другой день – другую; на третий день только с озера можно рыбу свезти. Сам ватаман не может, оттого что... ну да это после. Вот как мокряк продаст рыбу, деньги возьмет у рыбаков и пойдет к братии на другую тоню. Другую тоню, если бывает, он же продает; сколько тонн закинут в тот день – во всех он мокряк и все деньги себе под сохран берет. Ватаман себе ни гроша не оставляет. Даром хоть отдавай всю, пока ватаманом – никто слова сказать не скажет, только денег брать не может.

– Да как же так? Ну он сойдется с каким-нибудь обманщиком, будет говорить, что даром отдает, а с него будет деньги брать? – спросил я.

– Этого на братии сделать нельзя, – убедительно сказал Леонтий Иванович, а почему этого на братии сделать нельзя – не стал он и разговаривать об таком, по его мнению, невозможном деле.

– Как скопится у ловцов много денег, большой ватаман и велит расправе быть. Скопятся. Большой ватаман сядет за стол, а ловцы стоят. Большой ватаман и скажет: "У тебя столько-то денег!" А тот ловец, к которому те слова были, ему подаст деньги. Там у другого спросит, возьмет и тоже положит на стол. Оберет у всех, кто в мокряках был, и все деньги те на столе лежат. Ватаман при всех пересчитает деньги. Всех денег, к примеру, двести рублей; из этих денег за кнеи можно отложить сто, что ль, рублей, на церковь Божию столько-то, за прогулы (на угощения у большого ватамана – А.М.) столько, на водку, если лов был хорош. И никто ему на то ни слова не скажет, хоть все деньги пропить велит! Отложив сколько надо, ватаман делит всем ловцам: на ловца с лошадыю две части, а на пешего одну – и отдает те деньги кажинному ловцу сам в руки, и себе оставляет равную часть. Такие-то расправы бывают во всю зиму до четверга, пятницы или субботы на масленой. Тогда ватаман велит быть большой расправе. Большая расправа бывает такая же, как малая, только большой ватаман отсчитывает на той большой расправе деньги, коли остались, что до этого и не бывает, за кнеи, да за снасти, а на водку не откладывает, а после скажет: "Надо на церковь Божию отложить!" Если хорош был в ту зиму лов – отложат больше, бывает рублей пятнадцать, а бывает, и по рублю, и те деньги отдают попу на святой неделе на церковь. И на то ему никто не говорит ни слова; разве какой из другого прихода так скажет: "Дай мне, ватаман, мою часть, не хочу я своей церкви обижать!" Ватаман и отдает ему часть, а тот отнесет деньги эти в свою церковь, а спорить не смеет. Как только кончится расправа, ватаман встанет да и спросит: "Хотите ли, братцы, на тот год со мною рыбу ловить?" Если он не хорошо им служил, всяк ему правду выскажет, разберут невод, всяк свою сеть, кнею, снасти продадут, деньги разделят и разойдутся. Коли ж всё было ладно, ловцы ватамана поят водкой, а ватаман подносит всей братии. ... Кончится гульба, ватаман скажет: опять выезжать. Опять выедут на озеро и ловят, пока забереги пойдут, с тем же ватаманом, коли хорошо служил, а нет, так с новым, которому обещались на зиму. Пойдут забереги, и разойдутся до зимы, а зимой уже приходят к ватаману своему".

На этом примере хорошо видно, что артельная организация труда ни в одной своей детали не случайна: технология и орудия труда, состав артели, распределение ролей, моральные обязательства и материальные отношения, обычаи и правила поведения для каждой ситуации – все отточено, выверено, многократно проверено

опытом и определено, в чем благо и где правда – может быть, главное, что нужно русскому человеку для согласия с людьми и для мира с собой.

Артель была для крестьян не только источником заработка, но и органической частью всего традиционного строя крестьянской жизни. Артель соединяла, казалось, несоединимое – самостоятельность и предприимчивость каждого артельщика с коллективными усилиями, самое широкое самоуправление с жесткой дисциплиной и непререкаемым авторитетом руководителя, доверие к каждому и общий контроль. Артель не подавляла личность, но способствовала ее проявлению. По старинной пословице "Артели думой не владати", то есть "сколько голов, столько умов". *Коллективный труд артельных работников оставался, вместе с тем, неотчужденным, индивидуальным трудом каждого из них. Что и естественно: артель, как и индивидуально-трудовое крестьянское хозяйство, была органичным проявлением крестьянской общины, в которой личное и общее начало не подавляли, а взаимодополняли друг друга, а в основе отношений между людьми было не противоборство интересов, а их согласование, достижение и поддержание единства действий не нивелированием, а напротив, наиболее полным выявлением и учетом различий.*

Эта важнейшая сторона всей общинной крестьянской жизни была превосходно описана в знаменитых "Письмах из деревни" А.Н. Энгельгардта: "Я уже говорил в моих письмах, что мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчёте между крестьянами, никогда ничего не поймём. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел поля произведён математически точно – и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние до усадьбы, всё принято в расчёт, что счёт сведён верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей убежден в верности раздела или счёта. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть *хоть один сомневающийся*".

Конечно, бестолковым галдением этот сложный процесс выработки приемлемого для всех решения, процесс достижения единогласия выглядит лишь со стороны. В действительности *воля к достижению единогласия по сложным вопросам, стремление и умение обеспечить справедливость по отношению ко всем, понимание "пользы и необходимости взаимных уступок"* составляет величайшее преимущество русской общинной жизни, утраченное Западом с его односторонними индивидуальными правами и противоборством каждого против всех. Весь артельный уклад представляет собой конкретное практическое воплощение этих общинных принципов.

Моральные аспекты артельного труда учитывались и в уже цитированном договоре артели с Кувшиновским заводом: "...10) каждый рабочий, член артели, обязывается служить делу честно и добропорядочно, быть почтительным, вести себя добропорядочно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу

обязывается сообщать через доверенного мастера или лично для должного разбирательства управителю завода ...".

Вместе с тем в условиях экономических взаимоотношений артели и завода таилась и слабость артели. Доход (начисляемый заработок) артели, как количественное выражение её труда, зависел не только от собственно труда артельных работников (его продолжительности, интенсивности, добросовестности), но и от зафиксированных в договоре расценок за продукцию, и цен на сырье с заводских складов, точнее, от соотношения первых и вторых величин. А оно могло изменяться, причем заводу было выгодно, чтобы расценки за продукцию были занижены, а цены на сырье – завышены. Это позволяло меньше платить артели и больше брать с нее за используемые средства производства. А поскольку и расценки, и цены определялись администрацией завода, у нее была возможность неявного увеличения вычетов из результатов труда артели далеко за пределы формально установленных 2%.

Уже с начала XIX века в организации промышленного производства в России ставка все больше делалась на несвойственный русскому народу индивидуализм. На заводах и фабриках насаждались европейские формы организации труда взамен традиционных. Со временем артель все больше подвергалась капиталистической эксплуатации и разрушалась. Не лучшим было и положение артелей самостоятельно занимавшихся производством. В условиях господства на рынке капиталистических монополий, таких, например, как Продамет, артели не могли получить кредитов, им препятствовали в перевозке их продукции, путем различных махинаций негласно бойкотировали их на рынке.

Артели, основанные на совести и чести, заведомо не могли конкурировать на равных с частными предприятиями, действующими путем сговора. От государства артельные товарищества поддержки не получали. И все же на отдельных заводах и фабриках артели оставались до конца XIX века. Большую роль в сохранении трудовых традиций Древней Руси сыграли старообрядцы, все предприятия которых строились на исключавших эксплуатацию артельных началах.

После реформы 1861 года развитие в России шло по типу подчиненного Западу периферийного, дополняющего капитализма, суть которого состоит в том, чтобы, удерживая экономику страны в одностороннем, неразвитом и зависимом состоянии, выкачивать из нее необходимые Западу ресурсы и средства. Ограбление других народов было важнейшим условием и необходимой предпосылкой возникновения западной цивилизации, без такой внешней подпитки она не может существовать. За время немногим более чем полувека, прошедшее со времени реформы до 1917 года, со всей очевидностью выявилась несовместимость капитализма с традиционным русским образом жизни, представлениями и ценностями большинства русского народа. Положение крестьянства, обремененного непомерными выплатами за свою же общинную землю, обираемого властями, помещиками, спекулянтами ухудшилось и стало невыносимым. Не было средств не только развивать, но и просто воспроизводить хозяйство. В стране хищничал иностранный, в том числе банковский капитал, прибравший к рукам большую часть хлебной торговли. Русский хлеб вывозился в Европу, а в деревне хроническим явлением стал голод. Более того, именно на голоде крестьян и был основан хлебный экспорт России.

"Не могу молчать!", – взывал к совести русского общества Л.Н. Толстой, описывая ужасы искусственно воспроизводимого голода в русской деревне. Великий Д.И. Менделеев писал: "...Русский мужик, переставший работать на помещика, стал рабом Западной Европы и находится от нее в крепостной зависимости, доставляя ей хлебные условия жизни... Крепостная, то есть в сущности экономическая зависимость миллионов русского народа от русских помещиков уничтожилась, а вместо нее наступила экономическая зависимость всего русского народа от иностранных капиталистов".

Правительство, действовавшее в интересах паразитических слоев и иностранного капитала, пыталось поправить положение в русской деревне, насаждая в ней прусские порядки. Вместо того, чтобы оградить народ от хищников, прежде всего, зарубежных, и дать ему возможность идти своим путем, власть при помощи заезжих, безграмотных реформаторов под лозунгом "Уничтожьте общину!" пыталась сломать русский народ и страну через колено.

Положение усугублялось тем, что при всех своих разногласиях, интеллигенция, как правого, так и левого; как умеренного, так и радикального толков также была настроена почти исключительно прозападно, и в общине, артели, традиционном крестьянском хозяйстве видела лишь отсталость и препоны прогрессу, подлежащие искоренению.

Историческое развитие показало, что русская община, об отмирании которой ее противники неоднократно писали чуть ли не с середины XIX века, оказалась необычайно сильной, организованной и жизнестойкой. В революции 1905-1907 годов община скинула с себя непосильные выплаты за землю, обеспечив экономические условия своего существования. Столыпинская реформа, направленная на подрыв общины и насильственное насаждение капиталистических порядков в русской деревне, натолкнулась на упорное сопротивление общинных крестьян и полностью провалилась. Наконец, после революции и гражданской войны крестьяне по своему почину повсеместно восстановили общину. В 1927 году в общины входил 91% крестьянских хозяйств. Концом русской крестьянской общины стал единый процесс коллективизации – индустриализации, позволивший ценой изменения всего традиционного строя жизни большинства народа преодолеть вызревавший десятилетиями структурный кризис народного хозяйства, вырваться из исторической ловушки, в которой оказалась страна, и подготовиться к отражению нависшей над ней смертельной опасности.

Крестьянская община перестала существовать, но она продолжила себя в порожденных ею Советах (о чем подробнее будет сказано ниже); общинная психология, воззрения, навыки, поведение сохранялись в колхозной деревне и были перенесены крестьянами на стройки и в городские "трудовые коллективы". В значительной мере именно этим, считает С.Г. Кара-Мурза, а не только плановостью объясняется "русское чудо" небывалых темпов индустриализации. Такой общинный институт, как сельский сход ("сходка") сохранялся до конца советской власти, а во многих местах он не исчез окончательно и поныне.

В ходе Октябрьской революции и Гражданской войны капитализм был нашим народом отвергнут. Но прогнать капиталистов еще не значит преодолеть *отношение капитала как таковое*. Изгнанное в дверь, оно возвращалось через окно. Для построения социализма советское государство овладевало капиталом, а капитал,

соответственно, овладевал государством. Конечным итогом этого процесса их взаимопроникновения и взаимоовладения стал 1991 год. Но задолго до того, как на отечественной исторической сцене появились "новые русские", эта сцена была расчищена для наемных работников и, следовательно, отношения найма и капитала вообще. Если до революции численность рабочего класса в России оценивалась в 15 млн. человек, т.е. не превышала 10% населения, то при социализме работа по найму (за зарплату), хотя и на особых, определяемых характером государства условиях, стала господствующей в промышленности, а после коллективизации и перехода в колхозах на денежную оплату – и в сельскохозяйственном производстве. Более того, уклонение от труда по найму стало, в конечном счете, расцениваться и караться по закону о тунеядстве как уголовное преступление.

В советском строе былое разнообразие многоукладных социально-экономических форм и трудовых отношений постепенно исчезло. Вслед за индивидуальными крестьянскими хозяйствами в предвоенные годы утратили фактическую самостоятельность промысловые артели. Окончательно они были ликвидированы путем присоединения к госпредприятиям уже в 1960 году.

Господством государственной собственности и централизованностью управления и планирования различия в организации производства в разных отраслях и на разных предприятиях были предельно сnivelированы. В этих условиях отношение пропорционального разделения труда проявлялось редко, как *отклонение* от нормы, лишь на отдельных предприятиях или в их подразделениях. Не вписываясь в существующие порядки, оно гибло и появлялось вновь в других местах. В целом, в советское время подспудно шел процесс *не восстановления* прежнего отношения, но его *становления заново, применительно к новым общественным условиям*. Если пропорциональное разделение результатов труда в традиционной артели существовало до найма и наряду с наймом, сохраняя свои качественные отличия, то в советской экономике вторичное становление пропорционального разделения труда происходило в противовес и вопреки ставшему господствующим отношению наемного труда. На протяжении всей советской истории этот процесс стихийно и скрыто протекал в недрах всеобъемлющей государственной системы наемного труда как преодоление "чудовищной силы капитала", овладевшего всеми сферами жизни, "помноженной на чудовищную силу государства" – его хозяина. Подробнее некоторые этапы этого процесса будут рассмотрены в последней главе.

Новое отношение не вписывалось в официальную идеологию, поэтому оно формировалось у нас не столько благодаря, сколько вопреки официальной науке. Описаны и этим оставили след лишь очень немногие случаи применения пропорционального разделения результатов труда в советское время. Причем, как правило, описания эти принадлежали перу не экономистов (для них экономических форм вне рамок системы наемного труда просто не существовало), а публицистов, которые писали о том, что видели.

Что же привлекало их внимание? Прежде всего, связанные с новыми отношениями производственные успехи, быстрый рост производительности труда. Но, главное, что-то необычное происходило с людьми. Они менялись на глазах. Исчезало безразличие. Откуда-то бралась собранность, инициатива, появлялось самоуважение, достоинство, интерес к труду.

Новое отношение проявлялось, в основном, в последние советские десятилетия. Происходило это по-разному, но общим во всех случаях было то, что работники какого-то звена, бригады, цеха, реже – предприятия добивались получения не заработной платы, как обычно, а *определенной доли валового дохода* своего подразделения или предприятия. За общие результаты своего труда они несли полную ответственность и, при неудаче, могли, в принципе, остаться и без заработка. И, тем не менее, они шли на это. Чаще всего пропорциональное разделение труда применялось в сельском хозяйстве, но не только в нем. Известны случаи его реализации в промышленности, строительстве, на транспорте, в бытовом обслуживании, даже в медицине.

При этом условия договоров, заключавшихся низовыми коллективами с администрацией предприятий, были нередко совершенно аналогичны тем, что фигурировали в договоре артели с Кувшиновским заводом. С той разницей, что оговаривалась не доля вычета из результатов труда свободных артельщиков в заводскую кассу, а наоборот, личные доходы коллективных работников оговаривались как их доля в результатах труда. Но это различие не принципиально, поскольку при пропорциональном разделении дохода любая из двух этих долей предполагает и количественно определяет другую.

Прошло столетие, и круг замкнулся. Казалось, навсегда искорененное отношение вновь возродилось к жизни в совершенно иных общественных условиях. Более того, древнее пропорциональное разделение труда, возродившееся на закате советской эпохи, оказалось жизнеспособным и в жестких условиях разразившейся вскоре социально-экономической катастрофы.

Способ разделения труда и его результатов имеет существенное значение для каждого человека, он определяет, есть ли связь между его участием в производстве и его потреблением и, соответственно, заинтересован ли работник в результатах труда или отчужден от них, а с ними – и от средств производства. На уровне производственных коллективов способ разделения труда, оказывает воздействие на взаимоотношения между людьми и общие результаты их труда.

Но разделение труда на каждом отдельном предприятии это составная часть всего общественного разделения труда. Как соотносится между собой разделение труда на разных уровнях общественной организации? Последуем в анализе этого вопроса за К.Марксом.

В "Критике Готской программы", где речь идет о будущем, коммунистическом распределении. К. Маркс пишет вначале о коммунистическом обществе, которое не развилось на своей собственной основе, а "только что выходит как раз из капиталистического общества", и прибегает к эквивалентному обмену продуктов. При этом "та часть предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями", представляет собой остаток совокупного общественного продукта после того, как из него произведены разного рода вычеты: на возмещение израсходованных средств производства, на расширение производства, на пополнение необходимых резервов на случаи стихийных и иных бедствий, на управление, здравоохранение, образование, социальное обеспечение и удовлетворения всех других общественных потребностей, выходящих за рамки индивидуального потребления отдельных работников.

Если весь, прошлый и непосредственный труд, воплотившийся в совокупном общественном продукте, скажем, за день, обозначить как W ; а прошлый труд, заключенный в потребленных при этом средствах производства, – как C , тогда разница между этими величинами будет выражать непосредственный труд общества, A , который (в форме продуктов) делится на все необходимые вычеты в общественные фонды (обозначим их как B) и остаток, распределяемый между работниками общества (обозначим его как D):

$$W - C = A \begin{array}{l} \nearrow B \\ \searrow D = A - B \end{array}$$

Соответственно такому разделению труда, воплотившегося в совокупном общественном продукте, делится, по К.Марксу, и труд, заключенный в продукте каждого отдельного работника. *При этом величина причитающегося работнику остатка его труда определяется величиной вычетов его труда в общественные фонды, а не наоборот.* Именно объем необходимых общественных потребностей, а значит, и величина вычетов совокупного общественного продукта в общественные фонды определяет и то, какая часть совокупного общественного продукта может быть распределена между работниками, и то, какую часть труда отдельного работника нужно вычесть в общественные фонды.

Идет ли речь о делении совокупного общественного или индивидуального труда, именно вычеты труда определяют его остаток, но никак не наоборот.

"То, что он (отдельный производитель, *der "Produzent"* – А.М.) дал обществу, – пишет К.Маркс, – составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию (в оригинале – "*der Schein*" – внешность, видимость, свидетельство, знак – А.М.) в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов) и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которые затрачено столько же труда".

Работник получает продукт не своего, а общественного труда, эквивалентного остатку труда данного работника после вычета определенной его части в общественные фонды. Иными словами, он получает не часть продукта своего труда, а часть своего труда в виде общественного продукта.

"То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме ... Право производителей *пропорционально ("proportionell"*, выделено К.Марксом – А.М.) доставляемому ими труду".

В данном случае пропорциональность означает прямую зависимость труда, затраченного на продукты, которые причитаются работнику, от общего количества его труда. Обозначив весь труд работника как a , вычеты труда, как b , а ту его долю (пропорциональную часть), которая возвращается к работнику в качестве его личного дохода, как d , запишем:

$$d = k \times a,$$

где k – коэффициент этой пропорциональности.

Но в приведенной выдержке из работы К.Маркса речь идет не только об "индивидуальном трудовом пае" работника и количестве труда, затраченного на полученные им предметы потребления. Обе эти величины, судя по Марксу, тесно связаны с величиной общественного рабочего дня (которую мы перед этим обозначили как A), с долей индивидуального рабочего времени в общественном рабочем дне и с вычетами труда работника в пользу общественных фондов. Каков же характер всех этих связей?

Анализируя работу К.Маркса В.И.Ленин сформулировал: "распределение предметов потребления "пропорционально" (576) количеству труда, доставленного каждым обществом".

И по положению, и по своему значению центральным здесь является слово "пропорционально". Не зря Ленин оформил одно это слово как цитату – кавычками и указанием страницы, на которой оно приведено у К.Маркса.

Присмотревшись внимательнее мы обнаружим, что в этой формулировке неявно предполагается связь не двух, а нескольких величин. "Распределение предметов потребления" предполагает и их общее количество, и части, на которые оно делится. Точно так же и "количество труда, доставленного каждым обществом", подразумевает труд каждого работника как часть общественного труда.

Это, конечно, не значит, что В.И.Ленин, формулируя свою выписку, думал именно обо всех этих величинах и их взаимосвязи. Речь лишь о том, что логически вытекает из сформулированной им мысли К.Маркса.

И действительно, речь здесь идет фактически о пропорциональной связи, то есть о соразмерности четырех величин – труда и продуктов, предназначенных для потребления; того и другого как в общественном масштабе, так и применительно к отдельным работникам. Математически соотношение этих величин, их пропорция выражается равенством между двумя отношениями этих величин.

Если мы вновь обратимся к лаконичной записи В.И.Ленина, то убедимся, что в ней присутствуют сразу две взаимосвязанные пропорции, из которых при прочтении, в зависимости от того, на что обращать внимание, на первый план выступает то одна, то другая:

$$\frac{\partial}{D} = \frac{a}{A} \quad \text{или} \quad \frac{\partial}{a} = \frac{D}{A} .$$

Каждая из этих пропорций содержит в себе другую. Они обе выражают одну и ту же, описанную К.Марксом, пропорциональность, но с разных точек зрения. А если учесть, что

$$B + D = A \quad \text{и} \quad b + \partial = a,$$

то из нее следует также, что

$$\frac{b}{a} = \frac{B}{A};$$

$$\frac{\partial}{a} + \frac{b}{a} = \frac{D}{A} + \frac{B}{A} = 1 \quad (\text{или } 100\%);$$

$$\frac{\partial}{a} = 1 - \frac{b}{a} \quad \text{и} \quad \frac{D}{A} = 1 - \frac{B}{A}.$$

Взятые вместе, эти несложные отношения и определяют *характер* количественных связей, то есть *качественную* сторону отношения между двумя частями общественного труда ($B + D$) и двумя частями труда каждого отдельного работника ($\epsilon + \delta$).

В переводе с языка формул на обычный человеческий язык это значит, что причитающаяся отдельному работнику часть его труда (в виде предметов потребления) составляет не какую угодно, а заранее известную часть его труда, определенную его долю. Причем определяется она вычетами индивидуального труда в общественные фонды, доля которых в индивидуальном труде равна доле общественных фондов индивидуального потребления работников в совокупном общественном труде.

Иными словами, все связи между частями общественного и индивидуального труда пропорциональны, то есть вполне определены, и в основе их определенности лежит уже упоминавшийся коэффициент пропорциональности k , равный отношению δ к a или D к A :

$$k = \frac{\delta}{a} = \frac{D}{A}.$$

А если исходить из вычетов труда в общественные фонды, то

$$k = 1 - \frac{\epsilon}{a} = 1 - \frac{B}{A}.$$

Этот коэффициент – показатель отношения между двумя частями труда работника – выражение единства его качественной и количественной определенности – его *мера*. Он показывает, какая доля индивидуального труда возвращается к работнику в форме жизненных средств и составляет его оплату по труду. Следовательно, он выражает собой вполне определенную (вычетами труда в общественные фонды) общественную норму оплаты по труду. Обозначим ее как H_δ , а определяющую ее норму вычетов труда в общественные фонды как H_ϵ . Тогда

$$H_\delta = \frac{\delta}{a} = 1 - \frac{\epsilon}{a} = 1 - H_\epsilon;$$

$$\delta = aH_\delta = a(1 - H_\epsilon).$$

Кстати, существование некоторой нормы предполагается уже самим выражением "оплата по труду". По труду – значит, в соответствии с трудом, в определенной зависимости от него, пропорционально труду. Эту-то определенность и выражает собой норма оплаты по труду.

К уже сказанному надо добавить, что "оплата по труду" – не слишком удачное выражение еще в одном отношении. Строго говоря, "оплата" по труду – это, собственно, не оплата в ее обычном понимании, то есть не часть стоимостного обмена, а *простой возврат* к работнику определенной доли его труда в форме некоего знака труда, который затем обменивается на такой же труд, но уже в форме жизненных средств. То есть здесь не величина отношения между двумя частями труда определяется обменом (через величину "оплаты"), а объем обмена определяется количеством труда и величиной отношения. Обмен представляет собой не основание деления труда на две части, а всего лишь его продолжение.

Отношение пропорционального разделения труда (его результатов) можно представить и как

$$\begin{array}{c} \nearrow^{\delta} \\ a \\ \searrow \rightarrow \delta = a(1-H_{\delta}) = aH_{\delta} \end{array}$$

При любой данной норме оплаты по труду обе части, на которые делится труд, могут изменяться *только одновременно и в одном направлении* с величиной этого труда. *Их относительное изменение, то есть увеличение одной из частей за счет уменьшения другой, невозможно.*

В зависимости от количества труда, доставленного тем или иным работником, и вычеты труда в общественные фонды, и оплата по труду при любой данной норме оплаты могут увеличиваться или уменьшаться, но отношение между этими двумя частями труда от индивидуальных особенностей отдельных работников или их труда не зависит. С самого начала – это общественно определенное, непосредственно общественное отношение

Внешнее тождество двух отношений

В советское время разницы двух способов разделения труда и соответствующих им отношений между его частями можно было очень долго не замечать, тем более, что заработная плата внешне всегда выглядела оплатой по труду, а прибавочный продукт и его стоимость в условиях государственной собственности на средства производства действительно поступали в государственные фонды, принадлежащие всему обществу, как целому. Поэтому они вполне могли приниматься и принимались за описанные К.Марксом вычеты труда.

При этом заработная плата принималась за форму осуществления оплаты по труду. Сама же оплата по труду в таком случае рассматривалась не как некоторая часть труда, т.е. особая экономическая форма, а всего лишь как принцип социалистического распределения, который можно толковать так или иначе, но который нельзя измерить. Что касается вычетов труда в общественные фонды, то этому выражению отводилась роль простого синонима прибавочного труда, прибавочного продукта, а позже – и прибыли.

Разумеется, при этом писалось о "коренном различии" форм заработной платы и прибыли при капитализме и социализме. "Враги социализма, – утверждалось, к примеру, в одной из работ середины семидесятых годов, – не гнушаются такими способами, как спекуляция на формах организации заработной платы (сдельная, повременная), механически перенося их смысл с капиталистической экономики на социалистическую. Подобные попытки свидетельствуют о нежелании признавать за старой формой оплаты новое её социальное содержание... Оплата труда основывается на сознательном, планомерном использовании экономических законов социализма, а её уровень определяется объективной необходимостью воспроизводства рабочей силы в соответствии с достигнутым уровнем развития производительных сил и исторически сложившимся уровнем потребления". Общество "для обеспечения воспроизводства рабочей силы, – писал другой автор, – определяет прожиточный минимум трудящихся". При этом считалось, что в социалистическом обществе не существует ни стоимости рабочей силы, ни

прибавочной стоимости, хотя и есть "стоимость необходимого продукта" и "стоимость прибавочного продукта". .

Неудовлетворительность и опасность такого состояния экономической теории социализма остро осознавал И.В. Сталин, по свидетельству очевидца прямо заявлявший: "Положение сейчас таково, либо мы подготовим наши кадры, наших людей, наших хозяйственников, руководителей экономики на основе науки, либо мы погибли! Так поставлен вопрос историей. ...Без теории нам смерть! смерть! смерть!" В результате указанных отождествлений обе экономические формы – и оплата по труду, и вычеты труда в общественные фонды – терялись. С ними из поля зрения выпадало (точнее, не появлялось в нем) и их отношение. Потому разглядеть противоположность этих форм существующим формам заработной платы и прибыли было, конечно, невозможно.

К тому же разделение труда на необходимый и прибавочный было вполне осуществимо в условиях государственной ("общественной", как считалось тогда) собственности на средства производства и внешне ей, как будто, не противоречило.

Непосредственно ухватывалась лишь разница между сохранением при социализме стоимостных форм необходимого и прибавочного труда и, вроде бы, отсутствием стоимостных отношений в описании К.Маркса. Но это противоречие, не находя своего действительного разрешения, мистифицировалось политэкономией социализма. Причем на разных этапах советской истории оно мистифицировалось по-разному, в чем прослеживается определенная закономерная эволюция.

К концу советской эпохи (в период так называемого развитого социализма) все эти недоразумения суммировались во взгляде, согласно которому при социализме вычеты труда в общественные фонды выступают как прибыль, а по Марксу прибавочный продукт неизвестно когда (наверное, при полном коммунизме) будет измеряться непосредственно трудом.

Но дело здесь не только и даже не столько в более или менее субъективных недоразумениях, а в том, что "история, – по замечанию К.Маркса, – действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни".

В действительности история оказалась еще основательнее, чем можно было предполагать. В советском "реальном социализме" под видом "пропорционального права производителей" (долевого участия в результатах труда, оплаты по труду) реализовалась "оплата по количеству и качеству труда" – внешне то же самое, а в действительности нечто совершенно иное.

Взгляд К. Маркса на необходимый и прибавочный труд при капитализме и коммунизме

Капитал – сложная, многоплановая сущность. В глубине, в самом своем основании капитал – это овеществленный труд, предметно воплощенная общественная сила и богатство, *меновая стоимость*.

Но это не застывшая, равная самой себе, а подвижная, самовозрастающая стоимость, накопление которой осуществляется путем присоединения к уже воплощенному капитальному богатству живого прибавочного труда. Капитал – это *осуществление отношения найма рабочей силы* как специфически капиталистической формы отношения необходимого и прибавочного труда.

Это присвоение (вместе с продуктом) труда наемного рабочего его нанимателем – олицетворением и носителем капитала, собственником средства производства. Как совокупность соответствующих ему общественных отношений капитал – это *частная собственность* на средства производства.

Центральное место в этом триединстве капитала занимает отношение необходимого и прибавочного труда (отношение найма рабочей силы). Именно в нем овеществленный труд, меновая стоимость, превращается в капитальную стоимость, вложения средств в производство превращаются в капиталовложения, средства производства – в капитал. Только в силу этого отношения стоимость и существует как самовозрастающая сущность, как капитал. Отношение необходимого и прибавочного труда – это *существенное* отношение капитала.

Сохранение на протяжении какого-то времени после революции эквивалентного обмена К.Маркс считал неизбежным, но что касается отношения необходимого и прибавочного труда, то ничего по поводу его сохранения в коммунистическом обществе мы у К.Маркса не найдем. Напротив, по его словам, "целью (коммунистического переворота) является *уничтожение самого отношения так, чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта* (выделено мной – А.М.)". Это чрезвычайно важный момент. В нем надо разобраться, как следует. "Если, – писал далее К.Маркс, – свести заработную плату к ее общей основе, то есть к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить её до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (то есть общественной производительной силой собственного труда рабочего, как действительного общественного труда) и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если, далее, свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при условиях производства в данном обществе необходима для образования страхового и резервного фонда и для непрерывного расширения производства в степени, определяемой общественными потребностями. Если, наконец, включить в № 1 необходимый труд и в № 2 прибавочный труд, то количество труда, который работоспособные члены общества должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, то есть если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства".

Иными словами, если *изменить способ количественного определения* необходимого и прибавочного труда, то от этих экономических форм останутся только названия для обозначения той части труда, которая предназначена для индивидуального потребления отдельных работников, и той его части, которая необходима для удовлетворения общественных потребностей, выходящих за рамки этого потребления. На такие две части труд делился всегда, и будет делиться до тех пор, пока рабочее время остается мерой богатства. Но способ его деления на эти две части изменяется, составляя важнейшую сторону способа общественного воспроизводства.

В приведенной выдержке из "Капитала" К.Маркс "снимает" с необходимого и прибавочного труда их "специфически капиталистический характер" и вкладывает в эти выражения новый смысл, в соответствии с которым мерой прибавочного труда становятся все те необходимые общественные потребности, которые выходят за рамки индивидуального потребления отдельных работников.

При таком понимании прибавочного труда его мера определяет и меру необходимого труда, который в этом случае не может быть ничем иным, кроме остатка труда после вычета определенной его части для удовлетворения необходимых общественных потребностей. Этим, по сути дела, из *выражений* "необходимый труд" и "прибавочный труд" удаляются *понятия* необходимого и прибавочного труда и вкладываются в них понятия того, что мы здесь рассматриваем как оплату по труду и вычеты труда в общественные фонды.

Экономические формы оплаты по труду и вычетов труда в общественные фонды можно назвать необходимым и прибавочным трудом, их можно подвести под словесные обозначения необходимого и прибавочного труда, но они от этого экономическими формами необходимого и прибавочного труда в их специфически капиталистическом смысле, конечно, не станут. Точно так же экономические формы необходимого и прибавочного труда не станут оплатой по труду и вычетами труда в общественные фонды от их подведения под эти выражения.

Кстати, в приведённой выдержке К.Маркс как раз подводит коммунистические (социалистические) формы разделения труда под названия необходимого и прибавочного труда, совершенно ясно указывая, что это и есть *именно подведение* новых форм под старые выражения. Страницей раньше он замечает, что такое подведение не имеющих отношения к капиталу экономических форм под капиталистические формы дохода "упрочивает иллюзии" по поводу "само собой разумеющегося" деления стоимости, вновь созданной живым трудом, на заработную плату, прибыль и земельную ренту.

Учитывая сказанное легко понять смысл и значение тех оговорок, которыми К.Маркс сопровождает упоминание о необходимом и прибавочном труде в условиях общественной собственности на средства производства.

Пользуясь старыми терминами передать содержание новых экономических отношений чрезвычайно трудно. Это *объективная трудность самого языка*. Он не может точно и лаконично обозначить те формы, выразить те отношения, которых еще нет в действительности. В нем отсутствуют необходимые для этого выражения, пока жизнь их еще не дала. Потому Марксу и приходится, говоря о распределении в условиях общественной собственности на средства производства, называть ту часть труда, которая с необходимостью потребляется в обществе (в виде продуктов труда) вне рамок индивидуального потребления отдельных работников, прибавочным трудом, разъясняя, что речь идет, собственно говоря, не о прибавочном труде в его капиталистическом понимании, что прибавочный труд в этом смысле в каждом случае определен мерой необходимых общественных потребностей, и потому он необходимый труд и для всего общества, и для каждого работника. Или же этот труд приходится называть вычетами труда в общественные фонды, разъясняя, что это за вычеты, в чем состоит их необходимость и как они производятся.

Точно так же пропорциональную часть труда, которая возвращается к работнику в виде жизненных средств (в обмен на некий знак труда), приходится

называть либо необходимым трудом, разъясняя, что это, собственно говоря, не необходимый труд в его прежнем понимании, не заработная плата, а нечто качественно совершенно иное – право работника на потребление, пропорциональное его труду. Можно, конечно, эту часть труда назвать "оплатой по труду", но при этом приходится уточнять, что оплаты как таковой здесь нет, что в слово "оплата" вкладывается отличный от общепринятого смысл, что "оплата" в данном случае означает не момент обмена, а участие работника в общественном потреблении, пропорциональное его труду.

Наиболее близкие к этому выражения в словаре В.И.Даля – *заработок*, *заробок* – "мзда, заделье, выручка за труды" или же "*заработный*, следующий в уплату за работу, заслуженный, задельный" могут означать и оплату по труду, например, в артели, и заработную плату наемного рабочего, Эти экономические формы существовали тогда одна рядом с другой, взаимно переплетаясь. Например, к работе артели, кроме ее полноправных членов могли привлекаться за определенную плату и наёмные работники, о чём можно прочесть в том же описании рыболовецкой артели у П.И. Якушкина, отрывки из которого приводились выше, а сама артель со всеми ее внутренними отношениями могла выступать как объект группового найма. Вероятно, в силу этого ко времени составления словаря В.И. Даля живой русский язык различия этих двух форм не отражал. По всей видимости, ко времени К.Маркса не давал такого различия и немецкий язык. Это тем более вероятно, что в Германии к XIX веку общинные и связанные с ними артельные отношения ушли в прошлое.

Неизбежная языковая трудность выделения новых понятий определяет и сложность их восприятия, объективно затрудняет понимание смысла изложения. В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть, что ни в одном из произведений К.Маркса не найти механического переноса экономических форм и экономического отношения необходимого и прибавочного труда из капиталистического общества в коммунистическое. Применительно к условиям общественной собственности на средства производства К.Маркс под названием необходимого и прибавочного труда описывал или упоминал, с соответствующими оговорками, те же экономические формы, которые в "Критике Готской программы" он назвал вычетами труда отдельных работников в общественные фонды и "правом производителей" на жизненные средства, пропорциональным их труду.

Обозначив эти формы как *оплату по труду* и *вычеты труда в общественные фонды*, а отношение этих форм как *отношение пропорционального разделения труда* (его результатов) мы лишь получаем возможность избежать недоразумений, возникающих из смешивания отношения свободно ассоциированного труда с существенным отношением капитала, получаем возможность их сопоставить и убедиться в принципиальной противоположности этих двух отношений.

Противоположность двух отношений

Отношение найма как специфически капиталистическое отношение необходимого и прибавочного труда по своей природе антагонистично. В каждом отдельном случае прибавочный труд может возрасти только за счет абсолютного или относительного уменьшения необходимого труда, необходимый труд – только за счет абсолютного или относительного уменьшения прибавочного труда.

В отличие от этого отношение пропорционального разделения полагает одновременное, однонаправленное и происходящее в равной степени изменение обеих частей труда, которые в силу этого уже не входят одна с другой в противоречие. Этим отношение пропорционального разделения труда *снимает антагонизм*, внутренне присущий отношению необходимого и прибавочного труда, и устраняет обусловленную им *противоречивость интересов*, представленных этими двумя частями труда.

В условиях пропорционального разделения труда всякое изменение оплаты по труду возможно только при соответствующем изменении величины всего труда. Поэтому интерес каждого работника, поскольку он выражается в оплате по труду, с необходимостью распространяется и на весь труд. Равным образом увеличение оплаты по труду теперь совпадает с пропорциональным увеличением вычетов труда в общественные фонды, поэтому общественный интерес прямо и непосредственно совпадает с индивидуальным интересом работника, становится *его общественным интересом*. Этим устраняется принудительный характер, присущий прибавочному труду, а вместе с ним и всему труду наемного работника. При пропорциональном разделении труд с полной отдачей сил и способностей – труд "не за страх, а за совесть" – становится общественной нормой поведения не в том смысле, что он *должен* быть нормой, а в том смысле, что в норме он иным не бывает. О чем свидетельствует и *практика* пропорционального разделения труда.

Отношение необходимого и прибавочного труда по своей природе индивидуально и может осуществляться только в рамках экономически обособленного индивидуального труда каждого отдельного работника. Необходимый труд, а вместе с ним и весь труд одного работника экономически отделен, обособлен от труда любого другого работника. Это *экономическое разделение* общественного труда вырастает из его распределения и специализации, существовавших задолго до капитализма, но только при капитализме, с присущим ему всеобщим обменом, когда самым массовым, главным товаром становится рабочая сила, разделение труда приобретает отличное от собственно специализации и связанного с ней распределения труда *специфически капиталистическое значение*.

Экономически разделен не только труд, скажем, слесаря и тракториста, но и труд двух трактористов, даже если они вместе пахут одно и то же поле. Каждый трудится *за свою* заработную плату.

Именно в силу того, что заработная плата представляет собой стоимость привычно *необходимых* жизненных средств отдельного работника, он в норме не может поступиться своим, выраженным в заработной плате, индивидуальным интересом во имя других, более общих интересов. Сама экономическая форма заработной платы ограничивает и разобщает отдельных работников, вынуждает их преследовать в труде, прежде всего, свои индивидуальные интересы и потому ведет к столкновениям и противоборству между ними. То, что выгодно одному – невыгодно другому. То, что выгодно обоим, каждый стремится перехватить у другого, невыгодное свалить друг на друга или на кого-то третьего и т.п.

Это специфическое разделение общественного труда определяет всеобщую разобщенность, независимость и противоречивость индивидуальных интересов.

С уничтожением существенного отношения капитала и экономической формы заработной платы, по словам К.Маркса, *"отпало бы не разделение труда (вообще), а*

разделение, основанное на обмене (выделено мной – А.М.)". И не на обмене вообще (уточним этот момент), а на обмене рабочей силы на заработную плату.

В советское время немало писалось о том, что не надо, мол, придавать чрезмерное значение распределению, главное – произвести, тогда и будет, что распределять. И при этом ссылались на К.Маркса. А потом те же люди, проклиная К.Маркса, распределили между собой произведенное всем народом за десятилетия советской эпохи.

На самом же деле суждение "сначала произвести, потом распределить" справедливо лишь применительно к какому-то конкретному продукту или даже – к конкретной единице или партии того или иного продукта. В единстве процесса общественного воспроизводства отношения производства и распределения неотделимы. "Так называемые отношения распределения сами суть отношения производства". И если характеру капиталистического производства отвечает индивидуальное, внутренне антагонистичное и разобщающее труд отношение найма рабочей силы (отношение необходимого и прибавочного труда в его специфически буржуазном выражении), то некапиталистическому артельному производству и производству первой фазы коммунистического общества, как его предвидел К.Маркс, отвечает отношение пропорционального разделения труда, то есть отношение вычетов труда в общественные фонды и оплаты по труду. Сравним:

$$\begin{array}{ccc} & v & \\ & \nearrow & \\ a & & \\ & \searrow & \\ & m=a-v & \end{array} \quad \text{и} \quad \begin{array}{ccc} & vH_e & \\ & \nearrow & \\ a & & \\ & \searrow & \\ & d=a(1-H_e) & \end{array}$$

В отношении найма изначально присутствует единственное, примитивное побуждение – обманом или насилием, опираясь на власть, как угодно, *отнять* плоды чужого труда, отнять все, вычтя из добычи лишь некий неизбежный минимум работнику на жизнь. Для этого ему достаточно одного математического действия – вычитания. Отношение пропорционального разделения, содержит в себе не только учет и меру общественных интересов, но и долевое участие работников в результате труда, а вместе с тем и коллективное совладение и результатом, и средствами производства. Оно качественно выше отношения найма как осмысленное поведение выше хватательного рефлекса, как математическая пропорция выше простого вычитания.

Пропорциональное разделение труда – естественно-традиционное для некапиталистического общества – есть необходимое условие для общества коммунистического.

Глава вторая

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА И ПЕРВЫЕ ШАГИ КОММУНИЗМА

Русская община, К. Маркс и марксисты

Негативное отношение русских марксистов конца XIX – начала XX века к общине, их отчетливая антинародническая и, в целом, антикрестьянская позиция, (смягчившаяся у большевиков-ленинцев, но не у остальных марксистов, лишь после революции 1905-1907 годов) служат поводом к тому, что такие же или близкие к ним воззрения приписываются современными авторами и К.Марксу.

Так, можно встретить утверждения, что, не дождавшись пролетарской революции на Западе, Маркс с отчаяния обратился к русской общине, что раздираемый сомнениями по ее поводу он написал три письма Вере Засулич, но так и не отправил ни одного; что, недолго поколебавшись, он все же стал на точку зрения отрицания общины.

Со всем этим нельзя согласиться. Во-первых, потому, что дело обстояло несколько сложнее. Во-вторых, потому, что и русская крестьянская община, и взгляды К.Маркса заслуживают более пристального внимания. Ни община и артель, ни теория Маркса, во многом не понятая или понятая и истолкованная превратно, не являются для нас лишь музейными экспонатами. Они нам еще пригодятся.

Прежде всего, следует сказать со всей определенностью, что К.Маркс смотрел на роль крестьянства в предстоящей русской революции иначе, чем его последователи и не делал тайны из этих своих взглядов. Другое дело, что в силу ряда причин эти его взгляды были русским марксистам неизвестны или же ими не воспринимались.

Как это следует из работ К.Маркса, опубликованных отчасти до Октябрьской революции, отчасти уже после нее, он считал, что *благодаря сохранению крестьянской общины и в опоре на неё Россия может перейти к коммунизму, минуя капитализм.*

В 1877 году К.Маркс написал письмо в либеральный журнал "Отечественные записки" в ответ на опубликованную в нем ложную трактовку Н.К.Михайловским применительно к России той части "Капитала", в которой шла речь о первоначальном накоплении капитала и экспроприации крестьян как его основе. В виду важности высказанной в этом письме мысли и в связи с тем, что до последнего времени на нее (мысль) большого внимания не обращалось, позволю себе привести обширные выдержки из письма.

"Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, – писал Маркс, – я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года (т.е. к капитализму – А.М.), то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя".

И далее: "... что же мог извлечь мой критик из этого (содержащегося в "Капитале" – А.М.) исторического очерка в приложении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, – а в последние годы она немало потрудились в этом направлении, – она не достигнет этого не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев, а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и всё.

Но этого, – продолжает К.Маркс, – моему критику мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк о возникновении капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, – для того, чтобы прийти, в конечном счете, к

той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека (т.е. к коммунизму – А.М.). Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня".

Что при этом имеется в виду? Только то, что никакого *всеобщего, пути* нет, как нет и никакой историко-философской теории о нем, приписываемой К. Марксу. А есть лишь написанный К.Марксом "исторический очерк о возникновении капитализма в Западной Европе". И то, что было в Западной Европе, совсем необязательно для России; она может развиваться по-своему, используя "наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу" и не повторяя путь "нечестивых народов". Кажется, ясно. Изложено самим К.Марксом и изложено предельно однозначно.

Для большей наглядности К.Маркс приводит пример Древнего Рима, где свободные крестьяне были экспропрированы, образовалась крупная земельная собственность и крупные денежные капиталы и "в один прекрасный день налицо оказались с одной стороны свободные люди, лишённые всего, кроме своей рабочей силы, а с другой стороны – для эксплуатации их труда – владельцы всех богатств". Но из этих условий развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. "Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке привели к совершенно различным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности, а затем, сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления, но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности".

К.Маркс утверждает, что теория капитала, разработанная им на материале Западной Европы, не есть теория неизбежности капитализма, что такой универсальной отмычкой она не является. И она не может и не должна использоваться в качестве такой отмычки, тем более применительно к России – стране во многих отношениях уникальной и способной избежать "роковых злоключений" капитализма. Вот основной смысл и пафос этого письма.

В нем К.Маркс высказался против разрушения общины для перехода России к капитализму, "как того хотят ее либеральные экономисты", и солидаризовался с Н.Г. Чернышевским в том, что "развивая собственные исторические данные" Россия может завладеть всеми научно-техническими достижениями капитализма, "не испытав мук этого строя".

Более подробно эти мысли были развиты К.Марксом спустя четыре года (в 1881 году) в ответном письме к народнице Вере Засулич, обратившейся к нему по поводу все той же, приписываемой Марксу "историко-философской теории о всеобщем пути".

"В последнее время, – писала она, – мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую *история, научный социализм – словом, все, что есть наиболее бесспорного*, (выделено мной – А.М.) обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими подлинными учениками, "марксистами" ... Вы поймете поэтому, гражданин, в какой мере интересуется нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам,

изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства".

"Русские "марксисты", о которых Вы говорите, – писал в ответ К.Маркс – мне совершенно неизвестны. Русские, с которыми я поддерживаю личные отношения, придерживаются, насколько мне известно, совершенно противоположных взглядов". Что же касается "прохождения всех фаз" капитализма, то ""историческая неизбежность" этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы*", где "*частная собственность, основанная на личном труде, ...вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном (кавычки и курсив К.Маркса – А.М.)*". "В этом совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность". Т.е., исторические условия в России совершенно иные, чем в Западной Европе, поэтому капитализм в ней не является неизбежным.

"Анализ, представленный в "Капитале", – писал далее К.Маркс, – не даёт, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвёл на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития".

В набросках к этому письму Маркс писал: "земледельческой общине" свойствен дуализм, который может служить для нее источником большой жизненной силы – "...с одной стороны, общая собственность и обусловливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная (индивидуально-семейная – А.М.) обработка пахотной земли, частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, не совместимое с условиями более древних общин". Этот дуализм определяет возможность двух альтернативных путей развития общины: "либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится...". Какова же была историческая среда в России?

"Россия, – отмечал К.Маркс, – единственная европейская страна, в которой "земледельческая община" сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Она не является подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя, В то же время она не живет изолированно от современного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на лугах, не подвергающихся разделу. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к *артельным* отношениям (выделено К.Марксом – А.М.) облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному и, наконец, русское

общество, так долго жившее на его счет, обязано предоставить ему необходимые авансы для такого перехода. С другой стороны, *одновременное существование* западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья".

"...Такое развитие "сельской общины" соответствует направлению исторического процесса нашего времени, ...которое кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа – к *коллективному производству и коллективному присвоению* (выделено мной – А.М.)".

Однако, "с самого так называемого освобождения крестьян русская община поставлена была государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать ее с помощью сосредоточенных в ее руках общественных сил. Обессиленная его фискальными вымогательствами, оказавшаяся беспомощной, она стала объектом эксплуатации со стороны торговца, помещика, ростовщика"

"Чтобы спасти русскую общину (от уничтожения "верхами" общества – А.М.) нужна русская революция ... Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет *элементом возрождения русского общества и элементом превосходства* над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя". Более того, "... сохранение сельской общины путем ее дальнейшей эволюции, – писал К.Маркс, – совпадает с общим движением русского общественного развития, возрождение которого может быть куплено *только этой ценой*. Россия *тщетно стала бы пытаться* выбраться из своего тупика введением капиталистической аренды английского типа, *столь противной всем общественным условиям страны* (выделено мной – А.М.)".

Как мы видим, взгляд К.Маркса на особенности России и роль русского крестьянства и крестьянской общины в исторических судьбах страны был совершенно четким и определенным. Он считал, что для России возможен свой, особый путь в социализм. Не через развитие капитализма, его противоречия, и классовую борьбу пролетариата против буржуазии, а минуя неизбежно трагический для народа капитализм, на основе *сохранения традиционных русских* экономических отношений *и их развития* путем применения технических достижений Запада. Более того, именно этот путь он считал для России *единственно возможным и спасительным*, а само сохранение общины – огромным *преимуществом России перед западными странами*. И напротив, путь капитализма для России по К.Марксу – тупиковый.

Так же считали и русские народники, которых в теории К.Маркса привлекала критика капиталистических порядков, угроза которых нависла над Россией, и они – это важно подчеркнуть – не усматривали непримиримых противоречий между своими воззрениями и учением К.Маркса. Напротив, они видели в нем науку о капиталистическом строе европейского Запада, который противоречит русским традициям и установление которого в России можно и нужно предотвратить. Отнюдь не случайно, по признанию самого Маркса (в его письме Л. Кугельману от 12 октября 1868 г.) русские "всегда были моими доброжелателями", работы

"Нищета философии" и "К критике политической экономии" "не нашли нигде большего сбыта, чем в России", и "первая иностранная нация, переведшая "Капитал", – русская". Перевели на русский язык первый том "Капитала" народники Г.А. Лопатин, Н.Ф. Даниельсон и Н.Н. Любавин.

Правда, в 1868 году сам К.Маркс эту приверженность русских к его учению называл "иронией судьбы" и усматривал в ней лишь *следствие западничества* русской аристократии, следствием ее погони за тем, "что Запад представляет самого крайнего", подобно моде на французские кулинарные изыски. И нельзя не признать в этом определенной доли правды. Но, с одной стороны, менялись взгляды самого К.Маркса, его понимание России. В конечном счете, как мы могли убедиться, к началу 1880-х годов он преодолел в себе столь свойственные обитателям Запада европейскую ограниченность и русофобию. С другой стороны, как раз в то время, когда К.Маркс в Европе избавлялся от евроцентризма, в самой России евроцентризм и русофобия перешли от аристократии в широкие массы разночинной интеллигенции, породив в значительной ее части не только величайшее почтение перед всем западным, но и крайне враждебное и презрительное отношение к "лапотности", "сермяжности" и прочей "азиатчине" своего собственного народа, впрочем, к тому времени в этой среде уже изрядно разбавленного.

С позиции нашего рассмотрения обвинения К.Маркса в русофобии, которые сейчас нередко можно встретить в литературе, перевешиваются тем простым и несомненным фактом, что мерить Россию "общим аршином" и прилагать к ней созданную им на Западе и для Запада теорию капитала К.Маркс считал неправомерным. Рассматривать эти взгляды Маркса как случайные или противоречащие его же теории о капитале, очевидно, нет никаких оснований. Логичнее допустить, что мировоззрение К.Маркса было шире этой теории и включало ее в себя как наиболее проработанную часть, которой он успел уделить наибольшее внимание.

Как же получилось, что взгляды Маркса о самобытности России, об уникальности условий и перспектив ее социального развития остались за пределами того, что позже стало называться и по сей день считается "ортодоксальным" или "классическим" марксизмом?

Как уже упоминалось, взгляды К.Маркса о России и в его время были мало кому известны. Цитированное письмо в "Отечественные записки", написанное К.Марксом в 1877 году, было впервые опубликовано лишь через 8 лет, уже после его смерти. Причем опубликовано отнюдь не марксистами, а народниками, в "Вестнике Народной воли": доводы Маркса они использовали как аргументы в свою пользу в полемике против появившихся в России в начале 1880-х годов социал-демократов. Еще позже, уже в 1924 году, было впервые напечатано письмо К.Маркса к Вере Засулич, обнаруженное в архиве Г.В. Плеханова после его смерти. Никому не известное оно пролежало там более 40 лет. Тогда же впервые были опубликованы и черновики к нему.

Большинству русских марксистов (социал-демократов) мысли К.Маркса о России были малоизвестны или совсем неизвестны. Вместе с тем, и зарубежным, и отечественным марксистам, была доступна и хорошо известна написанная Ф.Энгельсом в 1875 году довольно большая работа "О социальном вопросе в России". Что же можно было почерпнуть из нее? Начинается статья с полемики

против русского народника П.Н. Ткачева. В ответ на его замечание о том, что хотя в России еще нет городского пролетариата, но зато нет и буржуазии, и потому крестьянам за свое социальное освобождение предстоит бороться лишь с политической властью, а не с властью капитала, что легче, В.Ф.Энгельс писал: "Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где, хотя нет пролетариата, но зато нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма".

Нетрудно заметить, что подход Энгельса к русской действительности не только отличался от подхода К.Маркса, но и был ему *прямо противоположен*. Не вдаваясь в причины, детали и обстоятельства этих расхождений – они еще ждут своего исследователя – нам важно констатировать их, как факт, сыгравший значительную роль в нашей истории.

Если К.Маркс возражал против существования универсальной теоретической "отмычки" на все случаи жизни, то именно в этой роли и представлял учение "современного социализма" Ф.Энгельс. Социальное развитие он рассматривал как последовательный путь к капитализму и далее – к коммунизму, как результату победы пролетариата над буржуазией. И, коль скоро буржуазии нет и побеждать некого, то ею, по мысли Энгельса, надо поскорее обзавестись. Тем более, что только в руках буржуазии, полагал он, производительные силы и могут достигнуть высокого развития. В силу такого рода прямолинейной трактовки социального прогресса, абстрагированной от культурно-исторических различий стран и народов, какой-либо путь к коммунизму в обход капитализма Ф.Энгельс считал принципиально невозможным, а взгляды русских народников на этот счет рассматривал как вредную иллюзию.

В результате такой трактовки марксизм вполне естественно и закономерно оборачивался *прямой апологетикой капитализма*.

На крестьянскую общину Ф.Энгельс, в противоположность К.Марксу, смотрел как на давно устраненные в Западной Европе "оковы и тормоз" развития

производства и считал, что она близка к гибели. Точно так же и в артели Ф.Энгельс не находил ничего ценного или интересного. По его словам, чтобы русская артель послужила переходу к социализму, "нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою стихийную форму ...и поднялась *по меньшей мере* до уровня западноевропейских кооперативных обществ". Как известно, приводимые им в качестве образца западноевропейские кооперативные общества действовали на вполне капиталистических началах.

Утверждения П.Н. Ткачева о том, что русский народ с его "идеей коллективной собственности" – "коммунист по инстинкту, по традиции" и потому "стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы" Энгельс находил не более, чем забавными. Этих своих взглядов он не изменил и впоследствии и уже в 1895 году жаловался Г.В.Плеханову: "Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, ... которое все еще верит в стихийную коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов".

Действительно, для народников старого закала его аргументация против общины и в пользу капитализма была малоубедительной. Но среди русских западников евроцентризм "азбучного" социализма находил сочувствие и поддержку. Особенно восприимчивой к такого рода "передовым идеям" была революционная молодежь, как обычно, нетерпимая и крайняя в своих суждениях и оценках. В этом отношении поначалу не составлял исключения и В.И.Ленин, написавший в 1890-х годах ряд острополемиических работ, направленных против народников. Как и Ф.Энгельс, В.И.Ленин отрицал какое-либо положительное значение крестьянской общины и преувеличивал степень ее разложения.

Прошло, однако, немного времени и всю иллюзорность представлений о нежизнеспособности и слабости общины показали революция 1905-1907 годов и провал столыпинской аграрной реформы. Эти потрясения приблизили Ленина к пониманию крестьянства или, во всяком случае, необходимости считаться с ним. В 1907 году В.И.Ленин *вопреки позиции не только меньшевиков, но и почти всех большевиков* поддержал крестьянское требование о национализации всей земли и выступил за союз рабочего класса и крестьянства. Наконец, в статье "Лев Толстой как зеркало русской революции" В.И.Ленин меняет ориентиры революционной борьбы с устранения препятствий развитию "прогрессивного" капитализма на предотвращение господства капиталистических отношений.

По словам С.Г.Кара-Мурзы, подробно проанализировавшим трансформацию взглядов В.И.Ленина, "завершением большого пути Ленина – от ортодоксального марксиста и евроцентриста, написавшего "Развитие капитализма в России", до творца советского строя и вождя цивилизационного масштаба – можно считать Апрельские тезисы 1917 года. В них содержался *цивилизационный* выбор, прикрытый срочной политической задачей. Не буржуазная республика, а идущие от крестьянской общины Советы, не ускоренное развитие капитализма с последующей пролетарской революцией, а продолжение некапиталистического пути в форме социализма". Однако, при всей привлекательности этого суждения оно далеко не бесспорно.

В том же апреле 1917 года на Всероссийской (апрельской) РСДРП(б) В.И. Ленин отмечал: "Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых

стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования". Комментируя резолюцию конференции о текущем моменте он говорил: "Мы должны теперь ставить вопрос о социализме иначе, чем он ставился, из области туманного мы должны перенести его в конкретнейшую область: национализация земли, контроль за синдикатами и т.д."

"Национализация земли, – отмечал В.И.Ленин, – мера буржуазная, она не исключает капитализма и капитал не исключает ее, но удар, наносимый ею частной собственности – велик". Точно так же "установление государственного контроля за всеми банками, с объединением их в единый центральный банк, а равно за страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов ..., эта мера – не социализм, это переходная мера, но осуществление таких мер в связи с существованием Советов Р. и С.Д. сделает то, что Россия одной ногой станет в социализм, одной – потому что крестьянское большинство руководит другой из хозяйственных сторон страны".

Из приведенных высказываний видно, что, несмотря на существенные изменения своего подхода к крестьянству, В.И.Ленин и в апреле 1917 года наличие "массы мелкокрестьянского населения", как и большинство русских социалистов, рассматривал не только как признак *особой отсталости* России от других европейских стран, но и как *главное препятствие* для перехода к социализму. Общинные и артельные отношения, представлявшие собой объективную социальную реальность, не только никак не связывались им с социализмом, но и были напрочь исключены из всякого рассмотрения.

Это показывает, насколько трудно бывает даже величайшим умам преодолеть усвоенные в молодости воззрения. К огромному сожалению и нашему большому несчастью остатков евроцентризма в своем сознании В.И. Ленин так до конца и не преодолел, о чем свидетельствуют его последние работы. Еще более далеки от этого были другие партийные вожди. В результате именно упрощенная, западническая версия марксизма утвердилась на многие десятилетия в качестве официальной партийной идеологии. Все, что ей противоречило задвигалось куда-нибудь подальше, на задний план. К концу советской эпохи эта тенденция усилилась. В результате в изданный незадолго до "перестройки", в 1983 году, трехтомник избранных произведений К.Маркса и Ф.Энгельса не вошло ни письмо Маркса в "Отечественные записки", ни его ответ на письмо В.Засулич, ни два из трех набросков к нему. Зато в нем были полностью представлены цитированная выше статья Ф.Энгельса и опубликованное им почти через 20 лет и выдержанное в том же духе "Послесловие" к этой работе. Точно так же в напечатанные в 1988 году Избранные произведения В.И. Ленина в 4 томах была включена его обширная направленная против народников статья "От какого наследства мы отказываемся", но для чрезвычайно важном в теоретическом отношении статьи "Лев Толстой как зеркало русской революции" места в них не нашлось.

"Область туманного"

В "Критике Готской программы" К.Маркс писал о коммунистическом обществе сначала, что оно "как раз выходит ("eben ... herforgeht") из недр капитализма", а затем, что оно "только что вышло" ("eben ... herforgegangen ist") из него "после долгих мук родов". Причем к этому времени отношения найма рабочей

силы в нем уже нет, оно, как это видно из текста, *уже заменено* пропорциональным разделением труда. И уже после этого идет речь о времени, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни и т.д. ... В.И. Ленин в своем конспекте этой работы так разграничил этапы развития коммунистического общества:

I "долгие муки родов"

II "первая фаза коммунистического общества"

III "высшая фаза коммунистического общества".

В работе "Государство и революция" "первую фазу коммунистического общества" В.И. Ленин назвал "социализмом", а "высшую фазу" – "полным коммунизмом". "...Научная разница между социализмом и коммунизмом, – писал он, – ясна. То, что обычно называют социализмом, К.Маркс назвал "первой" или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово "коммунизм" тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм".

При этом условием реализации социализма В.И. Ленин считал достижение распределения по труду посредством установления контроля над производством со стороны рабочего государства. "Учет и контроль, – писал он, – вот главное, что требуется для "налажения", для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в *служащих по найму* у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими *одного всенародного, государственного "синдиката"* (выделено мной – А.М.). Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну ... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы".

Сопоставив приведенные выдержки с содержанием "Экономическо-философских рукописей 1844 года" К.Маркса, мы без труда обнаружим, что это понимание В.И. Лениным социализма по существу совпадало с тем, что К.Маркс называл "первой формой" коммунизма, в которой он "является лишь *обобщением и завершением* отношения частной собственности (здесь и далее выделено К.Марксом – А.М.)". "На первых порах, – писал Маркс, – он (коммунизм – А.М.) выступает как *всеобщая частная собственность*", "желающая утвердить себя в качестве положительной общности". "...Категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей... ". "Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества".

Реализовалась ли в России та начальная, переходная, самая первая форма коммунизма, о которой писали и Маркс, и Ленин? Зная историю, следует признать, что да, безусловно, реализовалась. Именно под властью большевиков Россия из преимущественно *некапиталистической* страны, где более 80% населения трудилось семейно, на общинной земле, при помощи своих орудий труда и не было вовлечено в отношения найма, стала страной, в которой труд по найму стал узаконенной обязанностью для каждого, а все основные средства производства были объединены в одну гигантскую государственную монополию.

Правда, К.Маркс писал о первой форме коммунизма применительно к капиталистическому Западу. И переход к ней, согласно Марксу, произойдет в *высшей точке* капиталистического развития общества, когда всеобщее отчуждение и деградация личности достигают своего наибольшего выражения, и выливаются сразу после переворота в проявления всеобщей алчности и зависти, в насильственное отрицание повсюду личности человека, индивидуальных способностей и таланта, в отрицание всего мира культуры, наконец, в кочевавшую до К.Маркса по коммунистической литературе пресловутую "общность жён. В связи с этим первую, переходную от капитализма форму коммунизма, которую В.И. Ленин впоследствии выделил как "долгие муки родов" коммунистического общества, К.Маркс называл также "грубым коммунизмом". Но Россия ко времени социалистической революции находилась не в высшей точке, а в самом начале капиталистического развития. Преобладавшее в ней крестьянское население не представляло собой не только завершающего, но и начального продукта буржуазного разложения. Поэтому, при всем ожесточении и хаосе гражданской войны, перечисленные Марксом черты грубого коммунизма в России, как массовое явление не проявились. Первая, переходная форма коммунизма в России "грубым коммунизмом" не была и не могла быть. Человеческий материал был не тот. Что, впрочем, никогда не мешало антикоммунистической пропаганде обвинять социализм именно в указанных, *капиталистических* грехах, в той степени одичания, до которой капитализм сейчас сам уверенно созревает.

Во избежание путаницы сопоставим названия и признаки этапов общественного развития по К.Марксу и В.И.Ленину в таблице.

Названия и признаки этапов коммунизма по К.Марксу и В.И.Ленину

Названия		Признаки
по К.Марксу	по В.И.Ленину	
I		
"Первая форма коммунизма"; "Грубый коммунизм"; "Долгие муки родов" коммунистического общества	"Долгие муки родов" коммунистического общества	"Община как всеобщий капиталист"; "Общность труда и равенство заработной платы". (К.Маркс); "Всенародный государственный синдикат"; "Все общество одна контора и одна фабрика с равенством труда и равенством платы" (В.И.Ленин)
II		
"Первая фаза коммунистического общества"	"Первая фаза коммунистического общества"; "Социализм"	"Вычеты труда в общественные фонды". "Право производителей (на потребление), пропорциональное труду". В России – ассоциация общинных крестьян (К.Маркс). "Равенство труда и равенство платы" (В.И.Ленин)
III		
"Высшая фаза коммунистического общества"	"Высшая фаза коммунистического общества"; "Полный коммунизм"	Каждый по способностям, каждому по потребностям

К. Маркс, Советы, фабзавкомы

Коснемся вкратце еще одной, недостаточно известной стороны рассматриваемого вопроса. В традиционном русском обществе крестьянская община была его основной структурой и *связующим звеном между соборной личностью и народом*. Слабую связность общин между собой, как элементов традиционного общества, по мысли К.Маркса, легко было преодолеть простой заменой волости (правительственного учреждения) "собранием выборных от крестьянских общин, которое служило бы экономическим и административным органом, защищающим их интересы". Такой увидел историческую необходимость для России К.Маркс.

И именно в этой форме она реализовалась четверть века спустя, когда в ходе революции 1905-1907 годов такие *собрания выборных от общин – крестьянские советы* – обеспечили чрезвычайную согласованность и сплоченность действий крестьян на больших территориях. "Мы, к нашему буквально горю, – пишет С. Кара-Мурза, – очень мало знаем об этой революции, потому что она пошла совершенно "неправильно". Мы, например, слышали о Совете в Иваново-Вознесенске, который пассивно просуществовал два месяца, но ничего не знаем о сотне крестьянских советских республик, которые по полгода обладали полнотой власти в обширных зонах. История Советской России началась в деревне в 1905 г."

На крестьянские советы как органы хозяйственного самоуправления указывал А.В. Чаянов, "Наш режим есть режим советский, – писал он, – режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до Октября 1917 в системе управления кооперативными организациями".

Поразительно, но вдали от России и даже ни разу не побывав в ней, К.Маркс понимал ее специфику, видел то, что было для нее исторически необходимо, и прозревал ее будущее лучше, чем русские марксисты – даже десятилетия спустя и находясь в гуще событий! В отличие от них он не был отравлен тем, что справедливо именовалось у нас низкопоклонством перед Западом, и потому мог объективно оценить реалии русской жизни.

При первой же возможности трудовое коллективное самоуправление было перенесено крестьянами и в промышленность. Сразу после февраля 1917 года рабочие – в большинстве своем недавние выходцы из деревни – создали практически на всех промышленных предприятиях России фабрично-заводские комитеты, объединявшие работников предприятий независимо от их профессиональной и профсоюзной принадлежности. Фактически это были коллективные трудовые советы, сыгравшие важнейшую роль в революции. Фабзавкомы явочным порядком вводили восьмичасовой рабочий день. Они решали вопросы расценок и зарплаты, приема и увольнения, брали на себя управление предприятиями, если владельцы пытались их закрыть или сократить производство. Направленные против них законы и постановления Временного правительства фабзавкомы не выполняли. В период подготовки Октябрьского вооруженного восстания фабзавкомы были повсеместно представлены в военно-революционных комитетах и принимали участие в формировании отрядов Красной Гвардии.

Фабзавкомы были советами трудовых коллективов – органами трудового самоуправления на предприятиях, вносившими общинные, артельные отношения в промышленное производство. Взяв управление предприятием в свои руки

фабзавкомы стремились не обострять, но наоборот, насколько возможно, устранить классовые противоречия. Действуя в соответствии с общинной психологией они "предлагали владельцам стать "членами трудового коллектива", войти в "артель" – на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода".

Представляя собой трудовые советы коллективов фабзавкомы служили опорой местным Советам, ставшим в результате Октябрьской революции основой всей советской государственности.

Установление контроля фабзавкомов над промышленными предприятиями страны явилось, по сути дела, стихийным, совершенно естественным началом, позволю себе так выразиться, коллективизации русской промышленности, о преимуществах и необходимости которой писал Д.И.Менделеев. Широко известный как великий химик, он был и замечательным, глубоким экономистом. Его мысли по экономическим вопросам сохраняют для нас актуальность и по сегодняшний день.

"В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, – отмечал Д.И. Менделеев, – я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, т.к., по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному". И снова трудно не поразиться буквальному совпадению мысли К.Маркса о крестьянской общине как "элемента возрождения" и "элемента превосходства" русского общества над капиталистическими странами с глубоко продуманным суждением Д.И.Менделеева, основанным на хорошем знании состояния и проблем русской промышленности. Впрочем, Д.И.Менделеев был в этих мыслях не одинок. Он продолжал и развивал подходы народников, со взглядами которых был знаком и К.Маркс.

Необходимость переноса и развития общинных отношений в промышленности объективна. Но реализоваться в ходе революции ей было не суждено. Власть фабзавкомов на предприятиях оказалась недолгой.

Наибольшим влиянием в фабзавкомах пользовались большевики, и накануне Октябрьской революции проходившая 17-20 октября (30 октября – 4 ноября) 1917 года Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов приняла предложенную ими резолюцию, в которой, в частности, говорилось:

"Экономическая жизнь страны, как сельское хозяйство, так и промышленность, торговля и транспорт, должна быть подчинена одному плану, составленному в интересах удовлетворения личных и хозяйственных нужд широких масс народа, утвержденному их выборными представителями и исполняемому под руководством этих представителей в лице соответствующих государственных и местных учреждений по проведению хозяйственного плана...". За собой фабзавкомы оставляли рабочий контроль за деятельностью администрации.

Но, приняв курс большевиков на создание "одного всенародного государственного "синдиката" фабзавкомы этим своим решением передали ту власть, которой они уже реально располагали на предприятиях, будущим наркоматам и их органам на местах. И, поскольку государственный капитал ни в каком рабочем контроле над собой ни, тем более, в трудовом самоуправлении как капитал

нисколько не нуждался, а на роль посредников в отношении найма достаточно было и профсоюзов, фабзавкомы уже в январе – феврале 1918 года были слиты с профсоюзами и утратили самостоятельное существование.

Этим было подорвано трудовое самоуправление на предприятиях и Советы, перестав быть его продолжением, превратились в часть противостоящего рабочим административного, бюрократического аппарата. По словам изучавшего рабочее самоуправление начала XX века Д.О. Чуракова, "происходившее было во многом не чем иным как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует противоборство двух ориентаций революции: стать ли России отныне "социалистическим" вариантом все той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход ... из тупика".

В дальнейшем, уже в ходе индустриализации, профсоюзы, перестали разделять работников внутри предприятий по профессиям и, как считает С. Кара-Мурза, "обрели сущность фабзавкомов ... Если бы этот процесс, – заключает он, – шел не стихийно и осознавался не на интуитивном уровне, а с пониманием национальной цивилизационной специфики, было бы меньше издержек и в 30-е годы, и не произошло бы катастрофы 90-х годов".

В плену незавершенного перехода

Наиболее последовательными западниками среди русских марксистов были меньшевики. В отличие от них большевики по ряду вопросов становились на позиции крестьянства или шли ему на уступки, хотя нередко это было продиктовано конъюнктурой, и инициатива исходила не от них. Но в целом, путь к социализму и до, и после октября 1917 года большевики видели не через укрепление и развитие сельской общины (и самоуправляющихся трудовых коллективов), а через капитализм, точнее, через государственно-монополистический капитализм, "ибо социализм, – писал В.И. Ленин, – есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии". "Государственно-монополистический капитализм, – продолжал он, – есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом никаких промежуточных ступеней нет". ...Государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика ... Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в "преддверии" социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое нами "преддверие" в дверь социализма не войдешь?"

Но, чтобы войти в социализм, одной, даже самой полной, последовательной и планомерной монополизации производства пролетарским государством было недостаточно. Другое, не менее необходимое условие, считал Ленин, состояло в том, "... чтобы они (рабочие и служащие "всенародного синдиката" – А.М.) работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну".

После Октябрьской революции сдельная заработная плата почти повсеместно была заменена равной платой при равном рабочем времени отдельных работников.

Это отрицательно сказалось на производительности труда и трудовой дисциплине и уже в марте-апреле 1918 года потребовало разработки и принятия с участием В.И.Ленина "Положения о трудовой дисциплине", которое, в частности, предусматривало восстановление сдельной и премиальной систем заработной платы.

Но это нисколько не означало принципиального отказа от социалистического распределения, *понимаемого как равная плата по равному труду*. Тогда же, в марте 1918 года, В.И.Ленин в "Черновом наброске проекта программы", наряду с другими, ставил задачу "постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки ..., постепенного выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях".

Это оказалось непростым делом. В апреле 1918 года в работе "Очередные задачи Советской власти" В.И.Ленин писал: "Решающим является организация всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов. Между тем, в тех предприятиях, в тех отраслях и сторонах хозяйства, которые мы отняли у буржуазии, учет и контроль нами еще не достигнут ... Рабочий контроль введен у нас как закон, но в жизнь и даже в сознание широких масс пролетариата он едва-едва начинает проникать. Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов".

Осуществить уравнительную оплату не удавалось, и в работах В.И.Ленина можно встретить высказывания *против* уравнительной оплаты, за сдельную и премиальную системы оплаты – *за заработную плату*. Но не на будущее, не для первой фазы коммунизма, а для создания ее материальных предпосылок на путях новой экономической политики. Для В.И. Ленина, как и для К.Маркса, социализм и заработная плата были, всё же несовместимы. Выше уже упоминалось, что в русских артелях, в том числе и заводских, рабочее самоуправление, включая распределение произведенного, было повседневной практикой, жизненным фактом на протяжении многих веков. Но с точки зрения давно и прочно усвоенного евроцентристского марксизма община, а заодно и артель с присущей ей коллективностью, представлялись атрибутами отсталости и "устоями застоя". Поэтому вопрос ставился не о хорошо известном и *еще реально существовавшем тогда трудовом самоуправлении*, а о переходе к некоему умозрительному и принципиально невозможному *самоуправлению наемных рабочих*, которые не переставали быть наемными и при уравнительной заработной плате.

Необходимым условием реализации социалистического распределения, как одной из сторон производственного самоуправления, В.И.Ленин считал повышение уровня рабочих – их общей культуры, образованности, сознательной дисциплины. В связи с этим особый смысл приобретают относящиеся к январю 1922 года слова В.И.Ленина о том, что "раньше чем *через несколько десятилетий* (выделено мной – А.М.) нельзя рассчитывать на то, чтобы большинство трудящихся достигли самого высокого уровня развития", что для этого необходима "упорная, деловая, рассчитанная на долгий ряд лет работа практического обучения рабочих и всех трудящихся управлять нархозяйством целой страны".

Вопрос о характере отвечающего первой фазе коммунистического общества распределения, а значит и производства, и потребления отодвигался в

неопределенное будущее. Он оказался для большевиков действительно трудным вопросом. Попытки решить его не удавались и, в конечном счете, были оставлены.

Вскоре после смерти вождя, в августе 1924 года, было решено, что допускаясь до этого опережающий рост заработной платы по отношению к росту производительности труда "угрожает интересам промышленности и государства", что *"эти интересы требуют обратного отношения – ... рост производительности труда должен обгонять рост заработной платы"* (выделено мной – А.М.). Только в этом случае, подчеркивалось в принятом решении, возможно снижение себестоимости продукции и накопление средств для расширения производства и удовлетворения других общественных потребностей.

Простая, вроде бы, мысль о том, что заработная плата должна не только *не обгонять*, но и *не отставать* от роста производительности, что она может и должна *изменяться в соответствии с ростом производительности*, как будто, не приходила в головы. Почему? Потому что мысль экономистов вращалась в рамках отношения наемного труда и государственного капитала (предполагавшего, как и всякий капитал, стоимостное накопление – в этом его природа), но уже спрятанного за "интересами промышленности и государства" и за терминами и формами "себестоимости" и "накопления средств" и этим еще более мистифицированного.

Здесь важно отметить, что *"принцип опережающего роста производительности труда по отношению к росту заработной платы"* (т.е. выраженный иначе и применительно именно к государственному капиталу *принцип капиталистического накопления*), стал с тех пор и оставался до конца советской эпохи *незыблемым принципом государственной политики* в области распределения. Это практически исключило возможность не только решения, но и постановки вопроса о пропорциональном разделении результатов труда и обрекло экономическую науку на вращение в рамках понятий и представлений, отвечающих производству на основе капиталистического отношения найма, специфически модифицированного на советский лад.

Вместе с этим был закрыт и путь к пониманию сущности первой фазы коммунизма и главного условия перехода к нему. На протяжении всей советской эпохи и при всех изменениях общества, от "военного коммунизма" до "развитого социализма" и "перестройки", продолжались "долгие муки родов" коммунистического общества. Оно развивалось в пределах самой первой, исходной его формы с обязательностью для всех труда и всеобщностью капитала. Во всяком случае, официальная наука до самого конца выйти за рамки этой исходной формы коммунизма, по сути дела, и не пыталась.

Советское общество застряло в состоянии, переходном от капитализма к коммунизму (первой его фазе), примиряя и удерживая в себе оба противоборствующие начала, не видя и, по сути, не ища выхода из этого положения.

И оно оставалось в этом состоянии перехода до тех пор, пока все возможности развития и простого пребывания в нем не были исчерпаны до конца и противоборство двух начал не переросло в их тотальное взаимоисключение.

О чем это говорит? О том, что путь действительного общественного развития невероятно труден, тем более для тех, кто идет по нему впервые. Слишком многое неясно, затемняется и искажается материальными интересами, предрассудками,

навязанными извне суждениями, вольными или невольными заблуждениями. Слишком многое становится понятным лишь задним числом.

Глава третья **ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА КАК МОМЕНТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Оплата по труду

Отношение пропорционального разделения труда в действительности сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Вернемся опять к "Критике Готской программы". "Например, – пишет К.Маркс, – общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем".

Сложив индивидуальное рабочее время всех работников общества, а затем, разделив это общее, *уже общественное*, рабочее время на сумму индивидуальных часов мы получим, что один час индивидуального труда равен одному часу общественного рабочего времени. Следовательно, восемь часов индивидуального труда, казалось бы, равны восьми часам общественного труда.

"Но один человек, – замечает К.Маркс, – физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше, а труд, для того, чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой".

В каждом часе общественного рабочего времени усреднен разный по качеству и интенсивности труд разных людей. Поэтому один час общественного труда равен одному часу индивидуального труда лишь в масштабах всего общества. В каждом отдельном случае час индивидуального рабочего времени часу общественного рабочего времени не равен. Час труда одного работника может быть равен и двум, и трем часам общественного рабочего времени, час другого – только половине часа.

По К. Марксу производитель в обмен на свидетельство о том, "что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в общественные фонды) ... получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда".

Предметы потребления измерены общественным трудом. Значит, и количество труда, представленное неким знаком, свидетельством труда данного работника должно быть измерено *общественным* рабочим временем, то есть, выражено *не в часах труда данного* работника, а в общественных рабочих часах. Кроме того, количество труда отдельного работника, представленное знаком его труда, должно быть уменьшено на сумму вычетов труда в общественные фонды.

Установив определенную норму вычетов, произвести эти вычеты труда и получить в остатке оплату пропорциональную труду несложно.

Но для этого сначала необходимо измерить индивидуальный труд общественным рабочим временем. Как бы мы ни старались, сделать этого нам не удастся. Индивидуальный и общественный труд качественно различны и непосредственно измерять первый вторым примерно то же, что пытаться измерять длину килограммами.

Равная оплата по равному труду

В.И. Ленин видел разрешение этого противоречия в выравнивании оплаты и выравнивании труда. Попытки достичь этого предпринимались на практике.

Сыгравшая заметную роль в нашей истории равная оплата по равному труду – это один из случаев пропорционального разделения труда на две части. Если труд отдельных работников равен, их оплата (долевое участие в доходах) при пропорциональном разделении и равной норме оплаты тоже равна.

В тех случаях, когда труд отдельных работников при одной и той же норме оплаты не равен, их оплата по труду тоже будет неравна.

При пропорциональном разделении труда предполагается известность величины общественного труда отдельного работника и заранее заданная пропорция деления труда на две части. Первое из этих условий, как мы видели, невыполнимо.

В отличие от этого при равной оплате по равному труду заранее задана не пропорция деления труда, а абсолютная величина оплаты и предполагается выравнивание величины самого труда. Поэтому В.И. Ленин и подчеркивал необходимость "правильного определения меры работы", превращения самими рабочими труда каждого из них в нормальный при данных условиях труд, то есть в труд без отлынивания и без перенапряжения одних за счет других. Ключ к выравниванию труда, считал он, – в присущем рабочим коллективизме, в их высокой сознательности и взаимном контроле.

Следовательно, принцип уравнительности предполагает равенство труда и *действительное* уравнивание платы на основании этого только *предположенного* уравнивания труда. Но полное выравнивание труда разных рабочих, даже если все они стремятся к этому, в действительности недостижимо. Люди по своей природе всегда неравны. По физическим и умственным данным, по опыту, умению, навыкам к тому или иному труду, наконец, по характеру и другим психологическим особенностям они не могут быть копиями друг друга. На то они и живые люди. Поэтому как бы они ни старались работать одинаково, они все-таки будут работать по-разному и условие равенства для всех абсолютной величины их труда не будет соблюдено.

Если в действительности труд отдельных работников не равен, а их плата заведомо равна, значит, равному труду соответствует не равная плата. Такая оплата – это уже не оплата по труду. Пропорциональность разделения труда на две части с самого начала оказывается нарушенной и отношение пропорционального разделения непосредственно переходит в свою противоположность – в отношение необходимого и прибавочного труда (отношение найма рабочей силы).

Все качественные различия этих двух отношений, как мы видели, определяются *только наличием или отсутствием* пропорциональности деления труда на две части. Следовательно, форма равной оплаты по равному труду с самого начала оказывается заработной платой, причем самой простой, самой неразвитой из всех мыслимых ее форм – равной для всех работников повременной заработной платой. Сам принцип уравнительности индивидуальной оплаты разрушает оплату по труду, делает ее реализацию невозможной. Он превращает равную оплату по равному труду в наименее совершенную заработную плату и этим предполагает необходимость перехода к более развитым её формам – в первую очередь – к

сдельной заработной плате. Из истории мы знаем, что так оно в действительности и происходило.

Сдельная заработная плата – это тоже частный случай оплаты по труду, но в отличие от равной повременной заработной платы она ограничена не равным количеством, а одинаковым качеством труда. Это оплата не по общественному, всеобщему, а по какому-то определенному, особенному труду. Как оплата по труду она, поэтому, еще более ограничена, чем повременная заработная плата.

Единство, с одной стороны, качественной, а с другой - количественной ограниченности этих двух форм заработной платы реализуется дневной нормой выработки – количественной мерой качественно ограниченного труда. Норма выработки выражает оплату по индивидуальному, единичному труду отдельного работника. В ней связь между индивидуальным и общественным трудом окончательно исчезает. Индивидуальный труд отделяется от общественного труда и в форме необходимого труда противостоит ему, как всему труду данного работника. Поэтому тот общественный труд наемного работника, который выходит за рамки индивидуальной необходимости для него, накапливается в виде прибавочного труда и превращается в капитал нанимателя.

Мы видим, что, если исходить из неравенства труда отдельных работников, то осуществить пропорциональное распределение невозможно, так как конкретный труд не может быть измерен абстрактным трудом.

Если же исходить из выравнивания труда и оплаты, сам принцип уравнительности вполне закономерно превращает отношение пропорционального разделения труда сначала в зародышевое, а затем и во вполне развитое отношение необходимого и прибавочного труда, само существование которого суть накопление капитала.

Коллективная оплата по труду

Общее теоретическое решение проблемы пропорционального разделения труда было дано К.Марксом в "Экономических рукописях 1857-1859 годов", которые впервые были полностью опубликованы на языке оригинала Институтом марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б) в 1939-1941 годах.

Общественным характером производства, писал К.Маркс, "предполагается коллективное производство, коллективность как основа производства..., такая организация труда, которая имела бы своим следствием участие отдельного лица в коллективном потреблении". При этом мерой участия работника в коллективном потреблении было бы его "определенное участие в коллективной продукции", то есть его трудовое участие в производстве продукции, его участие в коллективном труде.

Иначе говоря, участие отдельного работника в коллективном потреблении определяется его участием в коллективном труде.

Здесь мы сталкиваемся с теми же соотношениями, о которых К.Маркс писал в "Критике Готской программы", но с тем отличием, что труд отдельного работника и потребляемые им жизненные средства (a и d) соотносятся не со всем общественным трудом и распределяемой в обществе частью совокупного общественного продукта (A и D), а с коллективным трудом и теми жизненными средствами, которые потребляются всеми участниками коллектива. Обозначим эти величины, соответственно, как a_k и d_k . Тогда :

$$\frac{\partial}{\partial_{\kappa}} = \frac{a}{a_{\kappa}} \quad \text{или} \quad \frac{\partial}{a} = \frac{\partial_{\kappa}}{a_{\kappa}},$$

$$\text{а так как } \frac{\partial}{a} = \frac{D}{A}, \quad \text{то и } \frac{\partial_{\kappa}}{a_{\kappa}} = \frac{D}{A},$$

$$\text{следовательно, } \frac{\partial}{a} = \frac{\partial_{\kappa}}{a_{\kappa}} = \frac{D}{A}.$$

Это значит, что распределяемая в обществе часть совокупного общественного труда (в виде продуктов), предназначенная для индивидуального потребления работников, распределяется не непосредственно между ними, а между производственными коллективами, пропорционально их коллективному труду, и уже в коллективах она распределяется между отдельными работниками пропорционально труду каждого из них.

На каждом из уровней общественного производства и потребления, представленных в этой пропорции, потребление, как это и свойственно отношению пропорционального разделения, определяется вычетами труда в общественные фонды, то есть эти фонды складываются из вычетов коллективного труда отдельных работников:

$$\frac{v}{a} = \frac{v_{\kappa}}{a_{\kappa}} = \frac{B}{A}.$$

При коллективной организации производства связь между трудом и потреблением каждого отдельного работника и трудом и потреблением всех работников общества достигается коллективным трудом и коллективным потреблением, *опосредствуется* ими. В результате весь процесс общественного распределения распадается на две части – вне коллективов и в них самих. *Связующим звеном, выражением единства всего процесса распределения становится коллективное потребление, коллективная оплата по труду.*

В коллективе предназначенная для индивидуального потребления отдельными работниками часть коллективного труда распределяется между работниками по их трудовому участию в создании коллективного продукта. Последовательно проведенное пропорциональное разделение труда обеспечивает в каждом случае совпадение индивидуального, коллективного и общественного интересов. *Тот обмен, который имеет место в коллективе – "это, – по словам К.Маркса, – не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностью* (выделено мной – А.М.), которые определялись бы коллективными потребностями и коллективными целями". Поэтому труд каждого работника – это с самого начала коллективно, а значит и общественно необходимый, т.е. общественный труд.

Это и имел в виду К.Маркс, когда писал: "На предположенной выше основе труд был бы положен в качестве всеобщего труда до обмена, то есть обмен продуктов вообще не был бы той промежуточной операцией, которой опосредствовалось бы участие отдельного лица во всеобщем производстве. Опосредствование, естественно, должно иметь место", но в роли такого опосредствования выступает не обмен каждым работником своей рабочей силы на

заработную плату, как стоимость необходимых ему жизненных средств, а участие работников в коллективном потреблении пропорциональное их участию в коллективной продукции. "Сама предпосылка (т.е. обмен – А.М.) опосредствована".

"Если бы они (работники – А.М.), – писал в другом месте К.Маркс, – работали как коллективные собственники, то имел бы место не обмен, а коллективное потребление".

С устранением экономической формы индивидуально необходимого труда, выраженного заработной платой, материальный интерес отдельного работника теряет характер обособленного индивидуального интереса. Он непосредственно становится его коллективным, его общественным интересом.

Очевидно, здесь кроется ответ на вопрос, почему распределение по труду было реализовано именно в рамках коллективной организации труда, почему попытки осуществить оплату по труду вне их неизбежно заканчивались неудачей?

По известной формуле:

$$E - O - B$$

единичное (*E*) связано со всеобщим (*B*) через особенное (*O*). Точно так же в современном, коллективном по своему характеру производстве индивидуальный труд (*И*) связан с общественным трудом (*Об*) через коллективный труд (*К*) или, конкретнее, труд каждого отдельного работника входит в совокупный труд всего общества в составе коллективного труда:

$$И \rightarrow К \rightarrow Об.$$

Понятно, что и измерить труд этого работника общественной мерой (в рублях) можно не иначе, как в два приема – через его коллективное выражение.

Сначала в валовом доходе предприятия труд отдельного работника получает общественную меру в составе всего коллективного труда:

$$К \leftarrow Об.$$

Затем как часть коллективного труда, пропорциональная труду работника, определяется общественная мера его индивидуального труда:

$$И \leftarrow К.$$

Общественно измерить индивидуальный труд коллективных работников, минуя его коллективное выражение, невозможно. Это все равно, что пытаться перейти через реку по мосту, у которого отсутствует центральный пролет:

$$\begin{array}{ccc} & \rightarrow & \rightarrow \\ И & \dots & Об \\ & \leftarrow & \leftarrow \end{array}$$

Те из советских экономистов, кто пытался реализовать принцип оплаты по труду в рамках государственной собственности, неизбежно подходили к этому провалу и, заглянув вниз: "Темна вода...", возвращались назад – к той или иной форме зарплаты.

Стоимостная форма коллективной оплаты по труду

При сохранении эквивалентности обмена, необходимость которой в первой фазе коммунизма несомненна, труд, как общественно необходимое рабочее время, получает свое стоимостное выражение. Поэтому для определения коллективной оплаты по труду необходимо из стоимости продукта коллективного труда, w_k , вычесть стоимость потребленных этим трудом средств производства, c_k , и полученную разницу умножить на норму оплаты по труду:

$$d_k = (w_k - c_k)H_d.$$

При любой данной норме, H_d , оплата по труду тем больше, чем больше стоимость продукции в действующих ценах и чем меньше материальные затраты на производство. Первое может быть достигнуто увеличением количества и улучшением качества продукции, второе – экономией сырья, энергии, рациональным использованием оборудования, применением научно-технических достижений и т.п. Всё это лишь разные формы того сбережения общественного труда, экономии времени, которое по К.Марксу "остается первым экономическим законом на основе коллективного производства".

Чем лучше коллектив использует отдельные формы и сочетания различных форм сбережения живого и прошлого труда, тем полнее его труд отвечает этому экономическому закону и тем выше коллективная оплата по труду. А поскольку между работниками коллектива она распределяется непосредственно, в зависимости от участия каждого из них в коллективном труде, тем выше и оплата по труду отдельных работников. Сам способ коллективного определения оплаты по труду превращает в насущную жизненную необходимость для каждого из них всемерную экономию своего, коллективного и общественного рабочего времени (это становится одним и тем же).

В отличие от этого при сохранении отношения необходимого и прибавочного труда необходимость экономии общественного труда – это еще не необходимость для отдельного работника. Его необходимый труд – это его индивидуальный труд, необходимый ему самому для получения привычно необходимых жизненных средств и в стоимостной форме представленный заработной платой. Заработная плата выражает *только индивидуально необходимый* труд отдельного работника, а в стоимости продукта его труд представлен *только как общественно необходимый* труд. Этот общественно необходимый труд отдельного работника заключен в уже не принадлежащем ему продукте. Это уже не его труд. Поэтому, по словам К.Маркса, "рабочая сила относится к труду, как к чему-то чужому, и если бы капитал готов был ее оплачивать не заставляя работать, она с удовольствием пошла бы на такую сделку ..., её собственный труд ... чужд ей также и в отношении управления трудом".

Чтобы в условиях отношения найма (необходимого и прибавочного труда) та или иная общественная необходимость стала необходимостью для отдельного работника, она должна быть более или менее удачно отражена в его индивидуально необходимом труде, в его заработной плате.

Общественная необходимость в увеличении выработки продукта должна быть выражена сдельщиной и (или) премиями за количество продукции, за вал. Чтобы общественный интерес в повышении качества продукции стал индивидуальным интересом работника, он должен быть выражен в премии за качество. Чтобы заинтересовать работника в экономии, например, горючего, его заработная плата должна быть поставлена в зависимость от экономии горючего (премии за экономию, вычеты за перерасход) и т.п.

"Заинтересовывать" работника в том или ином виде экономии общественного рабочего времени нужно лишь потому, что тот или иной общественный интерес с *самого начала положен вне* его индивидуального интереса и чтобы он стал его

индивидуальным интересом, он должен получить в нем (т.е. в заработной плате) свое особенное выражение.

Именно потому, что представленный заработной платой индивидуальный труд работников – это их индивидуальный, а не общественный труд, их нужно премировать отдельно за количество, отдельно за качество, отдельно за экономию сырья, отдельно за экономию энергии, отдельно за рациональное использование оборудования, отдельно за внедрение новой техники и т.п. – одного за одно, другого за другое – ежемесячно, поквартально, за год...

Чем сложнее вид экономии общественного времени, тем труднее отразить его в заработной плате. В ней невозможно удовлетворительно отразить не то что все, но и два-три вида экономии времени – этому противится ее экономическая природа. Поэтому общественное рабочее время теряется – в массовых масштабах, бессмысленно и безвозвратно. Положить этому конец может только превращение индивидуального труда отдельного работника в его коллективный, его непосредственно общественный труд.

Глава четвертая **СВЯЗЬ ПРОПОРЦИОНАЛЬНО РАЗДЕЛЕННОГО ТРУДА**

Свободный эквивалентный трудобмен

Разделение труда развивается с древнейших времен. Вместе с ним в процессе общественного воспроизводства развивается и соединение разделенного труда. Это его соединение обеспечивается обменом. Так, труд пахаря, гончара и рыбака мог разделиться лишь потому, что, обмениваясь продуктами труда, все они ели и хлеб, и рыбу, и пользовались посудой. Не будь обмена результатами труда, не было бы и его разделения. По сути дела, так или иначе, обмениваясь результатами труда, люди обмениваются трудом в различных его формах. Труд рыбака в форме рыбы обменивается на труд гончара в форме кувшина и т.п. Причем, чтобы соединять разделенный труд, этот обмен не обязательно должен быть эквивалентным.

Самый древний и благополучно сохраняющийся по сей день трудобмен – в семье, как раз неэквивалентен. Каждый в ней делает то, что ему по силам и отведено обычаем, чего от него ждут другие. Дети, принимая участие в семейном труде, поначалу, естественно, больше получают, чем дают. Позже они возвращают полученное ими от родителей, но не столько им, сколько уже своим детям. И все же этот растянутый во времени и заведомо неэквивалентный трудобмен играет свою роль в общей связи совокупного общественного труда.

Большое влияние на обмен оказывает государство. Это влияние может быть прямым и непосредственным, когда государство выступает как один из главных, если не главный, производитель и участник обмена. Или же оно опосредствовано всевозможными инструментами косвенного воздействия на производство и обмен: налогами, пошлинами, регулированием тарифов, законодательными преференциями или препонами.

Важную роль в общественном трудобмене, как форме связи разделенного общественного труда может играть и играет рыночный обмен, свободный в той мере, в какой он эквивалентен (а не наоборот, как утверждают либералы). Это к неэквивалентному обмену надо принуждать того, кто в нем теряет, а в эквивалентном равно заинтересованы обе стороны. Речь здесь идет не о той

мифической "невидимой руке рынка", которая, согласно либеральной утопии, сама во всем наведет порядок, если ей не мешать. Речь о том, что чем эквивалентнее общественный трудообмен, чем в меньшей степени в каждом его акте труд односторонне перетекает от одного его участника к другому, тем в меньшей мере для восстановления нарушаемого равновесия необходимо принудительное обратное перераспределение, осуществляемое государством через налоги, дотации и т.п. И тем меньше почвы для всевозможных злоупотреблений.

Эквивалентный обмен результатами труда как форма общественной связи и момент пропорционального распределения совокупного общественного труда между различными отраслями и между людьми предполагает адекватное выражение общественно необходимых затрат труда в ценах продуктов.

Для советской экономики ценообразование всегда являлось одним из самых больших вопросов. Как писал в 1964 году один из крупнейших советских экономистов С.Г.Струмилин, проблема ценообразования – "это одна из тех проблем, в которых мы больше всего путали в течение многих лет, создали множество разных "концепций" далеких и от марксистской теории и от хозяйственной практики".

На ценообразовании негативно отражался дефицит отдельных товаров, стремление предприятий под любым предлогом повысить цену на свою продукцию, громоздкая и длительная процедура утверждения цен и их пересмотра и т.п. Всё это так. Но *в основе* несоответствия цен затратам труда лежало то, что они определялись вовсе не трудом, а исходя из "средней по стране (или по району ценообразования) себестоимости, выражающей общественно нормальные издержки производства и (из – А.М.) нормативной прибыли".

Иными словами, советское плановое ценообразование ориентировалось не на объективные трудовые стоимости продуктов, а на издержки производства, то есть практически опиралось не на трудовую теорию стоимости К. Маркса, а на восходящую к Ж.Б. Сею, Т. Мальтусу и др. теорию издержек производства, включающих стоимость израсходованных средств производства и заработную плату. По этой теории прибавочный труд и создаваемая им прибавочная стоимость (прибыль) выводится за пределы рассмотрения и затем включается в цену производства уже как не имеющий отношения к труду работников результат активности нанимателя. Точно так же советские экономисты исключали прибыль из "себестоимости", означающей те же издержки производства.

По поводу исключения прибыли из себестоимости уместно привести выдержку из относящегося к началу 1964 года письма С.Г. Струмилина Л.М. Чистову: "Себестоимость (у Вас – А.М.) включает лишь v , то есть оплаченный труд, а не $m + v$, то есть весь вновь воплощенный живой труд. И подсчитывая в себестоимости живой и овеществленный труд в сумме $c + v$, Вы, в сущности, складываете нечто вроде метров с аршинами или килограммов с фунтами. Такая операция не может обеспечить надежных результатов. Не так ли?". Чтобы результат все же получался, при ценообразовании, прибыль, удаленная из себестоимости, прибавлялась к ней.

Кажется странным, что прибыль – форма распределения – относится к необходимым условиям производства. На первый взгляд, производство способно приносить прибыль, однако сама прибыль не является чем-то неизменным, обязательным для производства. Но это только так кажется. На самом деле она для

производства именно необходима. Вопрос об исключении прибыли из издержек производства в свое время рассматривал К. Маркс, заметивший связи с ним: "Это вместе с тем показывает, как обстоит дело с различием между формами производства и формами распределения. Прибыль, форма распределения, является здесь вместе с тем формой производства, условием производства, необходимым составным элементом процесса производства *sub alia specie* (под другим углом зрения – А.М.)".

Как форма распределения прибыль с повышением производительности труда возрастает. Её возрастание как формы производства обеспечивает накопления для новых капиталовложений.

Но повышение производительности труда, то есть снижение затрат прошлого и живого труда, по словам С.Г. Струмилина, "снижает новую стоимость той же продукции на всю сумму достигнутой экономии. А это допускает либо соответствующее снижение цен, либо, при сохранении цен неизменными, повышается *доля накоплений в цене продукта* (выделено мной – А.М.), но обесценивается сама валюта, в которой ведется счет". Приведенные слова не содержат в себе какого-то открытия. Эта истина – давно не новость. Вместе с тем, она не так уж и очевидна. Поэтому рассмотрим для наглядности следующий схематичный пример.

I. Предположим вначале, что работники какого-то предприятия за 500 часов рабочего времени производят 1000 единиц продукции по цене 150 руб. за единицу, то есть общей стоимостью 150 тыс. руб. Из них, допустим, 100 тыс. руб. приходится на стоимость потребленных средств производства, а 50 тыс. руб. – на стоимость вновь созданную трудом работников, из которых 20 тыс. руб. составляет стоимость необходимого продукта и 30 тыс. руб. стоимость прибавочного продукта (в цене единицы продукции – соответственно 100; 20 и 30 руб., или 66; 13,3 и 20%).

500 часов рабочего времени воплотились в 50 тыс. рублей вновь созданной этим трудом стоимости продукции.

$$1 \text{ час} = 100 \text{ рублям или } 1 \text{ руб.} = 0,01 \text{ часа.}$$

Участие стоимости использованных средств производства (*c*), заработной платы (*v*) и прибыли (*m*) в образовании цены продукта

Случаи	Количество продукции, ед.	Цена единицы продукции, руб.	Общая стоимость продукции, тыс. руб.	Стоимостное содержание всей продукции, тыс. руб.			Стоимостное содержание цены						Трудовое содержание рубля в цене, часы раб.вр
							руб.			%			
				<i>c</i>	<i>v</i>	<i>m</i>	<i>c</i>	<i>v</i>	<i>m</i>	<i>c</i>	<i>v</i>	<i>m</i>	
I	1000	150	150	100	20	30	100	20	30	66,7	13,3	20,0	0,01
II	2000	150	300	200	20	80	100	10	40	66,7	6,7	26,6	0,005
III	2000	150	300	200	40	60	100	20	30	66,7	13,3	20,0	0,005
IV	2000	225	450	300	20	30	150	10	65	66,7	4,4	28,9	0,01
V	2000	225	450	300	30	120	150	15	60	66,7	6,7	26,6	0,003
				<i>c</i>	<i>v</i>	<i>m</i>	<i>c</i>	<i>v</i>	<i>m</i>	<i>c</i>	<i>v</i>	<i>m</i>	
VI	2000	75	150	100	20	30	100	20	30	66,7	13,3	20,0	0,01

II. Предположим теперь, что на этом предприятии производительность труда росла средними для общества темпами и через некоторое время за счёт экономии живого труда она возросла в 2 раза. Теперь за те же 500 рабочих часов те же работники производят не 1000, а 2000 единиц продукции и реализуют ее по прежней цене (150 руб. за единицу). Общая стоимость продукции составляет уже 300 тыс. руб. Из них на стоимость потребленных средств производства приходится 200 тыс. руб. (2000 ед. \times 100 руб.), а на вновь созданную стоимость – 100 тыс. руб. (300 тыс. руб. – 200 тыс. руб.).

Значит теперь 500 часов рабочего времени воплотились в 100 тыс. руб. стоимости продукции.

1 час = 200-м рублям или 1 руб. = 0,005 часа.

Трудовое содержание денежной единицы снизилось пропорционально росту производительности общественного труда. Если бы мы учитывали и экономию прошлого труда, результат был бы тот же – сегодняшний прошлый труд на одном предприятии – это вчерашний живой труд – на другом. То же самое произойдет, если в два раза возрастет не производительность труда при стабильной цене, а цена продукции при прежней производительности труда.

Предположим, что за время, отделяющее наш случай I от случая II, не изменилась не только цена, но и заработная плата работников предприятия, и стоимость необходимого продукта по-прежнему равна 20 тыс. руб. Тогда на стоимость прибавочного продукта будет приходиться 80 тыс. руб. (100 тыс. - 20 тыс.). Соответственно, в цене единицы продукции на стоимость потребленных средств производства будет приходиться 100 руб., на стоимость, созданную необходимым трудом, – 10 руб. (20 тыс. руб. : 2000 ед.), а на стоимость, созданную прибавочным трудом, – 40 руб. (80 тыс. руб. : 2000 ед.) вместо прежних 30 руб. (в процентах, соответственно – 66,7; 6,7 и 26,6%). "Доля накоплений в цене продукта" возросла.

III. Если предположить, что заработная плата возрастает пропорционально росту производительности труда, тогда "доля накоплений в цене продукта" не изменится. В действительности заработная плата в обществе растет, но в условиях системы наемного труда она растет медленнее производительности труда, поэтому "доля накоплений" в цене все же повышается, хотя и в меньшей степени, чем это имело бы место при неизменной заработной плате. Но как накопления могли стать долей цены?

Мысль движется в понятиях, понятие – и инструмент, и строительный материал познания, поэтому когда какое-то существенное понятие еще отсутствует в языке или уже потеряно им, мысль не может выразить себя адекватно. Она вынуждена пробиваться к истине окольными путями и не всегда достигает понимания сути предмета, а если и достигает, то не может донести его до других.

Говоря о "доле накоплений в цене продукта" С.Г. Струмилин в действительности имел в виду долю прибавочной стоимости, в которой выразился прибавочный труд и которая существует в прибавочном продукте и идет на накопления в виде прибыли. Никаких "накоплений" в стоимости продукции в действительности нет, в ней представлены стоимость потребленных средств производства, стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость. Так по К. Марксу и на самом деле. Но понимание того, что капитал и капиталист – не одно и то же,

что капитал может существовать и без капиталистов, что само стоимостное накопление посредством производства и обращения – суть процесс капитала, даже если осуществляется не частным лицом, а государством, – это понимание было не то, чтобы утрачено, оно было просто *удалено из рассмотрения* применительно к социалистическому (вернее, переходному) обществу, а понятия стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости исключены из политэкономии социализма. Вместе с этим была утрачена и возможность понимания и адекватного выражения сути происходящего и вся эта наука производила отталкивающее впечатление чего-то искусственного, вымученного; впечатление нанизанного друг на друга и взаимопроникающего вранья. А ведь её принуждали учить всех, без исключения, студентов страны, т.е. всех её будущих специалистов и руководителей, всю так называемую творческую интеллигенцию. Легко оценить то разрушительное идеологическое воздействие, которое такого рода наука оказывала на всякого, кто с нею соприкасался. Не зря И.В. Сталин, не располагая адекватной теорией существующего строя и понимая ущербность *такой* науки, опасался опубликовать учебник политэкономии социализма, оттягивая это дело, сколько мог. В конечном счете, он был напечатан уже после смерти Сталина, в 1954 году.

При сохранении отношения найма развитие общественного производства возможно только с помощью накоплений за счет прибыли предприятий. При плановом ценообразовании необходимость этих накоплений и сами будущие накопления получали идеальное выражение в цене продукта до того, как прибавочная стоимость действительно воплотилась в его стоимости. Уже в этом кроется возможность отрыва идеальной стоимости совокупного общественного продукта в сумме плановых цен от действительной стоимости этого продукта, как совокупных общественных затрат рабочего времени.

В таких условиях, чем больше стремление к развитию производства, для которого необходимы накопления за счет прибыли, тем полнее реализуется эта возможность, и тем сильнее цены отрываются от трудовой стоимости продукта.

На рассмотренном выше примере мы видели, что при неизменной цене повышение производительности труда в два раза вдвое обесценило денежную единицу, как меру труда. К точно такому же результату привело и повышение вдвое цены продукции при неизменном уровне производительности труда.

IV. Если в нашем примере повышение производительности труда в 2 раза дополнится повышением всех цен в 1,5 раза, и единица продукции будет стоить 225 руб. ($150 \text{ руб.} \times 1,5$), общая стоимость продукции составит 450 тыс. руб. ($2000 \text{ ед.} \times 225 \text{ руб.}$). Из них на возросшую со всеми ценами в полтора раза стоимость потребленных средств производства придется 300 тыс. руб. ($2000 \text{ ед.} \times 150 \text{ руб.}$), а на вновь созданную стоимость – 150 тыс. руб. ($450 \text{ тыс.} - 300 \text{ тыс.}$).

Значит, теперь 500 часов рабочего времени воплотились в 150 тыс. руб. стоимости продукции.

$$1 \text{ час} = 300 \text{ руб.}$$

$$\text{или } 1 \text{ руб.} = 0,003 \text{ часа.}$$

Рубль обесценился в 3 раза ($0,01 : 0,003 = 3$). Эффекты от повышения общественной производительности труда и общего повышения уровня цен перемножились ($2 \times 1,5 = 3$).

Посмотрим теперь, что произошло с долей прибыли в цене продукта.

В том случае, если, несмотря на общий рост цен, цена рабочей силы, то есть заработная плата работников нашего предполагаемого среднеобщественного предприятия не изменилась, стоимость необходимого продукта, как и вначале, равна 20 тыс. руб. Тогда из вновь созданной стоимости продукта на стоимость прибавочного продукта будет приходиться 130 тыс. руб. (150 тыс. – 20 тыс.). Соответственно, в цене единицы продукции на стоимость потребленных средств производства будет приходиться 150 руб., на стоимость рабочей силы – 10 руб. (20 тыс. руб. : 2000 ед.), а на прибавочную стоимость – 65 руб. (130 тыс. руб. : 2000 ед.) В процентах "участие" c , v и m в цене составит 66,7; 4,4 и 26,6%.

V. Если цена рабочей силы будет возрастать теми же темпами, что и цены на все другие товары, то есть заработная плата работников увеличится в 1,5 раза, стоимость необходимого продукта составит 30 тыс. руб., а стоимость прибавочного продукта – 120 тыс. руб. (150 тыс. – 30 тыс.). Соответственно, в цене единицы продукции на стоимость потребленных средств производства будет по-прежнему приходиться 150 руб., на стоимость рабочей силы – 15 руб. (30 тыс. руб. : 2000 ед.), а на прибавочную стоимость – 60 руб. (120 тыс. руб. : 2000 ед.) – в процентах – 66,7; 6,7 и 26,6%. И в этом случае, точно так же, как и при росте заработной платы, пропорционально росту производительности труда повышение цены несколько не повысило "долю накоплений" в цене продукта. (случай III).

Возрастание "доли накоплений" от повышения цен на продукцию возможно только в том случае, *если эти цены растут быстрее цены рабочей силы*, то есть заработной платы.

По словам С.Г. Струмилина "даже в условиях мирной экономики в СССР с 1928 по 1940 г., когда мы стремились снижать наши цены, они возросли самотеком за 12 лет более, чем в 6 раз, а с 1913 г. раз в 13".

В 1963 году С.Г.Струмилин писал: "Производительность труда за 1950-1960 гг. поднялась в 2,05 раза, значит стоимость товаров должна бы упасть больше, чем вдвое – до 49% уровня 1950 г., а по розничным ценам она упала только до 71% этого уровня. Говоря иначе, цены превысили стоимость за 10 лет на 45% ($22 : 49 = 0,45$), что соответствует обесценению валюты по стоимости до 4% в год".

К 1971 году относятся его слова о том, что "отклонения цен от стоимости в интересах повышения прибыли вполне закономерно завершилось огульным их повышением с неизбежным падением рубля и всеми другими эффектами денежной инфляции ... И если все же находятся коммунисты, – писал Струмилин, – которые рекомендуют существенные отклонения цен от стоимости в целях оптимизации потребления и общих планов производства и распределения, то в этом кроется изрядное недоразумение ... Никакая наука не мыслится без твердых измерителей изучаемых явлений. И липовым становится любой план и хозрасчет в рублях неизвестной стоимости. Такова вкратце моя концепция".

Стабилизация цен, как мы видели, не предотвращает обесценивания денег, а обесценивание денег, несмотря на все находящиеся в руках государства отводные каналы, – это прямой путь к общему росту цен.

Рост производительности труда при сохранении экономической формы прибыли как формы производства и распределения определяет прямо противоположные тенденции движения объективных трудовых стоимостей про-

дуктов как затрат общественного труда, с одной стороны, и этих же стоимостей, выраженных в рублях, с другой.

Трудовые стоимости продуктов понижаются и это ведет к повышению их стоимостей в рублях.

Проходящий через ценообразование конфликт этих двух противоположно направленных тенденций – это в действительности не что иное, как конфликт между развитием общественных производительных сил и неразвитостью общественных производственных отношений, между развитием производства и сохранением отношения найма рабочей силы. Это внутренний конфликт отношения найма (необходимого и прибавочного труда) в общественном масштабе.

Прямым следствием его проявления не только в ценообразовании, где он нагляднее всего, но и во всех сферах материального и духовного общественного воспроизводства становится замедление развития производительных сил, распыление и гибель значительной части материальных, интеллектуальных и моральных ресурсов общества. Даже при плановом ведении народного хозяйства, в отсутствие нынешнего повального разворовывания.

Независимо от воли отдельных людей и вопреки их воле отношение необходимого и прибавочного труда в его специфически капиталистической форме (отношение найма) господствует над людьми как слепая стихия их собственных общественных отношений. Пока оно воспринимается как некая изначальная данность, пока его суть остается непонятой – это неизбежно. Задача состоит в том, чтобы понять это отношение как преодолимое, а поняв, – устранить из жизни общества, заменить его отношением пропорционального разделения труда (отношением оплаты по труду и вычетов труда в общественные фонды).

Стабилизировать нужно не цены, а рубль. "Что действительно важно, – говорил в ноябре 1922 года В.И. Ленин, – это вопрос о стабилизации рубля ... Удается нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль – значит мы выиграли ... Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать".

Стабилизировать рубль, то есть обеспечить неизменность количества общественного труда, представленного каждой денежной единицей, можно только при понижении цен продуктов пропорционально росту производительности труда и снижению их объективных трудовых стоимостей (таблица, случай VI).

При этом экономические формы необходимого и прибавочного труда *лишаются своего качественного определения*. Они превращаются в экономические формы пропорционального производства и распределения – в оплату по труду и вычеты труда в общественные фонды. А поскольку в стоимости продукта представлен не индивидуальный труд отдельных работников, а их коллективный труд в его непосредственном единстве, отношение деления этого труда на две части с самого начала носит коллективный характер. И вычеты труда в общественные фонды, и оплата по труду с самого начала даны как коллективные вычеты труда в общественные фонды и коллективная оплата по труду.

Отношение найма разобщает и ограничивает труд, ведет к потерям рабочего времени, обесцениванию денег и росту цен. И, напротив, именно поступательное снижение цен по мере роста производительности труда составляет условие, при котором производственное отношение пропорционального распределения труда в

полной мере высвобождает созидательную силу коллективного, непосредственно общественного труда каждого работника.

В системе наемного труда движение цен опосредствует перераспределение капитала и, вслед за ним, – совокупного общественного труда. Отношение пропорционального разделения оставляет за ценами лишь функцию внешнего выражения общественно необходимых затрат рабочего времени для обеспечения эквивалентности обмена продуктов труда.

С.Г. Струмилин видел путь к разрешению противоречия между стоимостью и ценой в регулярном пересмотре цен в сторону понижения и при этом считал, что "директивы о предстоящем движении цен вовсе нет нужды спускать из центра по всему многотысячному ассортименту планируемой продукции. Необходимо предугадать их лишь по важнейшим, наиболее весомым продуктам каждой отрасли, возложив снижение на этой опорной базе прочих цен уже на местные силы".

Часто можно услышать: цены на горючее, комбайны, удобрения и т.д. завышены, а цены на сельскохозяйственную продукцию занижены. И это, несомненно, так. Диспропорции наглядны, вопиющи и их никто не оспаривает. Но насколько завышены или занижены цены? Каковы те цены, которые обеспечат эквивалентный обмен, каковы объективные стоимости продуктов, отражающие средние затраты труда на их производство? Возможно ли, в принципе, их определение, и как к нему подступиться?

Для этого констатируем, прежде всего, что объективная трудовая стоимость (объективная трудоёмкость) продукта, складывается из двух величин: средних в обществе затрат непосредственного, живого труда на его изготовление и средних затрат прошлого труда, ранее воплотившегося в использованных средствах производства. Следовательно, чтобы выяснить трудовую стоимость надо определить эти средние затраты труда и сложить их. Решение, казалось бы, очевидное. Но советским экономистам и в воображении трудно было выбраться из экономических форм отношения найма. Поэтому они думали и поступали не так, и при первоначальном определении цен исходили не из средних затрат труда, а, так же, как и их буржуазные коллеги, – из денежных издержек и цены производства. Для этого стоимость израсходованных средств производства в действующих ценах складывали с зарплатой и с нормой прибыли, то есть с ценой рабочей силы и ценой денег, как капитала.

Теоретически признавая, что основу всего материального общественного обмена составляет трудообмен, на практике при планировании производства на каждом из предприятий общества *одни цены определяли другими ценами безотносительно к затратам общественного труда*. Каким-то образом примиряя это противоречие в своем сознании, экономисты, разумеется, не устраняли его из действительности.

Но вернемся к определению объективных трудовых стоимостей продуктов. При этом мысленно отвлечемся от сегодняшней экономики "большой трубы". Эта экономика преступна и в любом случае будущего не имеет. Будем исходить из того, что Россия, благодаря нашим великим предкам, – страна самодостаточная. Она одна из немногих в мире может удовлетворять все или почти все свои потребности своими силами, за счет развития своего собственного хозяйства. Соответственно, процесс определения цен может и должен рассматриваться в России как

внутринациональный, для которого спекулятивные перипетии на мировых биржах, глобальные махинации Сороса и все так называемое мировое разделение труда, то есть ускоренное проедание ресурсов планеты меньшей и не лучшей частью человечества, значения не имеют. Для этого, конечно, национальные интересы России, прежде всего на своей территории, должны быть надежно защищены.

Итак, какова действительная цена, к примеру, пары женских сапог? Не самых лучших и не самых худших, обычных. Средних, ходовых размеров.

На фабрике, где их шьют, что-то затратили на сырье, материалы, оборудование и т.п. В этих затратах выразился в рублях прошлый труд общества. Точно так же обстоит дело и на других российских фабриках, шьющих женские сапоги.

Можно ли подсчитать эти затраты в среднем на одну пару? При желании – несомненно. Статистическая служба, средства связи, вычислительная техника – все необходимое для этого у нас есть. Причем не обязательно считать на всех предприятиях общества. Достаточно учесть эти затраты на нескольких предприятиях в разных регионах страны. Это будут средние затраты прошлого труда. Дальше. Можно ли так же подсчитать, сколько на эту пару сапог расходуется в среднем живого труда всех работников фабрики – от директора до вахтера? Разумеется, труд директора, станочника и вахтера – разного качества, но в трудовой стоимости продукта качественные различия их труда стираются. В ней он – не труд Петра Ивановича или Ивана Петровича, а их общий труд, общее рабочее время всех работников коллектива. А после усреднения по предприятиям общества он – уже не труд того или иного коллектива, а часть совокупного общественного труда.

Можно ли теперь выразить эти средние затраты общественного рабочего времени в рублях? Почему же нет? Если нам известно совокупное рабочее время всего общества за год и та вновь созданная стоимость, в которой выразился этот труд (национальный доход), что нам мешает узнать, какое количество труда в среднем выражает в общественном обмене каждый рубль? А затем с помощью этого *трудового эквивалента рубля* – перевести в рубли средние затраты живого общественного труда на шитье той же пары сапог?

После этого остается только сложить их со средними затратами на средства производства и к этой сумме добавить затраты труда на реализацию продукта, его доведение до потребителя. В результате мы получим выраженную в рублях *объективную, общественную трудовую стоимость продукта*, на которую могут ориентироваться и производители, и потребители.

Для тех и других эти объективные трудовые стоимости могут и не быть обязательными, директивными ценами, как это имело место в советской экономике. Вполне достаточно, если они будут существовать как всего лишь объективные ценовые ориентиры, от которых возможны свободные отклонения. Но именно потому, что они объективны, производителям не считаться с ними будет нельзя. Себе же выйдет дороже.

Никаких принципиальных сложностей не просматривается и в механизме регулярного информирования общества об объективных ценовых ориентирах на два-три десятка основных, наиболее массовых продуктов, услуг, тарифов. В принципе, такое информирование может сейчас вестись непрерывно, в режиме реального времени, а при необходимости – и индивидуально для каждого, кто того пожелает. Все технические предпосылки налицо. Дело – за социальными.

С развитием общественного производства объективные трудовые стоимости продуктов меняются, Когда они будут известны, вместе с ними будут меняться и средние цены. Поэтому рост производительности труда, который понижает объективные трудовые стоимости продуктов, будет вести и к соответствующему понижению средних цен. Взамен нынешнего абсурдного роста цен при снижении средних затрат труда на единицу продукции.

Конечно, произойдет это не сразу, как не сразу станут вполне объективными и ценовые ориентиры. Какое-то время их неизбежно будут отклонять в сторону завышения или занижения существующие диспропорциональные цены на средства производства. Но по мере "разбавления" этих отклонений адекватными измерениями непосредственного труда, они будут сходиться на нет. Постепенно будут меняться и средние цены. Поначалу лишь замедлится общий их рост, затем они на некоторое время стабилизируются и только после этого станут понижаться.

Не инфляция, галопирующая или умеренная, не стихийный рост цен, а их общее понижение, основанное на знании обществом объективных трудовых стоимостей и свободном эквивалентном трудовом обмене, обеспечит гибкую и прочную связность всего совокупного общественного труда, устранив ценовые и вытекающие из них производственные и иные диспропорции и обусловленные ими потери труда.

Свободный трудовой обмен, разумеется, не исключает возможности, а в отраслях так называемой естественной монополии, и неизбежности целенаправленного регулирования цен. Принципиально важно, чтобы их изменения, как и для продукции других отраслей, были пропорциональны движению объективных трудовых стоимостей продуктов.

Могут возразить: но практика ценообразования такого не знает! Этого еще никогда и нигде в мире не было! Ну и что из того? И первый топор не сам собой появился! И Гагарин в космос не случайно полетел! Потребность рождает возможности. И если свободный эквивалентный трудовой обмен как одна из сторон пропорционального общественного воспроизводства необходим для спасения нашей экономики, страны и народа – а это действительно так – то такой трудовой обмен у нас будет реализован.

Взаимосвязь коллективного производства и потребления в их движении

В выражении долевого участия работников в валовом доходе предприятия

$$d_k = (w_k - c_k) \times H_d$$

норма оплаты по труду, H_d , дана для каждого коллектива как некоторая общественно определенная, относительно стабильная величина. Поэтому изменения доли работников в результатах труда в каждом отдельном случае зависят только от величины коллективного труда, воплощенного в продукции и внешне выраженного разницей между суммой цен продукции и суммой цен израсходованных средств производства, то есть в валовом доходе предприятия:

$$a_k = w_k - c_k.$$

Эта разница характеризует общественное количественное выражение коллективного труда.

Рассмотрим количественное определение коллективной оплаты по труду на следующем примере.

I. Предположим, норма оплаты, H_o , при производстве какой-то определенной продукции равна 0,4 (или 40%). При среднеобщественном уровне затрат живого и овеществленного труда на эту продукцию определенное количество труда, скажем, 1500 часов рабочего времени, воплощается в 1000 единиц продукции по цене 150 руб. за единицу. Из них 100 руб. приходится на прошлый труд, а 50 руб. – на живой. Тогда коллективная оплата по труду, d_k , составит 20 тыс. руб., вычеты труда в общественные фонды, e_k , – 30 тыс. руб.

Влияние затрат живого и овеществленного труда на единицу продукции на величину вычетов труда в общественные фонды и оплаты по труду

Цена единицы продукции, руб.	Количество произведенной продукции (n), ед.	Затраты прошлого труда на единицу продукции (c), руб.	Трудовая стоимость продукции (w_k), тыс. руб.	Производственные затраты (c_k), тыс. руб.	Стоимостное выражение труда коллектива (a_k) тыс. руб.	Вычеты труда в общественные фонды, (e_k), тыс. руб.	Коллективная оплата по труду (d_k), тыс. руб.
I. Средний для общества уровень затрат живого и овеществленного труда							
150	1000	100	150	100	50	30	20
II. Экономия живого труда							
150	1500	100	225	150	75	45	30
III. Экономия овеществленного труда							
150	1000	75	150	75	75	45	30
IV. Экономия живого и овеществленного труда							
150	1500	75	225	75	150	90	60
V. Перерасход живого труда							
150	900	100	135	90	45	27	18
VI. Перерасход овеществленного труда							
150	1000	105	150	105	45	27	18
VII. Перерасход живого и овеществленного труда							
150	900	95	135	105	40	24	16

II. Если коллектив за счёт большей производительности, т.е. экономии своего живого труда. выпускает продукции, допустим, в 1,5 раза больше, чем в среднем в обществе за то же время, тогда в 1,5 раза выше будет как его оплата по труду, так и вычеты его труда в общественные фонды.

III. Такой же результат может быть достигнут и экономией прошлого труда, и, как мы увидим далее, на практике именно этот резерв реализуется в первую очередь.

IV. При одновременной экономии и живого, и прошлого труда эффекты от обоих видов экономии складываются.

V. Если в коллективе живого труда расходуется больше, чем это общественно необходимо, его участники за те же 1000 рабочих часов произведут меньшее количество продукции и перерасход живого труда вычтется из величины валового

дохода ($w_k - c_k$). Соответственно уменьшатся и оплата коллективных работников по труду, и вычеты их труда в общественные фонды.

VI. Это же произойдет и при перерасходе овеществленного труда.

VII. В случае одновременного перерасхода и живого, и овеществленного труда величина коллективного труда, выраженная в валовом доходе, и обе части, на которые она делится, уменьшатся в еще большей степени.

Общество в равной мере заинтересовано во всесторонней экономии каждым коллективом как живого, так и овеществленного труда. Интересы коллективов полностью совпадают с этим общественным интересом, и производительная сила их труда растет, а пропорционально росту общественной производительности труда при производстве данного вида продукции цена на нее понижается.

Предположим теперь, что в данной отрасли производительность труда растет теми же темпами, что и в среднем по народному хозяйству. Соответственно, такими же темпами понижается общий уровень цен и, вместе с этим, растет покупательная способность рубля.

I. Допустим, производительность труда на предприятии росла средними темпами и за какое-то время выросла, как и во всем обществе, в полтора раза. Соответственно общему росту производительности трудовая стоимость и цена его продукции снизились в те же полтора раза. В этом случае рост выпуска продукции компенсировался снижением цены на нее, валовой доход предприятия остался прежним, и в оплате по труду его работники ничего не выиграли и не потеряли.

Связь динамики номинальной и реальной оплаты по труду с динамикой производительности коллективного труда

Цена единицы продукции, руб.	Количество произведенной продукции, ед.	Затраты прошлого труда на единицу продукции, руб.	Цена продукции, w_k , тыс. руб.	Производственные затраты, c_k , тыс. руб.	Стоимостное выражение труда коллектива, $w_k - c_k$, тыс. руб.	Коллективная оплата по труду, d_k , тыс. руб.	Изменение по отношению к исходной величине, %		
							Номинальная оплата по труду	Покупательная сила рубля	реальная оплата по труду
Исходный уровень производительности труда									
150	1000	100	150	100	50	20	100	100	100
I. Темпы роста производительности труда совпадают со среднеобщественными									
100	1500	66,7	150	100	50	20	100	150	150
II. Производительность труда растет быстрее, чем в среднем в обществе									
100	1800	66,7	180	120	60	24	120	150	180
III. Рост производительности труда отстает от среднеобщественного									
100	1200	66,7	120	80	40	16	80	150	120
IV. Производительность труда не меняется									
100	1000	66,7	100	66,7	33,3	13,3	67	150	100
V. Производительность труда понижается									
100	900	66,7	90	60	30	12	60	150	90

II. У тех коллективов, которые добились более высоких, чем средние, темпов роста производительности труда, сумма цен продукции, несмотря на снижение ее цены, повысилась. Вместе с ней возросла выраженная в ценах величина их труда и их оплата по труду. Так обстоит дело с движением номинальной оплаты по труду, выраженной в рублях. Но в связи с понижением цен на предметы потребления и повышением покупательной способности рубля те, кто повышает производительность труда среднеобщественными темпами, выигрывают от этого столько же, сколько и все общество. Для тех, кто добивается более высоких темпов роста производительности, выигрыш от номинального повышения оплаты по труду и от повышения покупательной способности рубля перемножаются.

III. Несмотря на номинальное понижение оплаты по труду, реально выигрывают и работники тех предприятий, на которых производительность труда растет медленнее, чем в среднем в обществе. Правда, и выигрыш их меньше среднего.

IV. Работники предприятий, застывших на одном уровне производительности труда, действительно ничего не выигрывают. Для них повышение покупательной способности рубля компенсируется точно таким же понижением номинальной оплаты по труду и реальная оплата остается на том же уровне, что и прежде.

В этом, последнем случае, реальная оплата по труду соответствует неизменной заработной плате при стабильных ценах.

Экономическая форма заработной платы, то есть необходимого труда, равного по его определению стоимости привычно необходимых жизненных средств, оказывается всего лишь *частным случаем* экономической формы оплаты по труду, а именно, тем ее случаем, который соответствует *застойному характеру производства*.

В капиталистическом обществе преодоление этой застойности становится возможным лишь в результате постоянных нарушений как определения цен издержками производства, так и принципа определения заработной платы прожиточным минимумом работников. Развитие производительных сил вынуждено постоянно пробиваться сквозь неразвитость формы личного дохода работника и через определение цен издержками производства.

Хотя при стабильной реальной оплате по труду работники, казалось бы, ничего и не проигрывают, в действительности это не так. Поступательное развитие общественных производительных сил раскрывает перед каждым тружеником новые возможности для более полного удовлетворения существующих и формирования новых, более высоких потребностей. Но для того, чтобы реализовать эти возможности у каждого есть только один путь – лучше трудиться. Кто остановился на одном уровне, неизбежно оказывается вне этого движения.

V. И, наконец, в случае снижения производительности коллективного труда падает не только номинальная, но и реальная оплата по труду.

Всякий коллектив будет стремиться этого не допустить. Поэтому поддержание наиболее высоких темпов роста производительности труда за счет быстрейшего освоения последних научно-технических достижений, рационального использования оборудования, экономного расходования ресурсов, становится в условиях пропорционального разделения труда и эквивалентного трудообмена не

только прямым экономическим интересом, но и насущной необходимостью для каждого работника и каждого производственного коллектива.

И средств на эти цели коллектив возьмет у общества не больше и не меньше, а ровно столько, сколько нужно и обществу в целом, и коллективу предприятия, и каждому отдельному работнику. Причем вернет их обществу в кратчайшие сроки. Покупательная способность рубля растет пропорционально общественному росту производительности труда. Поэтому, чем больше пройдет времени от получения коллективом из общественных фондов средств на расширение производства до их полного переноса в виде цены средств производства на цену продукции, т.е. до их возврата обществу с продуктом, тем большими потерями реальной оплаты по труду будет оборачиваться для коллектива одна и та же сумма средств, полученных на расширение производства. При пропорциональном производстве деньги не делают денег. Тем не менее, максимально быстрое и полное использование в общественных интересах полученных от общества средств становится для коллективов насущной жизненной необходимостью.

Разумеется, это предполагает действенный контроль со стороны коллектива и общества *при полной прозрачности ведения дел*. Действительная коллективность и не предполагает иного. Тень, тайна, сокрытие происходящего хороши и необходимы в делах личных. Производство – это общественная жизнь людей и как таковая она, должна и может быть видна вся на просвет. В первую очередь и главным образом это касается деятельности администрации предприятий.

В новых условиях, чтобы повысить или хотя бы сохранить на прежнем уровне свою оплату по труду, коллективные работники должны быстро осваивать и интенсивно использовать оборудование, своевременно заменять его новым, более производительным и дешевым.

Добавочные средства, необходимые для расширения производства, выделяются коллективам в соответствии с их обоснованными запросами, независимо от экономических результатов деятельности предприятий. Искусственно сдерживать развитие тех производств, которые нуждаются в нем больше всего и развитие которых общественно необходимо – абсурдно. Какой-то общественный смысл в этом может усматривать лишь мышление, остающееся в плену понятий и представлений капиталистического способа производства.

В разных отраслях, к примеру, в электронной промышленности и в лесном хозяйстве производительность труда не может расти одними и теми же темпами. Но и цены на продукцию разных отраслей снижаются разными темпами, и это *уравняет положение коллективов разных отраслей*. Оплата по труду работников коллектива будет выше не в том случае, если они повышают производительность труда быстрее, чем коллективы других отраслей, а в том случае, если она у них растет быстрее, чем на других предприятиях их отрасли.

В тех отраслях, где различия в производительности труда разных коллективов в большей или меньшей степени определяются не зависящими от труда различиями природных условий их хозяйствования, эти естественные различия могут быть отражены в научно обоснованных, общественно определенных для каждого коллектива нормах оплаты по труду. Отношение пропорционального разделения результатов труда лишает смысла и содержания рентные отношения.

Необходимость пропорционального снижения цен по мере роста производительности труда касается не только цен на промышленную или сельскохозяйственную продукцию. В равной мере она относится к почтовым, транспортным и иным тарифам и к денежному выражению того труда, который добавляется или сберегается коллективным трудом на предприятиях хранения и торговли и присоединяется на них к цене готовых продуктов других отраслей.

В условиях пропорционального разделения труда и свободного эквивалентного трудообмена никто не станет поддерживать производственные связи с ненадежным партнером. Каждый коллектив наладит их с теми, кто работает на совесть. Потерять доверие потребителя, не найти его для своей продукции – значит оплатить весь затраченный на нее труд из кармана каждого участника коллектива. Никакой коллектив позволить это себе не может. Сам способ определения оплаты по труду допускает производство товаров и услуг только в необходимом обществе ассортимента и только самого высокого качества.

Хозяйственных ошибок, просчетов, споров это само по себе, очевидно, не устранил, и необходимость хозяйственном праве и арбитраже может сохраняться еще очень долго. Но с уходом в прошлое нынешнего общества всеобщего взаимного надувательства и споры, и арбитраж приобретут качественно иной характер. Нормой нашей жизни вновь станет работа не за страх, а за совесть.

Стабильный трудовой рубль

Присмотримся теперь внимательнее, что в условиях пропорционального производства станется с "навсегда стабилизированным рублем", по словам В.И. Ленина необходимого для окончательной победы социализма.

"Отметим прежде всего следующее: – писал К.Маркс, – если предпосылки, при которых цена товаров равна их меновой стоимости, предполагаются выполненными, если спрос и предложение покрывают друг друга, если налицо совпадение производства и потребления, т.е. если в конечном счёте имеет место пропорциональное производство ... то вопрос о деньгах становится совершенно второстепенным ... Меновая стоимость как таковая может, конечно, существовать лишь символически, хотя этот символ – для того, чтобы можно было применять его как вещь, а не только как форму представления – обладает вещественным бытием и есть не только идеальное представление, а действительное представление в той или иной предметной форме. (Меру (длины или емкости) можно не выпускать из своих рук; меновая стоимость служит мерой, но она совершает обмен лишь тогда, когда эта мера переходит из одних рук в другие)".

Иными словами, для того, чтобы переходить из рук в руки, символическая мера стоимости должна обладать какой-то определенной предметной формой, быть условным вещественным знаком меновой стоимости. Вспомним, в "Критике Готской программы" К.Маркс для обозначения этого условного знака применил слово "der Schein" – видимость, знак, не совсем удачно переведенное на русский язык как "квитанция".

При коллективной организации производства труд каждого работника становится его коллективным и, вместе с тем, его общественным трудом, который как общественно необходимый труд выражается в цене продукта. При этом его цена определяется не путем сравнения товара с другими товарами на рынке, не как

общественный результат противоборства частных интересов в обмене и не как цена средних "издержек производства", включая среднюю прибыль.

Цена продукта теперь определяется непосредственно как затраты рабочего времени, необходимые в обществе для производства данного продукта при существующем уровне производительности труда. Это общественно необходимое время, выведено не из обмена, а непосредственно из производства. Оно установлено *до обмена и безотносительно к нему*. Поэтому применительно к такому общественно необходимому рабочему времени говорить о *меново*й стоимости можно лишь условно. Она служит обмену, но не выводится из него. Как меновая, эта стоимость стала теперь чисто символической, свелась к цене продукта.

При повышении производительности труда и снижении общественных затрат рабочего времени цена продукта понижается пропорционально этому снижению. Она всегда соответствует общественно необходимым затратам рабочего времени. В этих условиях, казалось бы проще всего выразить цены рабочим временем и в качестве денежной единицы принять, скажем, 1 час рабочего времени.

Идея эта не нова. В свое время с "рабочими деньгами" экспериментировал коммунистический утопист Роберт Оуэн. Затем в проектах будущего они появлялись не раз. В частности, ими увлекались последователи Прудона, которые полагали, что изменением формы денег можно изменить капиталистическое общество. Маркс подробно объяснил, почему это невозможно.

Но мы здесь рассматриваем явно иной случай. У нас не деньги должны изменять способ производства, а наоборот, изменение способа производства определяет стабильность, то есть качественное изменение денежной единицы.

И действительно, в изменившихся условиях общественного производства все направлено на достижение всемерной экономии труда каждого коллектива, на то, чтобы коллективный труд, воплотившийся в продукте, действительно был только общественно необходимым трудом. Интересы каждого работника и каждого коллектива полностью совпадают с этим общественным интересом, образуют с ним единое целое. Но значит ли это, что в каждом случае коллективный труд будет в точности совпадать с общественно необходимым трудом, заранее представленным в цене продукта?

Очевидно, нет. Какие-то отклонения от общественной нормы в ту или другую сторону всегда возможны и неизбежны. Сама их возможность и определяет для коллектива необходимость всемерной экономии времени и повышения производительности труда, превращает эту общественную необходимость в необходимость для каждого работника. При коллективной организации производства эти различия будут устраняться в ходе свободного эквивалентного трудообмена и пропорционального общественным потребностям распределения средств производства. Эти различия будут постоянно возникать и столь же постоянно устраняться по мере выявления совместным, уже не разделенным трудом всего общества. Кто-то всегда впереди, и общество помогает остальным не отставать от них, дает возможность каждому самому выйти вперед и принести своим трудом наибольшую пользу и себе, и своему коллективу, и обществу в целом.

В общественном масштабе случайные отклонения действительных затрат труда от цены будут взаимно погашаться, а систематические отклонения в сторону их повышения – устраняться регулярным снижением цен. Тем не менее, в каждом

случае рабочее время, воплотившееся в продукте, будет в большей или меньшей степени, в ту или другую сторону, отличаться от цены.

"Так как цена не равна стоимости, – писал по этому поводу К.Маркс, – то элемент, определяющий стоимость – рабочее время – не может быть тем элементом, в котором выражаются цены, ибо в этом случае рабочее время должно было бы выражать себя одновременно как определяющее и неопределяющее, как равное и неравное самому себе. Так как рабочее время как мера стоимости существует лишь идеально, то оно не может служить материей для сравнения цен ... Различие цены и стоимости требует, чтобы стоимости, как цены, измерялись другим масштабом, а не своим собственным. Цена в отличие от стоимости должна быть денежной ценой. Здесь проявляется то обстоятельство, что номинальное различие между ценой и стоимостью обусловлено их реальным различием".

Иными словами, чтобы не путать в обмене фактические (на данной фабрике) и идеальные (общественно необходимые) затраты рабочего времени, мерой меновой стоимости должно быть не само рабочее время, а нечто отличное от него, условный денежный знак, хотя бы тот же рубль.

Внешне ничего не меняется. Деньги, как будто, остаются теми же деньгами. Они выглядят как деньги и точно так же как обычные деньги обмениваются на продукты. Но в отличие от денег в капиталистическом обществе они теряют способность к самовозрастанию, обретая взамен стабильность, превращаются из капитала в простую стабильную меру общественного труда. В условиях пропорционального разделения результатов труда деньги не становятся капиталом. Они уже "не делают" денег. Вместе с этим исчезают *действительные денежные отношения*, а с ними и последние основания для суждений о том, что "деньги работают" и т.п. Совершенно очевидным становится тот факт, что созидать могут только люди, своим трудом поставившие себе на службу силы природы.

В новых условиях покупательная способность рубля обеспечивается уже не запасами особых денежных товаров или товаров вообще и не рейдами авианосцев, как сейчас обстоит с долларом, а трудовым определением цен (ценовых ориентиров) и целенаправленным поддержанием эквивалентности свободного общественного трудообмена. Условием постоянного роста покупательной способности рубля становится снижение цен пропорционально росту производительности труда.

Денежные знаки остаются. Но это уже не деньги, господствующие над людьми как условия их труда, а всего лишь мера их собственного труда, над условиями которого они обрели действительное господство.

Структура и планирование пропорционального производства

Коллективная оплата по труду может быть непосредственно распределена между работниками только в небольших коллективах. На больших производствах ее распределение с необходимостью должно быть опосредствованно учетом трудового вклада работников отдельных подразделений в создание общей коллективной продукции. Если общий труд работников того или иного подразделения обозначить как a_n , а их общую оплату по труду как d_n , пропорциональная связь оплаты по труду отдельного работника с коллективной оплатой по труду выразится как

$$\frac{\partial}{\partial a} = \frac{\partial}{\partial a_n} = \frac{\partial}{\partial a_k}.$$

В этом выражении опосредствующее звено $\frac{\partial}{\partial a_n}$ показывает связь участия работников подразделения в коллективном потреблении с их участием в коллективном труде.

На крупных производствах, в объединениях отдельные подразделения могут получать самостоятельное существование, выражая свой труд в цене своего продукта. В этом случае их связь с другими подразделениями своего производства, так же как и с другими производствами, осуществляется путем обмена. Возможны и комбинированные внутриколлективные отношения. Важна лишь их полная прозрачность, действенный контроль, исключение каких-либо злоупотреблений.

С другой стороны, самостоятельные коллективы могут объединяться так, что общие результаты их труда становятся выражением труда тех коллективов, которые связывают их труд воедино, придают им общую производственную цель и направленность. Не возвышаясь над другими, не управляя ими в прежнем смысле этого слова, а действуя наравне с ними, внося свой вклад в общий объединенный труд, такой связующий коллектив сам становится равноправной частью общности коллективов, необходимой каждому из них.

По сути дела, все народное хозяйство представляет собой одно общенародное производство, в котором подразделения разных уровней и масштабов неразрывно связаны между собой единым процессом пропорционального производства, распределения и потребления. Оно и связывает их воедино, и обеспечивает им полную самостоятельность в решении своих специфических производственных задач. Независимо от профиля деятельности, ее масштабов и количества участников все трудовые коллективы и каждый отдельный работник находятся в равных экономических условиях. Никто не обладает никакими привилегиями над другими и каждый несет полную ответственность за результаты своего труда.

Производственная свобода каждого из трудовых коллективов – это обратная сторона их органического производственного единства. Их свобода и их единство – это одно и то же, только с разных точек зрения. Неотъемлемой частью этого единства является распределение вычетов коллективного труда в общественные фонды. Часть из них тут же возвратится на предприятия. О вычетах, предназначенных для расширения общественного производства, уже говорилось. Они распределяются в соответствии с производственными потребностями коллективов, которые отражают общественные потребности в их продукции, расширение и качественное развитие этих общественных потребностей.

В отличие от этого средства, которые в советской экономике шли на развитие так называемого соцкультбыта предприятий, в сущности, представляли собой часть коллективного потребления. В новых условиях она, несомненно, будет восстановлена в формах и объемах, соответствующих характеру производства и тем материальным и духовным потребностям работников, которые им удобнее удовлетворять сообща.

Соответственно, труд, предназначенный для совместного удовлетворения этих, в такой же мере общественных, как и личных потребностей, может быть

представлен и как особая разновидность вычетов труда в общественные фонды, v_c , и как особая разновидность оплаты по труду, d_c , а отношение разделения коллективного труда на две основные части будет выглядеть или как

$$(v_k + v_c) + d_k,$$

или как $v_k + (d_n + d_k)$.

Если эту часть коллективного труда $v_c = d_c$ обозначить как k , тогда отношение пропорционального распределения $v_k + d_k$ примет вид:

$$v_k + k + d_k$$

Следовательно,

$$\frac{v_k}{a_k} + \frac{k}{a_k} + \frac{d_k}{a_k} = 1 \quad \text{или}$$

$$H_v + H_c + H_d = 1,$$

где H_v – норма вычетов коллективного труда работников в общественные фонды, H_c – норма вычетов их труда в особые, не распределяемые между ними фонды совместного непроизводственного потребления, H_d – норма коллективной оплаты по труду, подлежащей распределению между отдельными работниками в зависимости от их участия в коллективном труде.

При этом коллективное потребление, как совместное, так и отдельных работников, по-прежнему, определяется вычетами коллективного труда в общественные фонды:

$$H_c + H_d = H_{c+d} = 1 - H_v.$$

Точно так же, определенная доля вычетов коллективного труда в общественные фонды может идти на образование местных фондов, предназначенных для удовлетворения совместных потребностей всех жителей данного города (городского района), поселка, сельского поселения в развитии их здравоохранения, образования, удовлетворения потребностей местного населения в развитии коммунальных служб, общественного транспорта, культуры, спорта, для благоустройства населенных пунктов, создания совместных зон отдыха и т.п. В этом случае отношение

$$v_k + k + d_k \quad \text{примет вид}$$

$$v_k + m + k + d_k,$$

где m – вычеты коллективного труда в местные фонды, общие для всех расположенных в данной местности коллективов, то есть для всего местного населения. Соответственно этому для каждого коллектива распределение всего валового дохода предприятия будет выглядеть как

$$H_v + H_m + H_k + H_d = 1.$$

В отношении пропорционального распределения не только связь между трудом и личным благополучием отдельного работника, но и связь между его трудом и его вкладом в развитие его коллектива, его города или села, его страны становится прямой и непосредственной. Во всем, что происходит вокруг, он действительно принимает участие своим трудом. Все дела становятся его делами, его интересами, объединяющими каждого не только с другими участниками его коллектива, но и с теми, кто живет рядом с ним, со всеми согражданами.

Отношение пропорционального разделения труда, определяя действительную сопричастность каждого ко всему, что происходит вокруг него, образует

материальную основу для развития в каждом чувства этой сопричастности, и с ним – не только производственного, но и широкого общественного самоуправления.

Отношение пропорционального разделения труда обеспечит органическое единство личных, коллективных, местных и общенародных интересов. Оно устранит вытекающие из отношения найма разделение и ограниченность этих интересов, не оставит основы, из которой сейчас растут индивидуальный и групповой эгоизм, бюрократизм, ведомственность, местничество и т.п. явления, уничтожит сами корни этих проявлений буржуазного сознания.

Совершенно очевидно, что неизбежные различия в условиях труда и быта людей в разных местностях и на разных производствах не могут не отражаться на особенностях пропорционального разделения труда отдельных коллективов. Но эти естественные различия в соотношениях нормы оплаты по труду и норм вычета труда в общественные фонды нисколько не меняют ни характера пропорционального разделения труда, ни особенностей его общественного проявления.

"Распределение в самом поверхностном понимании, – писал К.Маркс, – выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется отстоящим далеко от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему. Однако, прежде, чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) – что представляет собой дальнейшее определение того же отношения – распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства. Рассматривать производство, отвлекаясь от этого заключающегося в нем распределения, есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как распределение продуктов, дано, само собой вместе с этим распределением, составляющим с самого начала момент производства".

Мы уже видели, что пропорциональное производство с самого начала включает в себя коллективное потребление не только жизненных средств, но и средств производства, определяет специфический, внутренне присущий ему характер их распределения в обществе. Благодаря такому распределению средств производства, тот живой труд, который непрерывно высвобождается в каждом коллективе в результате роста производительности труда, находит себе применение как в планомерно расширяемом производстве самих коллективов, так и на производствах, вновь создаваемых в соответствии с развитием общественных потребностей. Чем выше производительность труда, тем больше средств поступает на расширение общественного производства и тем больше высвобождается труда, необходимого для этого расширения. В общественных масштабах высвобождение живого труда и его включение в процесс нового производства совпадают. Труд лишь перераспределяется между отраслями и отдельными производствами в соответствии с изменениями общественных потребностей.

Общественное производство непрерывно развивается, претерпевая качественные и количественные изменения, но в каждый отдельный момент производство и потребление в масштабах общества совпадают. Предпосылками их совпадения, исключая потерю труда, является свободное развитие всех форм

обмена между коллективами по ценам, понижаемым пропорционально росту производительности труда, своевременное перепрофилирование и модернизация каждым коллективом своего производства, а также создание новых производств в соответствии с изменениями общественных потребностей.

Отчасти эти изменения могут быть подмечены и учтены самими трудовыми коллективами, и ни один из них не станет пренебрегать этой возможностью. Ухватить новую потребность и организовать производство для ее удовлетворения могут и отдельные люди. В этом общество будет идти им навстречу. Роль личности всегда была и будет велика. Но в полной мере научно охватить тенденции развития всего общественного производства может только располагающее для этого всем необходимым централизованное планирование. Весь колоссальный советский опыт в этой области будет переосмыслен и найдет новое применение и развитие.

Предотвратить возникновение диспропорций, вовремя и правильно сориентировать предприятия на выпуск той или иной продукции, показать им наиболее перспективные пути технологического обновления – значит оградить от неоправданных потерь не только общество в целом, но и отдельные трудовые коллективы, каждый из которых прямо и непосредственно заинтересован в надежном плановом обеспечении своего производства. Отношение пропорционального разделения труда – это неразрывная связь производства и потребления, как во всем народном хозяйстве, так и в каждом отдельном его звене.

Совершенно иначе обстоит дело при производстве, основанном на отношении найма, которое и в обществе в целом, и в каждом отдельном коллективе, подразделении, на каждом рабочем месте отрывает производство от потребления и противопоставляет их друг другу.

При таком способе общественного воспроизводства распределение представляет собой клубок противоречий. В полном соответствии с индивидуально-анархичной природой существенного отношения капитала эти противоречия разрешаются лишь благодаря цепи судорожных, никогда не реализующихся в полной мере процессов: 1) стихийному отражению изменений спроса и предложения, то есть потребления и производства, в товарных ценах; 2) – вытекающим из движения цен изменениям норм прибыли; 3) – перераспределению капитала между отраслями в соответствии с их изменениями и 4) перераспределению прошлого и живого совокупного общественного труда. Всё это неточно, с запаздываниями, искажениями и огромными потерями труда и ресурсов.

Товарная стоимость – это имманентная капиталистическому способу производства форма связи общественного труда, тот путь, которым в каждом отдельном случае достигается приблизительное соответствие производства и потребления. Но в каждом отдельном случае получение прибыли за счёт того, что потребление основной части населения – наемных рабочих и служащих – ограничивается привычно-необходимыми жизненными средствами и прибавочная стоимость растет быстрее цены рабочей силы, ведет ко все большему перенакоплению, т.е. – ко всё большему недопотреблению населения и перепроизводству капитала в общественном масштабе. Недопотребление присутствует в заработной плате каждого рабочего, перепроизводство – в прибыли каждого подразделения общественного капитала. Растущая диспропорция между производством и потреблением на фоне постоянного отрыва цен от трудовых

стоимостей продуктов выливается в кризисы перепроизводства, когда капитал не может сбыть продукцию из-за отсутствия платежеспособного спроса, а потребители не могут ее купить из-за отсутствия денег.

Заторы в развитии капиталистического хозяйства – результат не его бесплановости, как таковой. Они – результат бесплановой, анархичной природы разделения продукта и труда на необходимый и прибавочный, которое принципиально исключает пропорциональность общественного производства и потребления. На протяжении всего советского периода основные баталии между экономистами велись вокруг ограниченно понимаемых плана и рынка. Первый обычно отождествляли с социализмом, а второй – с капитализмом. Отголоски этих споров не утихли и по сей день. Но здесь и сейчас – производство и накопление, там и потом – потребление для нового накопления – плановость на такой основе не противоречит капиталу и любой сколько-нибудь крупный капитал не только не исключает, но и предполагает её. Это было известно еще в конце позапрошлого века. Тем более это справедливо сейчас, в эпоху развернутого наступления "нового мирового порядка".

Принцип капиталистического производства состоит не в бесплановости вообще, а в исключении пропорционального разделения результатов труда и с ним – самого общественного труда – на две части и планового регулирования этой пропорциональности. Такая плановость с существованием капитала действительно несовместима. Давний спор сторонников "плана" и "рынка" – не по существу, и истина, как это часто бывает, не у одной из сторон, и не между ними. Она вне их – в противоположном капиталистическому, коммунистическому способе разделения труда между работником и обществом в каждом продукте и во всем обществе – между производством разных продуктов и между людьми.

Врожденный порок капиталистического хозяйствования состоит в том, что развитие общественного производства за счёт стоимостных накоплений достигается на основе постоянно и повсеместно воспроизводимой диспропорции между производством и потреблением. Негативные последствия этого в значительной степени смягчаемые общей социальной направленностью и централизованным планированием производства, проявлялись и в советской экономике, хотя и в меньшей степени. Иначе не могло быть. "Когда общественные порядки, соответствующие определенной ступени производства, только возникают или когда они уже исчезают, – пишет К.Маркс, – естественно происходят нарушения производства, хотя и в различной степени, и с различным результатом".

В советской экономике большая часть усилий плановых органов уходила на примирение противоречивых узковедомственных интересов разделенного труда, на укрощение стихии отношения необходимого и прибавочного труда, на связанную с этим мелочную регламентацию. Когда необходимость во всем этом отпадет, возрожденные плановые органы смогут лучше выполнять главную свою задачу – изучать, предвидеть и направлять общий ход поступательного пропорционального развития народного хозяйства страны.

Надежное научное предвидение тенденций развития производства, всестороннее богатство материальных, интеллектуальных и духовных общественных связей, высокая интенсивность и полная раскрепощенность всех форм обмена позволят общественному производству свободно вливаться в

задаваемые плановыми пропорциями формы. Все остальное управление производством в значительной мере превратится в различные организационные формы его самоуправления и обслуживания на основе как дифференциации отдельных производств, так и их разного рода объединений.

Глава пятая **СОБСТВЕННОСТЬ НА ГРАНИ ЭПОХ**

Разложение государственной монополии

За "перестройкой" и разрушением СССР последовал распад государственной монополии. На ее месте образовались или, лучше сказать, оформились многие капиталы. Каждый из них вместе с самостоятельностью обретал и самоцель капитала – свое собственное накопление, самовозрастание за счет прибыли. Этот распад стал итогом длительного развития экономических взаимоотношений социалистического государства с принадлежащими ему предприятиями, общий ход которого показан в таблице.

Историческая смена форм экономических отношений
между социалистическим государством и принадлежащими ему
предприятиями

Распределение стоимости продукта между предприятиями и государством		Формы финансирования производства	Исторические периоды проявления
присвоение предприятием	присвоение государством		
–	$C + V + M$	Сметное финансирование	Период "военного коммунизма" (1917-1921 гг.)
C	$V + M$	Бюджетное финансирование (до перехода к заключению коллективных договоров)	Начало нэпа (с 1921 по 1922-1925 гг.)
$C + V$	M	Бюджетное финансирование (после перехода к заключению коллективных договоров)	Становление с 1922 г.; период стабильности с начала 30-х до конца 50-х гг.; разложение с 1965 г.
$C + V + M$	M' (процент)*	Самофинансирование	Конец нэпа (не реализовано); "перестройка" – "реформы" (с 1.01.1985 г., до приватизации по Чубайсу)

* Примечание: Во всех предыдущих формах процент, составляя часть прибыли, не выделяется из нее. Финансовый и промышленный капитал слиты. После приватизации государство довольствуется налогами

Жизнь богаче любой схемы, и на каждом из этапов разложения государственно-капиталистической монополии отживающие формы экономических отношений между предприятиями и государством переплетались с вновь нарождающимися. Все промежуточные формы носили переходный характер и содержали в себе остатки прежних и зародыши последующих. В разных отраслях переходы от одной формы к другой происходили по-разному и неодновременно. Тем не менее, *их историческая смена образует правильный ряд* разложения государственной собственности на средства производства и становления капиталистической собственности отдельных предприятий. Эта смена форм

закономерна. Уже равная оплата по равному труду была простейшей формой заработной платы. В период "военного коммунизма" она существовала как одна из сторон отношения необходимого и прибавочного труда - существенного отношения капитала – и этим полагала специфически буржуазное экономическое разделение труда не только отдельных рабочих, но и отдельных предприятий.

Разобщенный труд общества связывался воедино административным плановым управлением, которое нисколько не устранило капиталистического характера государственной монополии. Напротив, оно само было следствием такого ее характера, – следствием невозможности производственного самоуправления в условиях сохранения хотя и неявного, но действительного отношения найма рабочей силы.

В начале 1920 года IX съезд партии отмечал, что "меры централизма, которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах ... имели своим последствием те чудовищные формы волокиты, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству". Поэтому "...наряду с предоставлением местным хозяйственным организациям большей самостоятельности, необходимо увеличивать непосредственную хозяйственную заинтересованность местного населения в результатах промышленной деятельности".

В период нэпа плановое управление получило развитие на основе уже оформленного отношения заработной платы и прибыли.

За немногие годы нэпа разложение государственно-капиталистической монополии за счет развития ее капиталистических начал, дополненных рыночной формой связи, достигло своего предела, и в 1929 году постановлением ЦИК и СНК СССР был введен порядок единых долевого отчисления прибыли в госбюджет. Этим общество фактически было поставлено на грань тех же социально-экономических потрясений, которые в конце 1980-х годов разрушили хозяйственную и политическую систему страны. Однако это постановление осталось нереализованным и вскоре было отменено. Тогда "самофинансирование" не состоялось.

Развитие форм и методов планового управления хозрасчётным хозяйством позволило не только предотвратить распад государственной монополии, но и, вскоре, повернуть вспять процесс её разложения. Экономические (капиталистические) формы связи были свернуты или отодвинуты на второй план. Это не только предотвратило надвигающуюся социально-экономическую катастрофу, но и позволило осуществить сопряженный процесс коллективизации-индустриализации, вызволив страну из, казалось, безнадежного исторического тупика, в который ее десятилетиями загоняла романовская монархия.

К начавшейся коллективизации крестьяне поначалу относились позитивно, поскольку видели в ней укрепление общины, а колхоз воспринимали как артель. Первые колхозы, созданные ими самими, такими и были. Домашний скот в них не обобществлялся, каждой семье оставляли большой приусадебный участок. По воспоминаниям В.М. Молотова, И.В. Сталин, посетивший вместе с ним накануне массовой коллективизации несколько ранее возникших колхозов, был воодушевлен увиденным. Но при подготовке к проведению массовой коллективизации руководством Наркомзема и Аграрного института (А.Я. Яковлев и Л.Н. Крицман)

без какого-либо учета культурных особенностей русской деревни в качестве модели колхоза была принята разработанная в Европе для переселенцев в Палестину модель киббуца, которой существование личного крестьянского подворья не предусматривалось. Насажение этой модели спровоцировало острый конфликт в деревне, привело к массовому уничтожению продуктивного, а в черноземной зоне – и тяглового скота. Несмотря на экстренные меры, принятые уже весной 1930 года, погасить пламя разгоревшейся в деревне борьбы удалось только в 1932 году, а положение в сельском хозяйстве выправилось лишь в 1935 году.

Исторический рывок, совершенный советским народом за 1930-е годы, преобразил страну. Он позволил ей отразить нашествие всей Европы, в кратчайшие сроки восстановить разрушенное хозяйство, вовремя включиться в развернувшуюся научно-техническую революцию. Однако к концу 1950-х годов развитие производительных сил переросло возможности планово-директивного управления ими на прежнем уровне централизации, и, после ряда экономических потрясений, с 1965 года начался новый этап на этот раз окончательного разложения государственной монополии. Экономическая реформа 1965 года восстановила в правах прибыль и хозрасчет – капиталистическую практику управления государственными предприятиями, известную еще с дореволюционных времен. Капитал, загнанный на рубеже 1920-х – 1930-х годов в глубь советской экономической системы и на три десятилетия исчезнувший из поля зрения, вышел наружу. Он оставался государственным и, вместе с тем, обретал частичное относительно самостоятельное воспроизводство на каждом предприятии, вместе с оставляемой предприятию частью прибыли. И, поскольку в условиях "полного хозрасчета" было "объективно необходимо увеличение доли прибыли, оставляемой в распоряжении предприятий (объединений) и министерств", эта доля росла. Так, с 1965 по 1972 год она увеличилась с 30 до 42%.

Куда вела эта тенденция, трудно было не догадаться. Но, не зная, как встретить врага "на Вы", и уже не очень понимая, зачем это нужно, страус официальной идеологии предпочитал прятать голову в песок. В связи с этим возникла, в частности, необходимость дезавуировать известное высказывание Ленина о хозрасчете. В конце 1921 года он писал: "...во всей политике перехода от капитализма к социализму компартия и Соввласть ... завоевывают ряд позиций, так сказать, "новым обходом", совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм. В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а с другой стороны, государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, то есть по сути, в значительной степени на коммерческие и капиталистические основания". Один из комментариев к этому высказыванию был, к примеру, таким: "В действительности хозяйственный (коммерческий) расчет на социалистических предприятиях в восстановительный период (то есть в 1921-1925 годах – А.М.) по своему социально-экономическому содержанию не имел ничего общего с обычным коммерческим расчетом при капитализме. Природа хозрасчета и тогда уже определялась не стихийно развивающимися товарными отношениями, а последовательно социалистическим характером предприятий, господством общественной социалистической собственности на основные средства производства, плановым ведением хозяйства".

Чего в этом было больше, самообмана или просто обмана – судить историкам. Но факт остается фактом: к разверзшейся пропасти национальной катастрофы общество шло с крепко зажмуренными глазами.

Поступательное развитие практики и теории "социалистического" хозрасчета привело к тому, что в середине 1980-х годов внезапно выяснилось, что последовательный хозрасчет это *тоже пропорциональное разделение труда* на две части. Но не всего живого труда, овеществленного в продукте, а прибавочного труда, получавшего стоимостное выражение в прибыли предприятия. Хозрасчет, последовательно проведенный до "нормативно-долевого распределения прибыли" между предприятием и государством, оформился в её пропорциональное разделение на две части – на твердую долю прибыли, которая оставлялась предприятию для его "самофинансирования", и на другую ее долю, поступавшую в государственный бюджет. Это означало распад государственно-капиталистической монополии. Все еще можно было изменить, и требовалось лишь небольшое точно приложенное усилие понимания и любви, чтобы огромная, замершая на распутье страна повернула окончательно к своему процветанию и могуществу. Но такой силы тогда не нашлось... Годы и дни советского строя были сочтены.

За два десятилетия, минувшие с 1965 года, к середине 1980-х годов, вызрели не только объективные, но и субъективные предпосылки распада государственной монополии. Проявления недостаточности планово-директивных связей вместе с официальным упором на рубль (вездесущий дефицит, погоня за премиями и т.п.) закономерно разлагали общественное сознание.

В теории они вели ко всё большему отрыву от реальной действительности, к ее все более явному развороту в сторону либерализма.

В хозяйственной практике официальные производственные отношения, чем дальше, тем больше дополнялись и подменялись полуофициальными и неофициальными отношениями, вольным или невольным обходом установленного порядка ведения дел. И на производстве, и в быту человеческие связи между людьми все более подменялись обезчелоченными вещными "связями". Массовое распространение получил товарный фетишизм ("вещизм"). "Энергичные люди", прежде, чем выйти на сцену в известной пьесе В.М. Шукшина, прочно вошли в жизнь, стали носителями "теневой" стороны нашей экономики. Вслед за этим, ещё до "перестройки", публичное признание получила "социалистическая предприимчивость". Характерное словечко "достать" органично вошло в язык производства. Но чтобы "достать", надо "дать". А чтобы "дать", надо "взять". Хождение по краю закона и морали становилось для хозяйственных руководителей привычной необходимостью.

Для широких масс коммунистическая перспектива отодвинулась и стала неразличимой. Меркантилизация общественного сознания вела к разобщению людей, их уходу в себя, в свои узкие интересы – к их духовному и нравственному опустошению. На этой почве усилилось пьянство, мелкое и крупное воровство, пренебрежение к труду, к серьезной учебе, погоня за легкой жизнью.

В результате всех этих процессов значительная часть активного населения страны потеряла твердую ориентацию и, внимая лживой пропаганде, перестала отличать правое от левого и верх от низа. С началом "ускорения" и "перестройки"

власть вконец дискредитировала себя, народ утратил веру в наличное государство, и страна вошла в полосу катастрофических перемен.

Вместе с тем разложение государственной монополии на протяжении десятилетий готовило почву не только для буржуазного переворота, но и для пропорционального коллективного производства. В ходе этого разложения получали развитие не только всевозможные формы "левых" доходов, но и экономическая форма долевого участия работников в результатах труда и общественная, коллективная собственность на средства производства. Однако, прежде, чем перейти к ней, присмотримся к особенностям качественно иной, групповой частной собственности, внешне похожей на коллективную.

Групповая частная собственность

Внешне на действительную коллективность очень похожа и выдает себя за нее мнимая коллективность, основанная на групповой частной собственности. Так, в Соединенных Штатах на тысячах предприятий применяется система ESOP – программа наделения рабочих акциями предприятий. Взглянем на порядки на таком предприятии с точки зрения распределения результатов труда.

По словам бывшего президента ассоциации ESOP У. Брауна в системе ESOP "базовые размеры зарплат выводятся на основе анализа зарплат в данной местности (если имеются соответствующие сведения), или на основе соответствующих национальных зарплат в промышленности, привязанных для данной местности. Это обеспечивает основу, из которой определяется уровень оплаты труда для конкретной профессии. Затем из индекса прибыльности и потребностей в капитале выводится процент повышения годовой заработной платы. Вот эти-то проценты повышений за личные заслуги в работе и применяются далее в отношении к каждому работнику.

Для того, чтобы оценка личного участия, от которой зависит размер ежегодно устанавливаемой заработной платы, была справедливой и беспристрастной, мы предлагали работникам самим определить свое место среди других коллег. Это позволило отклонять придирки и претензии со стороны управленческой иерархии.

Окончательная характеристика работника в соответствии с методикой, применяемой в период повышения заработной платы, просматривается совместно с работником и его мастером, а затем данные поступают на контроль к исполнительному вице-президенту фирмы. По завершению этого процесса работники должны подписаться под характеристикой и предполагаемым повышением заработной платы, если они согласны. Если же согласия нет, работник может обратиться к заведующему отделением или, при необходимости, к исполнительному вице-президенту в присутствии заведующего отделением.

Система, стимулирующая лучший труд, оказывает сильное воздействие на работников, чья работа не соответствует стандартам компании. В редчайших случаях рассмотрение намечаемого увеличения заработной платы работника заканчивалось подачей апелляции и только в одном случае работник покинул кабинет исполнительного вице-президента, не согласившись со своей "объективкой". Эту систему ежегодного увеличения "ставок" зарплаты в зависимости от личного вклада мы горячо рекомендуем как справедливую и надежную, при которой не теряется контроль за общей стоимостью труда".

Эта длинная выдержка стоит того, чтобы в нее внимательно вчитаться. Прежде всего, легко убедиться, что долевого участия работников в доходе здесь нет и в помине. Есть особая процедура установления зарплаты и ее ежегодного повышения с учетом "индекса прибыльности и потребности в капитале", то есть, на более привычном нам языке, с учетом "опережающего роста производительности труда по отношению к росту заработной платы".

В условиях стихийного общего роста цен, так же естественного для капитализма, как вращение Земли вокруг Солнца, регулярное повышение зарплаты представляет собой для капитала объективную необходимость. Не только неизбежную, но и удобную, поскольку такие повышения зарплаты могут использоваться и используются в качестве кнута и пряника одновременно, как "проценты повышения за личные заслуги".

Каковы эти заслуги, и какой быть зарплате на протяжении всего следующего года определяет начальство. Причем делается это с привлечением самого рабочего, так, что он, в конечном счете, должен подписаться под своей "объективкой" и предложенной ему зарплатой. Или же идти "искать правду" у более высокого начальства, чего, как и следовало ожидать, обычно не бывает.

В конечном счете эта процедура обеспечивает "контроль за общей стоимостью труда" или, правильнее сказать, контроль за ценой рабочей силы.

При этом отношение найма и отчуждение продукта от работников осуществляет формально нанятая ими администрация. Рабочие нанимают администрацию, а администрация нанимает рабочих. При этом она действует, разумеется, прежде всего, в интересах своих и финансового капитала, в кармане у которого сидит любой промышленный капитал. В том числе и групповой. Отношение найма не преодолевается, напротив, его преодоление вместе с ним самим уводится в гегелевскую "дурную бесконечность". И, вместе с тем, – в полнейшую безысходность.

В общую систему наемного труда групповой капитал вписывается ничуть не хуже, чем индивидуальный или государственный, и даже лучше, поскольку к эксплуатации нанимателями труда наемных работников он подключает их самоэксплуатацию, практически исключая при этом какую-либо классовую борьбу.

"Когда цикл деловой активности вступает в фазу затухания..,– пишет У. Браун,– работники могут сами выбрать оптимальные варианты решения: сокращенная работа для всех или поочередное временное увольнение". В общем, "капитализм с человеческим лицом" по-американски – с неременной фарисейской демократией и юридически оформленными правами бесправных. В Новом Карфагене групповой капитализм приветствуется не случайно. Он представляет собой очередную, более изощренную ловушку для наёмного труда в рамках общей системы найма. Псевдоколлективная, групповая капиталистическая собственность представляет собой отчуждение труда и средств производства в пользу абстрактного "коллектива", как суммы, лишенной сущности. При этом средствами производства, продуктом труда и самим трудом рабочих от имени "коллектива" распоряжаются формальные "представители коллектива", которые стригут с прибавочного труда рабочих купоны для себя. Что при этом думают они сами или рабочие, с точки зрения формы экономических отношений совершенно неважно.

Качественная сторона отношения от этого не меняется. Более или менее сознательный обман рабочих нанимателями, действующими от лица "коллектива" не становится истиной от того, что он дополняется или подменяется самообманом обеих сторон. В этом состоит суть и т.н. анархо-синдикализма – профсоюзной псевдоколлективизации промышленного капитала, заведомо не выходящей и не выводящей за рамки системы наемного труда.

Псевдоколлективная капиталистическая собственность на средства производства существует уже не столько в противовес отживающей индивидуальной или государственной частной собственности, сколько в противовес и как отрицание идущей им на смену действительно коллективной, общественной собственности на средства производства. В групповой частной собственности мистификация отношений капитала достигает своего крайнего выражения и препятствует выходу общества из этого насквозь фальшивого состояния.

Общественная собственность

"Коммуна, – писал К.Маркс о Парижской Коммуне, – ...хотела сделать *индивидуальную* собственность реальностью, превратив средства производства ... в орудия *свободного ассоциированного* труда (выделено мной – А.М.) – ...Но ведь это коммунизм, "невозможный" коммунизм!" – восклицает К.Маркс. Задержимся на этом. "Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства ... есть, – по словам К.Маркса, – первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью исторического процесса свое собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а *индивидуальную* собственность на основе ... превращения капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства в *общественную* собственность.". Восстанавливается индивидуальная собственность, как общественная. Понятым это становится только с позиции пропорционального разделения результатов труда.

В самом деле: коммунистическому способу производства с его коллективной организацией производства на основе пропорционального распределения соответствует *индивидуальная общественная* (или индивидуально-общественная) собственность на средства производства. Она индивидуальна именно потому, что общественна не только в том ограниченном смысле, что средства производства принадлежат представляющему общество государству (пусть и социалистическому) и используются в интересах общества как абстрактной совокупности всех его членов, а в том смысле, что они не отделены от каждого конкретного работника, каждого члена общества и действительно составляют средства их собственного общественного воспроизводства. *Эта коммунистическая собственность общественна именно потому, что она индивидуальна.*

Единство индивидуальной и общественной собственности на средства производства обеспечивается коллективным производством и коллективным потреблением, как центральным опосредствующим звеном всего процесса пропорционального общественного воспроизводства. Выражением этого единства становится вытекающая из коллективного присвоения средств производства и жизненных средств коллективная собственность на средства производства.

"Буржуазные экономисты, – писал К.Маркс, – настолько в плену представлений определенной стадии исторического развития общества, что необходимость опредмечивания общественных сил труда представляется им неразрывно связанной с необходимостью их отчуждения по отношению к живому труду. Но вместе с устранением непосредственного характера живого труда как лишь единичного или всеобщего, лишь внутренне или лишь внешне, вместе с превращением деятельности индивидов в непосредственно всеобщую или общественную, с предметных моментов производства совлекается эта форма отчуждения; они тем самым превращаются в собственное органическое общественное тело, где индивиды воспроизводят себя как отдельные единицы, но как общественные единицы".

Иными словами, с устранением отношения наемного труда и капитала (необходимого и прибавочного труда, необходимого и прибавочного продукта, стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости, заработной платы и прибыли) труд отдельного работника воспроизводит его рабочую силу не как его предназначенную на продажу частную собственность, а как часть общей, коллективной рабочей силы и этот же труд воспроизводит средства производства не как противостоящий работнику нанимающий его капитал, а как продолжение его самого, как неотчужденные от него, его собственные средства его коллективного, общественного воспроизводства.

Взгляд с позиции пропорционального разделения результатов труда, с позиции долевого участия непосредственных работников в результатах труда проясняет смысл тех замечаний К.Маркса о будущем обществе, которые ранее воспринимались как нечто загадочное. Своим коллективным, общественным трудом каждый работник воспроизводит и собственные жизненные средства, и свои, уже не отчужденные от него коллективные, общественные условия своего труда. Его труд становится его собственным индивидуальным и общественным самоосуществлением, в котором эти стороны уже не входят в противоречие.

Это уже не труд по внешнему принуждению. Теперь, по словам К.Маркса "он является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы". Если работник воспроизводит себя вместе со своим, уже не отчужденным от него неорганическим телом, его к этому незачем принуждать. Необходимым и возможным становится то трудовое, производственное самоуправление, которого невозможно достичь без освобождения труда от найма и капитала.

В "Критике Готской программы" К.Маркс на коллективном характере производства и потребления специально не останавливался. Но он в ней упоминал коллективную собственность на средства производства, как основу описанного им распределения в первой фазе коммунистического общества.

"Всякое распределение предметов потребления, – писал К.Маркс, – есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Например, капиталистический способ производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих в то время, как масса обладает только личным условием производства – рабочей силой. Раз элементы

производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного".

Как это совершенно очевидно из общего контекста работы, речь здесь идет не о групповой капиталистической собственности на основе отношения найма, а о действительно коллективной собственности на основе той пропорциональности общественного распределения продукта, о которой Маркс писал и подчеркивал её на предыдущей странице: "Право производителей пропорционально...".

Качественное различие между действительной и мнимой коллективностью очевидно. В основе действительной коллективности не может лежать формальная принадлежность людей к той или иной группе работников, каждый из которых выполняет свой труд за свою заработную плату и которые насильственно объединены противостоящим им и господствующим над ними капиталом. Это внешнее, мнимое единство – не коллектив. Действительная коллективность рождается только общим трудом и общим потреблением, общими приобретениями и потерями, совместным распределением плодов своего труда. Примерно так, как это было в утраченной нами крестьянской общине или артели.

На Западе историческую необходимость подлинной коллективности превосходно выразил Антуан де Сент-Экзюпери. "Не умея строить, – писал он, – мы вынуждены были оставить груды камней на поле и говорить о Коллективе с опаской, не решаясь уточнять, о чем мы говорим, потому что в действительности мы говорили о чем-то несуществующем. Слово "коллектив" лишено смысла до тех пор, пока Коллектив не связывается чем-то. Сумма не есть сущность". Этой внутренней связью, превращающей сумму в сущность, и является пропорциональное разделение результатов труда – необходимая предпосылка подлинной коллективности.

Самоцель всего исторического общественного процесса – это развитие человеческих сил и способностей, освобождение универсальной человеческой природы, преобразующей мир и творящей себя в нем, достижение физического, умственного и духовного совершенства человека. Но в обществе, над которым господствует отношение найма рабочей силы, "частные интересы, – говоря словами К.Маркса, – ... разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей" и не позволяет им увидеть общей цели.

Свобода в сфере материального производства "может, – по словам К.Маркса, – заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители, рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними, как слепая сила, совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях наиболее достойных человеческой природы и адекватных ей".

Действительная коллективность – это коллективность на основе пропорционального разделения результатов труда – свободно ассоциированный труд. В масштабах общества – это общественное производство как коллектив коллективов. Именно пропорциональное разделение труда наполняет живым, конкретным, практическим содержанием самые общие, самые абстрактные положения социально-экономической теории К.Маркса.

Кто в условиях коллективного производства распоряжается пропорциональными вычетами коллективного труда в общественные фонды? Очевидно, представители активного населения, то есть трудовых коллективов. Это их представительство есть не что иное, как государство, задача которого состоит также в поддержании условий пропорционального общественного производства и потребления. Оно остаётся распорядителем общественной собственности на средства производства, но уже всего лишь как одной из сторон коммунистической собственности на них.

Отношение пропорционального разделения труда не может быть механически перенесено на обеспечение внешней и внутренней общественной безопасности, на здравоохранение, образование, на значительную часть науки и культуры, хотя с определенными модификациями оно приложимо и здесь. Но это отношение, определяющее переход от частной к общественной собственности, непосредственно применимо во всей сфере материального производства и обмена, а отношения в этой главной сфере общественного бытия оказывают решающее воздействие на всю совокупность общественных отношений, которая и образует *общественную* (коммунистическую) форму собственности на средства производства. Эта собственность одновременно и индивидуальна, и коллективна, и общенародна. Она есть *индивидуально – коллективно – общенародное совладение*.

Здесь надо уточнить, с кем совладение. Определенная доля созданной коллективом стоимости присваивается работниками и распределяется между ними. Она обеспечивает личное потребление каждого из них. Что происходит с другой долей результатов их труда? Нетрудно представить себе, что она распределяется *по тому же долевному принципу* между представительными органами всех уровней. Пусть определенная доля общих вычетов труда работников поступает в фонды коллективного совета, другая – в фонды местного Совета (Думы, Собрания, Комитета – не в названии суть), третья – в фонды регионального (областного, республиканского), четвертая – общенародного Совета. И пусть каждый из Советов распределяет эти поступления по своему усмотрению – по тому же долевному принципу, в соответствии с общими нуждами работников коллектива, жителей данной местности, данного региона, всей страны.

Кому в этом случае будут принадлежать средства производства? Очевидно, тем, кто присваивает результаты их использования – *одновременно* и каждому работнику, и коллективу предприятия, и жителям данной местности, данного региона, всей страны – *в тех пропорциях, в каких распределяется вновь созданная стоимость*. И вместе с тем эти средства производства – не собственность только отдельного лица, или только группы лиц, или только государства в тех или иных границах – *не частная* собственность вообще.

Сказанное, конечно, не означает, что общественное совладение средствами производства не нуждается в юридическом оформлении и закреплении. Нуждается, безусловно. Вместе с тем, совершенно ясно, что общественная собственность не сводится к простой отмене или запрету частной собственности. Она не возникает сама по себе из такой отмены. Правда, всякое отрицание в действительности уже содержит в себе некое полагание. Но в условиях системы наемного труда, в условиях господства сформированных ею стереотипов сознания стихийно из "отмены" индивидуальной или корпоративной частной собственности под видом

общественной или же коллективной может возникнуть только *государственная частная* собственность, или псевдоколлективная *групповая частная* собственность. Превращение частной собственности в коллективную, общественную собственность возможно только при целенаправленной, сознательной реализации пропорционального разделения результатов труда. А это возможно в двух случаях. Или в момент перехода средств производства под контроль работников эти работники еще несут в себе традиционное коллективное (общинное, артельное) сознание и навыки пропорционального разделения результатов труда и поступают согласно традиции. Так после февраля 1917 года действовали фабзавкомы.

Или же понимание необходимости традиционного пропорционального разделения труда, представление о котором давно утрачено, самостоятельно вырабатывается, восстанавливается работниками коллектива, или вносится в их сознание в противовес господствующему отношению найма. Так было в случаях реализации пропорционального разделения труда в конце советской эпохи и уже в постсоветское время, о которых будет сказано ниже.

После революции 1917 года не преодолев отношения найма и сосредоточив в своих руках до этого разрозненные капиталы советское государство лишь национализировало их, превратило их в один гигантский государственный капитал. От него необходимо было идти к обобществлению национализированных средств производства путем их коллективизации на основе пропорционального разделения результатов труда. А не по пути разложения государственно-капиталистической монополии, в конечном счете, к ее разрушению и приватизации преступными кланами ее обломков.

Но чтобы понять, что и как делать, нам было, видимо, суждено пройти тот путь, который уже пройден. Прошлого не изменишь, изменить можно только будущее.

Глава шестая **К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Система коллективного снабжения

Первой, еще очень несовершенной формой реализации отношения пропорционального разделения результатов труда на национализированных после революции предприятиях, то есть уже в условиях государственной монополии на средства производства, стала так называемая система коллективного снабжения рабочих. В порядке опыта она была введена летом 1921 года на 39 крупнейших предприятиях страны и к февралю 1922 года охватила уже 97 промышленных предприятий. Суть этой системы состояла в том, что фонды заработной платы предприятий исчислялись по наличному составу рабочих на март 1921 года и выдавались предприятиям "в том проценте, в каком выполнялась производственная программа ... по количеству выработанной продукции", независимо от изменения штата рабочих. На предприятиях эти денежные и натуральные фонды распределялись в соответствии с квалификацией рабочих.

Со всех прочих видов гарантированного государственного снабжения опытные предприятия снимались и свои производственные потребности удовлетворяли с помощью рыночных связей.

Опосредствующее звено отношения – экономическая форма оплаты по труду (доли валового дохода) была при этом неполной и непоследовательной. В ее основе лежала не переменная величина общественного труда, воплощенного в продукте, $a = w - c$, а зафиксированная стоимостная величина – коллективный фонд заработной платы, каким он был до начала эксперимента. Обозначим его как V_{const} . Переменной величиной был процент выполнения плановых заданий, n/N , как прообраз стабильной нормы оплаты по труду, H_δ .

В результате такой организации, экономическая форма оплаты по труду оказывалась как бы вывернутой наизнанку. Сравним:

$$(w - c) \times H_\delta \quad \text{и} \quad V_{const} \times \frac{n}{N}.$$

Если в начале этого изложения отношения непропорционального и пропорционального разделения труда (отношение необходимого и прибавочного труда и отношение вычетов труда в общественные фонды и оплаты по труду) мы рассматривали в их противоположности, одно рядом с другим, то здесь (в правом выражении) мы воочию видим, как первое из них превращается во второе, застаем эти два отношения как раз в момент их противоречивого единства – в момент исчезания первого во втором и становления второго из первого.

В системе коллективного снабжения коллективное потребление – это еще заработная плата, необходимый труд, хотя уже и не отдельного работника, а коллектива. Но если отношение необходимого и прибавочного труда принципиально отрицает всякую определенность разделения труда на две части, то здесь этот принцип уже нарушен. Граница коллективной заработной платы положена ее уровнем на март 1921 года, то есть до введения коллективного снабжения. Благодаря второму количественному определению оплаты – проценту выполнения производственного задания – оплата вновь обретает подвижность, но уже качественно иного характера.

Величина коллективного труда, воплощенного в продукции, в количественном определении этой зародышевой формы оплаты по труду еще непосредственно не дана. Но она уже введена в него с помощью процента выполнения задания. Вся стоимость произведенного продукта, w , предприятие передает государству и несет все расходы, c , по покрытию израсходованных средств производства. Поэтому плановое (зафиксированное планом) количество продукции выражает некоторую соответствующую плану величину коллективного труда в его стоимостном выражении. Обозначим её как $(W - C)$. Зафиксированная на уровне V_{const} заработная плата представляет собой определенную часть этой соответствующей плану величины труда. Следовательно, количественное выражение подлежащей возврату доли коллективного труда $V_{const} / (W - C)$ можно принять за норму оплаты по труду, установленную государством (через величину заработной платы и величину производственного задания), но ещё не достигшую самостоятельного выражения и определенности. Подвижная величина фактического количественного объёма продукции содержит в себе определение и фактических затрат труда на ее производство, $(w - c)$. Если учесть все сказанное, форму коллективного снабжения можно без особого труда подвести под форму оплаты по труду:

$$V_{const} \times \frac{n}{N} = V_{const} \times \frac{(w - c)}{(W - C)} = (w - c) \times \frac{V_{const}}{(W - C)} = (w - c) \times H_\delta.$$

Разумеется, это не более, чем логическое выведение одной экономической формы из другой, которое отражает содержащуюся в ней, возможную тенденцию ее развития. Но в действительности предположенное системой стоимостное выражение коллективного труда было не только предпосылкой коллективного снабжения, но и противоречило ему, делало невозможным сколько-нибудь длительное его существование.

Вся система коллективного снабжения была построена на неявном предположении стабильности валюты, тогда как в действительности она обесценивается уже одним только ростом производительности труда. При этом рост производительности коллективного труда, соответствующий росту производительности общественного труда, мог лишь компенсировать падение опосредствованной планом нормы оплаты. В результате, номинальная оплата оставалась бы на прежнем уровне, а реальная неизбежно катилась бы вниз, переставая быть оплатой по труду.

Предотвращением этого разлада системы коллективного снабжения могло быть только повышение стабилизированной заработной платы теми же темпами, какими шло обесценивание валюты, то есть выпуском в обращение возрастающей массы бумажных денег и еще большим подхлестыванием инфляции.

Система коллективного снабжения продемонстрировала, как это впоследствии многократно повторялось в разных интерпретациях, что отчуждение труда и его пропорциональное разделение принципиально несовместимы, и потому попытки их соединения обречены. Но именно в таких попытках и вырабатывались условия реализации пропорционального разделения результатов труда как не только некапиталистического, но и как посткапиталистического, не только уклоняющегося от капитала, но и берущего над ним верх.

Несмотря на несовершенство системы коллективного снабжения, опыт ее применения дал положительные результаты. В апреле 1922 года ВЦСПС отмечал, что "коллективные формы оплаты труда улучшили положение рабочих, заинтересовали их в повышении производительности и благотворно повлияли на оздоровление нашего народного хозяйства". Вместе с тем система коллективного снабжения была не только внутренне противоречивой, но и принципиально противоречила повсеместно вводимому в промышленности хозяйственному расчету и всей новой экономической политике. Поэтому в 1922 году опыт коллективного снабжения был прекращен.

Коллективная организация труда

Вызревание экономической формы оплаты по труду (долевого участия в результатах труда) шло вместе с развитием коллективной организации труда на протяжении всего советского периода, то ускоряясь и приобретая массовый размах, то замедляясь и сходя на нет. Для начала, давайте присмотримся повнимательнее к одной небольшой, частной истории, которая как в зеркале отразила в себе общий ход исторического процесса. В 50-х годах, на Кубани, механизатору В.Я. Первицкому не удавалось наладить механизированный уход за посевами кукурузы из-за того, что сдельные расценки делили труд на выгодные и невыгодные операции. На этой почве у Первицкого возник конфликт с его напарником М. Карнауком. Карнаух невыгодные операции выполнять не хотел, и в результате этого были испорчены 10 га посевов из тех 300 га, которые они возделывали вдвоем.

В.Я. Первицкий не был теоретиком-марксистом. В свое время он не окончил пятого класса – помешала война. Но суть дела он понял верно и попросил платить ему с Карнаухом поровну. Ему ответили, что нельзя. Тогда он сам договорился с напарником делить получку пополам. Однако после уборки Карнаух пошел на выгодную пахоту и не стал делиться с Первицким. Первицкий вновь обратился к экономисту Еркаеву и потребовал построить оплату так, чтобы на любой работе получать одинаково, а *еще лучше, чтобы вообще не считать выработку*. Дайте план урожая, затраты, оплату за центнер. А до уборки – только авансы. Еркаев согласился. В звене добавился еще один механизатор – Федор Галка. Втроем они взялись выращивать 560 га кукурузы и 40 га подсолнечника. И по производительности труда на выращивании кукурузы обставили известного тогда американского фермера Гарста. Того самого, к которому Н.Хрущев ездил за опытом ее возделывания. Затраты труда на 1 центнер зерна оказались у В.Я.Первицкого *в 12 – 15 раз ниже*, чем в среднем по их Новокубанскому району. В это трудно поверить, но это действительно было так. Причем с тем же Карнаухом, для которого перед этим своя выгода была превыше всего.

Вступил в действие тот основной экономический закон коллективного производства, о котором писал К.Маркс, – закон экономии времени.

В.Я. Первицкий не был крупным экономистом, но он правильно решил, что специализировать звено на одной культуре – полдела. Необходима работа на весь год. Тот же экономический закон, который вытекает из самой природы коллективного труда, и который начал проявляться естественно, без всяких указаний свыше, для своей полной реализации требовал изменения условий труда.

Взяли полный севооборот. Теперь на 2 тыс. га работали 12 человек. Результаты были такими же высокими.

Присмотримся теперь, что же собой представляла оплата за центнер, которая так удивительно сказалась на результатах. Оплата или расценка за центнер, обозначим ее как $v_{ц}$ – это какая-то определенная часть всего живого коллективного труда, вложенного в этот центнер урожая (в его стоимостном выражении). Обозначим ее как $a_{ц}$. Оплата за весь урожай – это коллективная оплата, V , по всему количеству живого труда, A , вложенному в урожай, N .

Если произведение живого труда, вложенного в центнер урожая, $a_{ц}$, на величину всего урожая, N , выражает собой общие затраты коллективного труда:

$$a_{ц} \times N = A,$$

то отношение расценки за центнер, $v_{ц}$, к труду, $a_{ц}$, вложенному коллективом в этот центнер – это не что иное, как локальная (для данного звена и данной культуры) норма оплаты по труду, H_{∂} :

$$\frac{v_{ц}}{a_{ц}} = H_{\partial}.$$

Поэтому определение величины оплаты по результатам труда можно выразить как:

$$v_{ц} \times N = N \times a_{ц} \times \frac{v_{ц}}{a_{ц}} = A \times H_{\partial}.$$

Легко заметить, что речь здесь может идти и идет *только о живом* труде. В расценке за центнер мы сталкиваемся с неполной формой оплаты по труду, которая

совершенно не учитывает производственных затрат прошлого труда. Эти затраты еще даются извне, исходя из расчетов под плановый урожай.

Прошлый труд (представленный в средствах производства) еще не входит в количественное определение такой оплаты по труду. Он еще отделен от живого труда и этим противопоставлен ему. Поэтому экономия живого труда и повышение такой оплаты по труду может, в принципе, достигаться и за счет перерасхода прошлого общественного труда.

Коллективный труд работников еще не стал непосредственно общественным трудом, но он уже стал собственным трудом каждого из них. Коллективное потребление изменило их объективное, а вместе с тем, и их субъективное отношение к своему труду. Вот как объяснял причины достигнутых успехов В.Я. Первицкий. Нет трактористов и комбайнеров. Все знают всю технику. Заработок каждого зависит от механизаторского класса, но механизаторы стремятся узнать не только машины, но и землю. Удобрения не "вывозят" на поля, а вносят. Поломка стала чрезвычайным происшествием. Агроном – не контролер, а советчик.

Это как раз то, о чем писал К.Маркс. Коллективность потребления устранила труд каждого работника за свою заработную плату. Она уничтожила отчуждение наемного труда, который, как писал К.Маркс, "по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного отношения". Действительно коллективный труд человека перестал быть определенным образом выдрессированной силой природы. Он превратился в свободную деятельность, управляющую всеми силами природы – в то, что К.Маркс называл "научным трудом".

Мы видим, что самые абстрактнейшие из положений К.Маркса о коммунистическом труде оказываются самыми конкретными предвидениями, если основная его предпосылка – пропорциональное распределение результатов труда – даже в ограниченной, половинчатой и локальной форме выступает из-под отношения найма (отношения необходимого и прибавочного труда), одерживает над ним верх, обретает действительность. Но распределение предметов потребления – это, как мы помним, лишь следствие распределения средств производства. По сути дела, оплата в виде расценки за центнер была противоречивой *попыткой изменить форму собственности на результаты труда, не меняя формы собственности на средства производства*. Поэтому она не могла быть долговременной.

Когда коллективный труд дал высокие результаты и в один год среднемесячный заработок механизаторов достиг 501 руб. – огромные деньги по тем временам, приехала комиссия. Серьезные люди долго проверяли бумаги, считали. Криминала не нашли. Но расценки в соответствии с канонами системы найма пересмотрели. Этим коллективная оплата по труду была сведена к групповой заработной плате. Впоследствии ее форма была подкорректирована и втиснута в рамки аккордно-премиальной системы "оплаты труда". Существенной особенностью оплаты за центнер, как формы оплаты по труду, было то, что, как и в системе коллективного снабжения, норма оплаты еще не получала самостоятельного выражения и существовала лишь в скрытом виде как зафиксированное во время перехода к коллективной организации труда отношение необходимого труда ко всему труду, в данном случае не во всем продукте, а в его единице.

Пропорциональное разделение труда, экономическая форма оплаты по труду – это общественная необходимость, это необходимое условие развития производительных сил на основе общественной собственности на средства производства. Как проявление этой все более настоятельной общественной необходимости коллективная организация труда много раз возникала в разных местах, гибла и снова появлялась в той или иной форме.

Злобинский метод, опыт Калужского турбинного завода, чековая система и т.п. начинания, особенно широко распространившиеся в семидесятых – начале восьмидесятых годов прошлого века были разными проявлениями, разными сторонами, в каждом случае по-разному ограниченными формами нового производственного отношения. Вследствие ограниченного характера самой общественной (государственной и колхозно-кооперативной) собственности на основе отношения найма возникавшие зачатки коллективной оплаты по труду неизбежно сводились к той или иной разновидности коллективной или коллективно-индивидуальной заработной платы, и уже как коллективная (групповая) заработная плата стали на рубеже семидесятых – восьмидесятых годов широко "внедряться" в народном хозяйстве. В результате, обособленные до этого индивидуальной зарплатой и ограниченные этим обособлением индивидуальные интересы отдельных работников превращались в столь же обособленный и ограниченный их групповой интерес.

При обсуждении вопроса о коллективных формах организации труда, организованном в 1985 году журналом "Вопросы экономики", отмечалось, в частности, что коллективный подряд (т.е. коллективный, точнее сказать, групповой найм) нередко ведет к формированию узкогрупповых, эгоистических интересов бригады, которая превращается, по словам одного из участников обсуждения, в такого группового "хозяйчика". Его ничем не проймешь. При сдельщине он монолитно, намного успешнее, чем разрозненные сдельщики-одиночки, сопротивляется пересмотру норм. При премиальной системе стимулирования – активно сопротивляется напряженным плановым заданиям. Этот отрицательный отзыв о бригадном подряде отражал то, что было на самом деле, а не то, что "должно было быть", потому он ценнее многих, обычных в те годы похвальных слов в адрес подряда.

Удивляться здесь нечему. Втиснутая в рамки отношения найма коллективная организация труда не меняла этого отношения. Она не устраняла "в сущности принудительного" характера наемного труда, и то, что рабочие, так или иначе, противились этому принуждению, естественно и закономерно.

С другой стороны, это опять-таки свидетельствовало о том, что и *заработная плата* – как сдельщина, так и премиальная система в условиях государственной (ограниченно общественной) собственности – себя исчерпала. Чтобы сохранить общественную собственность на средства производства ее необходимо было поднять на более высокую ступень, превратить в действительно общественную, то есть общенародную и, вместе с тем, индивидуальную – в коллективную собственность на основе пропорционального распределения результатов труда.

Подрядная бригада как раз потому и становилась "хозяйчиком", что не могла стать подлинным хозяином своего производства.

На завершающем этапе разложения государственной монополии пропорциональное коллективное производство стало действительной, *насущной* необходимостью для дальнейшего поступательного развития исторического процесса. А действительная историческая необходимость прокладывает себе путь не иначе, как через действия людей, даже если они не всегда и не в полной мере ее осознают. В своей обыденной, повседневной жизни люди поступают так, как того требует реальная обстановка, тот самый объективный ход вещей, который, в конечном счете, определяет и ход идей. Поэтому экономическая форма оплаты по труду объективно должна была в последние советские годы сбросить с себя остатки старого способа разделения результатов труда на две части и выступить на поверхности экономических отношений в уже очищенном от них, логически завершенном виде.

Преодоление найма и капитала

В начале 1980-х годов в одном из звеньев колхоза им. Ленина Кишертского района Пермской области молодые механизаторы при обсуждении условий коллективного подряда здраво рассудили: если вам (начальству) надо, чтобы мы больше вырастили и при этом меньше затратили, платите нам твердый процент от разницы между стоимостью продукции и затратами на ГСМ, запчасти, удобрения и т.п. *Все равно лучше и проще не придумаешь.*

"Наш расчет, – писал принимавший участие в этих событиях журналист А.Росляков, – вкратце был таков: высчитывается стоимость всей произведенной продукции, отнимаются производственные затраты и из остатка установленная взаимным соглашением доля выплачивается звену, остальное идет в прибыль колхозу. Естественно, при такой системе звено заинтересовано исключительно в двух вещах: увеличении производства и сокращении затрат. Чем выше первое и ниже второе, тем больше в конце года заработает каждый". Доля звена оговаривалась при заключении договора, до начала работ.

"Истина, – по словам Антуана де Сент-Экзюпери, – это то, что делает мир проще, а отнюдь не то, что обращает его в хаос". Люди, непосредственно занятые производством, непосредственно восприняли и выразили то, чего потребовала от них сама жизнь.

Количественное определение оплаты по труду с самого начала обрело вид:

$$D = (W - C) \times H_{\delta},$$

где норма оплаты и есть определенный процент разницы между стоимостью продукции и затратами. *Чтобы оно обрело эту свою исходную простоту, советскому обществу понадобилось шесть десятилетий исторического развития.*

В короткие сроки коллектив добился впечатляющих успехов в труде – за первый же сезон его производительность возросла в три раза. То есть каждый механизатор сработал за троих. Без всяких понуканий. И еще времени свободного у них оказалось хоть отбавляй. Кроме своих механизаторских дел успели за лето сообща каждому по новому дому срубить. Благо с лесом у них тогда проблем не было. Но еще больше, пожалуй, впечатляет быстрота и глубина морально-психологической перестройки людей. Вслед за изменением их действительного отношения к своему труду изменилось и их сознательное отношение к нему. Люди стали подлинными хозяевами объективных условий своего труда и на деле доказали, что могут распорядиться этими условиями в своих и общественных

интересах свободно, без всякого принуждения, и намного лучше, чем это делалось без них и за них.

Соответственно результатам выросли и заработки. Финал этой истории был для тех времен закономерен и чрезвычайно прост. Когда пришло время рассчитываться, начальство, оберегая себя, переписало договор задним числом. Так, чтобы заплатить подрядному звену как обычно. Как всем. И вот в этом, последнем, пожалуй, как ни в каком другом факте наглядно проявилась суть того всеобъемлющего кризиса, в который в начале 80-х годов прошлого века стремительно и неотвратно входило советское общество. Все возможности развития и просто дальнейшего пребывания общества в периоде перехода от капитализма к коммунизму (к первой его фазе) были окончательно исчерпаны. Новые отношения рождались стихийно, они пробивались к жизни снизу с силой естественной необходимости. И подавлялись, глушились, разрушались сверху всей чудовищной силой монопольного государственного капитала, уже готового к тому, чтобы в лице своих распорядителей осознать себя именно как капитал и при благоприятных условиях влиться в более естественные для себя формы.

Советское общество исчерпало возможности удерживать в себе противоречие между капитализмом и коммунизмом в скрытом состоянии. Оно стихийно вырывалось наружу, на поверхность общественных отношений. Чем и как это завершилось, в самых общих чертах каждому известно. Известна и причина – отсутствие субъективного фактора, способного направить ход событий в интересах страны и народа.

В силу ряда причин, в которых еще предстоит детально разбираться историкам, вторая по силе и могуществу и первая по потенциалу развития мировая держава в критический момент своей истории оказалась обезглавленной – без понимания сути происходящего, без дееспособной партии, без талантливой вождя, без веры народа в государственное руководство. И с хорошо отмобилизованной пятой колонной в самых верхних эшелонах власти. В результате мы, а с нами и весь мир, оказались отброшенными далеко назад, к новому варварству и одичанию.

Но общество (народ, нация) – не только чрезвычайно сложный, но и живой организм, обладающий инстинктом самосохранения, который, как и все, присущее этому организму, проявляется через действия людей. Именно в обстановке начавшегося с середины 1980-х годов разрушения основ прежней жизни и воцарившегося идейно-организационного хаоса, экономические формы индивидуально-общественного совладения результатами труда и средствами производства, которые прежде не вписывались в господствовавшие порядки и подавлялись им, получили внезапно возможность относительно свободного проявления.

И нашлись люди, подготовленные всей своей предыдущей жизнью к тому, чтобы успешно реализовать эту возможность, люди, ставшие олицетворением исторической необходимости, средством самосохранения общества и орудием исторического процесса.

Наибольшую известность из них получили С.Н. Федоров и М.А. Чартаев, с именами которых связаны образцы наиболее последовательной и успешной реализации новых производственных отношений.

С.Федоров как олицетворение нынешней смуты и выхода из нее

Из всех общественных деятелей нашего смутного времени Святослав Федоров, был, пожалуй, наиболее противоречивой фигурой. Идеалист и предприниматель, труженик и сибарит – все это было в нем сразу, одновременно. Провозглашая доленое участие работников в доходе предприятия и уничтожение найма, он приводил в пример американскую систему ESOP, которая, как мы видели, ни с тем, ни с другим ничего общего не имеет. Преодоление капитала в возглавляемом им объединении он называл "народным капитализмом". По части идеалов соглашался с К.Марксом и в то же самое время входил, правда недолго, в ультрабуржуазную партию К.Борового.

Понятно, что ни левые, ни правые С.Федорова своим не считали. Первых раздражала его прокапиталистическая риторика, его постоянные ссылки на Америку, как на образец для подражания, его барское поведение перед телекамерой. Для вторых абсолютно неприемлемы были его призывы к устранению найма, к самоуправлению трудящихся, к коллективному совладению средствами производства. У одних его слова вызывали отвращение, другим его действия внушали опасения. Для политиков с обоих флангов С.Федоров с его весьма путанными взглядами и довольно последовательной практикой был слишком "наивен". Или же, напротив, слишком хитер.

"Из права собственности на средства производства, – писал С.Федоров, – не должно безусловно следовать право присваивать результаты труда, достигнутые с помощью этой собственности. *Предприятие может быть государственным или частным, но только непосредственные производители должны быть хозяевами результатов* производственной деятельности, владеть и распоряжаться полученным доходом (выделено мной – А.М.)".

Наивно? Противоречиво? Юридически безграмотно? Возможно. Но, по сути, все верно. Хозяин средств производства вправе претендовать на стоимость средств производства, вот пусть и претендует! Но не на весь продукт! Не он его делал. А если приложил труд – пусть получит свою долю дохода, пропорциональную его труду, как и другие производители. Именно так и действовали в 1917 году фабзавкомы, превращая частную промышленную собственность в общественную. И если по правде и справедливости, то только так и должен ставиться этот вопрос. Система найма и отчуждения построена на насилии и обмане, которые можно одолеть только правдой и коллективной сплоченностью. Что же касается права, то оно всегда отстает от жизни. И оно всегда следует за правдой жизни, если правда берет верх.

Коллективизация промышленности с повестки дня не снимается. Вот о чем слова С.Федорова. В них он был на стороне правды и потому прав, кто бы и что бы ни говорил. Впрочем, не только правда, но и безбожная путаница в понятиях для работ С.Федорова – обычное явление. Буквально вслед за приведенными словами он писал: "И не пресловутую зарплату должен иметь такой работник, не назначенную кем-то "пайку" до производственного процесса, а лично заработанную долю прибыли, как реальную оценку своего труда. При этом, с нашей точки зрения, оптимальной для российской действительности и российской традиции является

коллективно-частная собственность, при которой средства производства и результаты труда принадлежат самим производителям".

Или в другом месте: "Идея свободного труда, то есть труда на себя, пробивает себе дорогу в жизни многих стран и народов. Тысячи предприятий США работают по программе ЭСОП (план наделения работников акциями), где миллионы тружеников являются собственниками общего акционерного капитала. Аналогичные предприятия функционируют в Испании, в Италии, Франции, Японии и Китае. По своей эффективности и производительности они превышают соответствующие частные и государственные предприятия. Все больше становится таких предприятий и в России, где для них существуют давние исторические традиции, связанные с артельной формой производства. Экономической основой таких предприятий является коллективно-частная собственность, ликвидирующая, по своей сути, наемный характер труда".

"Коллективно-частная" это групповая капиталистическая собственность, которая, как уже показано выше как раз на примере системы ESOP, никакой "ликвидации наемного характера труда" не предполагает.

На одной странице у С.Федорова можно встретить и доленое распределение дохода, и распределение прибыли. В одном и том же предложении он высказывался против зарплаты и за прибыль, не смущаясь тем, что прибыль без зарплаты не существует, как не может быть одного полюса без другого. Он полагал, что можно ликвидировать наемный характер труда, сохраняя капитал. И надежды по преодолению найма возлагал на приватизацию.

Чем было обусловлено всё это нагромождение несуразностей? Тем, что С.Федоров отождествлял и постоянно смешивал два разных опыта. С одной стороны, свой опыт – с распределением дохода, ликвидацией найма, трудовым самоуправлением и, по сути дела, общественной формой собственности, хотя и неполной. И, с другой стороны, – опыт группового, акционерного капитала в рамках программы ESOP и других закрытых акционерных обществ (ЗАО).

Справедливости ради надо сказать, что указанная путаница, несомненно, обусловлена отчасти объективными трудностями языка, отсутствием в нем адекватных понятий. Кроме того, С. Федоров путался в сути экономических отношений ничуть не больше наших вульгарных марксистов и явно меньше, чем прочие экономисты, танцующие от теории ценности и т.п. А в понимании объективной необходимости он был неизмеримо выше и тех, и других, мысля и действуя не только на уровне руководимого им крупного, преуспевающего межотраслевого научно-технического комплекса, но и в национальных масштабах и категориях. "Национальная идея, – писал он, – может реализоваться только через какой-то реальный механизм. Нельзя провозглашать идеи, если нет механизма. Так можно высказать идею – взобраться на Эверест, но надо одновременно сказать, как туда пойти, с какой стороны, какие технические средства для этого использовать.

Для нас технологией осуществления идеи свободного труда являются отказ от системы зарплаты и переход к системе доленого дохода. Суть его состоит в следующем. Любое производство – это какие-то отдельные стадии технологического процесса. Например, обработка сырья предполагает его приемку, сборку комплектующих изделий, хранение, реализацию и так далее. Как правило, это от 20 до 100, а то и больше функций. Каждую функцию реализуют конкретные группы

людей, бригады специалистов. Есть функция менеджеров, которые должны организовать все эти процессы производства, функция шоферов, которые привозят сырье и отвозят готовую продукцию, функция станочников, обрабатывающих материал и т.д. Трудовой коллектив всем этим функциям присваивает процент от общего дохода. Функции, которые выполняют наиболее квалифицированные специалисты, оцениваются выше остальных. Например, у нас в МНТК "Микрохирургия глаза" врач-хирург получает 10% за проведенные операции, а шоферы, которые помогают ему перевезти больного, привезти инструменты и т.п. – 3,5%. Таким образом, весь коллективный доход делится по этим процентам и вручается бригадам.

Каждая бригада, реализующая функцию, выбирает себе бригадира, а иногда и его заместителя. Когда они получают деньги, то всей бригадой участвуют в распределении, устанавливают те или иные критерии труда – это может быть количество времени, сложность функции, качество работы и т.д. Руководство коллектива непосредственно не вмешивается в это распределение, оно получает от дохода свою долю, которая определяется всем коллективом. Чем выше общий доход коллектива, тем больше доля каждого работающего. Когда члены коллектива уходят на пенсию, то коллектив устанавливает им прибавку к пенсии в зависимости от квалификации и стажа работы.

Главное, что в таких коллективах работник, перед тем, как что-то произвести, знает ту долю общего дохода, которую он получит по окончании труда. Это и есть та реальная экономическая демократия, без которой в принципе невозможна никакая политическая демократия".

Или в другом месте: "КТУ устанавливают сами врачи, сами члены коллектива ... Многие экономисты говорили, что это труднейшая задача, чуть ли не высшая математика. Вместе с тем с этой задачей в России уже давно справлялись. ... Возьмите русскую артель, общину или как раньше говорили, "дружину". Еще до того как построить дом печник знал, что получит 5% от общего дохода артели, тот, кто тесал бревна – 10%, кто выкладывал углы дома – 25% и т.д. Все было ясно заранее". Своей жизнью, своими взглядами и делами, самой своей личностью С. Федоров, как никто другой, выразил переломность, саморазорванность, противоречивость нашей эпохи, её внешнюю хаотичность и строгую закономерность в глубине. Не он первый применил доленое участие работников в валовом доходе, то есть пропорциональное разделение результатов труда, но именно он не только оценил огромный потенциал и универсальность этой практики и сделал из нее далеко идущие выводы, но и придал ей достаточную публичность. При всех своих идейных и политических шатаниях, доленого участия в доходе С. Федоров придерживался последовательно и твёрдо.

Он прочно ухватился за нить, ведущую нас из нынешнего мрака на свет и, кажется, сама судьба взялась ему помогать. Уже хотя бы тем, что он был отторгнут слева и справа, и это вынудило его создать свою, особую партию. А когда он решил было назвать ее расплывчато-тривиально "Партией народного самоуправления", воспротивился Минюст: "народных" партий и движений и без того предостаточно. Пришлось называть по существу – "Партией самоуправления трудящихся". Если бы Минюст поупирался еще немного, получилось бы "Освобождение труда".

Трагическая гибель не оставила С. Федорову времени глубже разобраться в социальной теории, отделить зерна от плевел, необходимость чего он отчетливо понимал. Но и того, что он успел сделать, хватило бы на несколько жизней.

Модель М.Чартаева

С начала 1990-х годов широкую известность получил исключительно яркий и убедительный опыт другого первопроходца по пути преодоления отношения найма – М.А.Чартаева. Впервые широкую общественность познакомил с ним доктор экономических наук С.Ю. Андреев, осенью 1992 года в передаче Ленинградского телевидения "Тринадцатый вопрос".

По словам очевидца, "...в то время С.Ю. Андреев был председателем Ленинградского Совета трудовых коллективов и вместе с председателем Российского Совета трудовых коллективов А.В. Бобровским открыли этот уникальный опыт в советской перестроечной экономике. В июле 1993 года в Москве по инициативе Совмина РСФСР и Президиума Верховного Совета РСФСР было организовано совещание с участием более 2000 специалистов в области экономики и политики, представлявших все регионы России и её ведущие политические партии. Совещание проходило 2 дня под председательством премьер-министра Р.Хасбулатова и вице-президента А.Руцкого. На этом совещании система М.Чартаева впервые была предложена для обсуждения столь профессиональной публике и вызвала самую искреннюю заинтересованность. Группе специалистов, которые поддерживали М.Чартаева, поручили подготовить подробный анализ этого опыта и представить для обсуждения на следующем совещании, которое должно было состояться в 20-х числах сентября 1993 года". Но трагические события конца сентября – октября 1993 не дали этим планам осуществиться.

В определенной степени популяризации опыта М.Чартаева способствовала и его активная пропаганда С.Н. Федоровым. Оба первопроходца вступили на путь преодоления отношения найма независимо друг от друга в середине 1980-х годов, когда идея пропорционального разделения результатов труда, вызревшая в ходе развития коллективной организации труда, буквально "носила в воздухе" и подобно радиоволне определенной частоты воспринималась теми, кто был на нее настроен.

В 1985 году, в дотационном колхозе им. Орджоникидзе Акушинского района Дагестанской АССР его председатель, агроном по образованию, Магомед Чартаев вместе с членами правления разработал и вынес на суд колхозного собрания новую, необычную систему организации производства. Предельно популярно изложенная ее суть состояла в следующем: для того, чтобы колхоз выбрался из отсталости, на его расширенное воспроизводство, расчеты с бюджетом, банком нужно направлять 40-50% стоимости произведенной продукции. Но толк от этого будет только в том случае, если за результат своего труда каждое подразделение и каждый колхозник станут отвечать своим карманом – из него оплачивать производственные затраты на своем рабочем месте, продавать хозяйству (сдавать по внутривозрастным ценам) продукт своего труда и получать установленную собранием долю выручки за него. Затраты на средства производства, оплата специалистов и руководства, выручка за продукцию, отчисления в страховой фонд и т.д. – всё это заботы не наёмного работника, а хозяина, но замысел в том и состоял, чтобы каждый, оставаясь членом коллектива, стал хозяином на своем рабочем месте. Не просто "чувствовал себя

хозяином", как нередко тогда говорили и писали, а действительно стал им. Собрание с решением правления согласилось.

Работать по-новому оказалось непросто. Тем более, что вычеты, составляя долю стоимости продукции и увеличиваясь или уменьшаясь вместе с ней, не могли быть ниже определенной суммы, которая взималась и при отсутствии выручки. Поэтому при низких результатах труда работник мог ничего не получить и даже задолжать хозяйству. Привыкнуть к столь жесткой и конкретной ответственности за результаты труда было нелегко.

По результатам социологического опроса, проведенного вскоре после перехода на новую систему, продолжать работать в ее условиях не хотел никто. 90% опрошенных считали вычитаемую долю стоимости продукции чрезмерной, многие увольнялись. Не было поддержки и со стороны районных органов, рассматривавших новшество лишь как очередную форму "оплаты труда", а некоторые и прямо противодействовали, считая, что она лишь "воспитывает рвачей и ловчил".

Однако через год работы результаты оказались положительными. Снизились затраты на единицу продукции, хозяйство впервые вылезло из долгов и получило средства для развития. Постепенно перестроились на новый лад и люди. И если через год работы треть колхозников оказались банкротами (их убытки пришлось покрывать из коллективного страхового фонда, с условием последующего возврата), то следующий год все закончили с плюсом. Поняли, что это серьезно... И притягательность свободного труда оказалась таковой, что возвращаться к прежним порядкам никто не захотел.

В системе М.Чартаева удалось адекватно оценить в рублях результаты труда каждого работника и довести ответственность за результат труда до каждого конкретного человека, чего не было в других системах коллективной организации труда. Достигнуто это тем, что восполнение производственных затрат (в том числе на услуги специалистов) из выручки за продукцию, предоставлено самому работнику. При этом пропорциональное разделение выручки (вычет ее доли, v , по норме H_e) производится после уменьшения работником выручки, w , на сумму производственных затрат, c , то есть вполне в соответствии с уже известным нам выражением:

$$v = (w - c)H_e.$$

Особенность состоит в том, что определение разницы между выручкой и производственными затратами, как и самой выручки, и затрат проводится не вне рабочего места, как при других формах коллективной организации производства, а непосредственно на рабочем месте самим работником.

Соответственно оценка трудового участия работника в достижении общего результата труда – *наиболее ответственный и сложный момент коллективной организации производства* – в значительной мере, если не полностью, превращается в его самооценку. Вопрос даже не то, чтобы разрешается, как бы сам собой. Он, как подлежащий разрешению вопрос просто *не возникает*. Следует, однако, иметь в виду, что, как отмечалось выше, уже сам факт пропорционального разделения труда (его результата) превращает частную собственность (любую ее разновидность) в общественную, то есть одновременно и индивидуальную, и коллективную, и общенародную. Но если в рассмотренных перед этим примерах на первом плане

был коллективный характер общественной собственности, то в системе М.Чартаева, хотя норма вычетов (а значит и доля работников в результате труда) тоже определяется коллективно, на первом плане – ее индивидуальная сторона.

Из всех видов производительного труда именно сельскохозяйственный труд, будь то труд чабана, доярки или механизатора, самый творческий. Здесь человек имеет дело с живой природой, вечно изменчивой и никогда в точности не повторяющейся. Поэтому в аграрном труде высокая степень свободы деятельности работника не только возможна, но и необходима. В нем особенно велико значение интуиции, развитость универсального характера человеческой природы, вообще личностные качества работника. Может быть, в силу этого выдвижение на передний план индивидуальной стороны общественной собственности в сельском хозяйстве наиболее естественно и целесообразно. В то же время, скажем, на крупном заводе радиоэлектронной или авиакосмической промышленности, где и характер технологического процесса и требования к работникам совершенно иные, более оправдан будет, вероятно, упор на коллективное определение норм участия работников в результатах труда и, следовательно, на коллективную сторону общественной собственности. Впрочем, жизнь изобретательнее абстрактных схем. Она и предложит, и отберет наилучшие в каждом случае варианты. Можно представить и ситуации, когда нормы участия работников в результатах труда (например, отрасли или всего народного хозяйства) определяются на общенародном уровне, и на первый план выступает общенародная сторона общественной собственности, хотя она и в этом случае останется и индивидуальной, и коллективной, и общенародной. Иными словами, в зависимости от конкретных условий, общественная собственность может быть не менее разнообразна, чем частная. Ее отличительная черта – не те или иные детали организации, а пропорциональный способ разделения результатов труда.

В связи со сказанным, важно подчеркнуть, что в системе М.Чартаева, где индивидуальная сторона общественной собственности нашла, возможно, свое наиболее полное и последовательное выражение, общая сумма вычетов труда распределяется между различными коллективными фондами по тому же, долевному принципу, что и вновь созданная стоимость, то есть пропорционально. Иными словами общая норма вычета дохода (40% в животноводстве и 50% в других отраслях), пропорционально распределяется между вычетами в различные фонды:

$$N_{\epsilon} = (H_{\epsilon}^1 + H_{\epsilon}^2 + \dots H_{\epsilon}^n).$$

При этом определенная доля результатов труда каждого работника направляется в фонд развития производства, на пополнение принадлежащего работнику имущественного пая, другая – в коллективный фонд дивидендов, распределяемых пропорционально величинам имущественных паев. Использование работниками этих дивидендов на развитие средств производства совершенно наглядно и осязаемо превратило каждого работника колхоза в непосредственного инвестора и совладельца своего коллективно-кооперативного предприятия. Соответственно, колхоз был переименован в союз собственников-совладельцев "Шухты".

"Отвечая на вопросы, действительно поставленные жизнью, а не высосанные из пальца, – пишет М.Чартаев – мы на третьем году работы должны были ответить на вопрос – чья же у нас собственность? Люди способны решить любые проблемы, но

направление поисков решения определяется наличием или отсутствием совести. Есть совесть – тогда возникают ответы, исключая несправедливость. Решили мы и эту проблему. Подняли все архивы с момента организации колхоза в 1936 году, посчитали прирост основных фондов за каждый год, выяснили, кто и сколько работал, создавая этот прирост. Распределили его между работниками пропорционально вкладу каждого. Просуммировали по годам и расписали по личным счетам. Таким образом, распределили капитал между всеми, кто его создавал. Если человек умер, его доля доставалась его наследникам.

Тут есть одно очень важное следствие. Поскольку каждый работник, используя прошлый труд, овеществленный в основных фондах, в первую очередь восстанавливает стоимость амортизированного имущества, то тем самым восстанавливает используемый капитал, а, значит, и прошлый труд своих предшественников. Следовательно, сколько бы лет ни прошло, личный инвестиционный счёт каждого будет состоять из собственного капитала и капиталов его предков. И всегда можно сказать: вот мой вклад в наше богатство, вот – моего отца, вот – деда, прадеда...".

Здесь, опять же в связи с особенной индивидуализированностью всей системы внутриколлективных производственных отношений, дивидендам, как особой форме вычетов в коллективные производственные фонды, которыми распоряжаются сами работники непосредственно на своих рабочих местах, принадлежит особая роль. При других разновидностях общественной собственности вычеты в аналогичные фонды могут проявляться иначе, к примеру, производиться напрямую и использоваться коллективным советом. Это отнюдь не значит, что работник, непосредственно не участвующий в инвестировании своего коллективного производства с помощью дивидендов, не является его действительным совладельцем.

Дальнейшим развитием отношения пропорционального разделения результатов труда стало в системе М.Чартаева отчисление доли коллективных доходов в фонд дивидендов по земельным паям, откуда поступающие в него средства распределяются поровну среди всех жителей поселения, от младенцев до стариков. Это связало доходы школьных учителей, медицинских работников, милиционеров с результатами труда каждого работника производственного коллектива, определило их непосредственную заинтересованность в том, чтобы труженики хозяйства не болели, работали в полную силу, были спокойны за детей и надежно защищены от царящего вокруг разгула преступности.

Очевидно, здесь, как и применительно к дивидендам на имущественные паи, имеет место не что иное, как особая форма ранее упоминавшихся *вычетов коллективного труда в местные фонды*. Внешне капиталистические формы в условиях пропорционального разделения труда наполняются качественно иным содержанием.

Кстати, дивиденды появились в хозяйстве не сразу. И работники не потому стали совладельцами, что им стали начислять дивиденды, а наоборот, дивиденды стали начисляться работникам потому, что они стали совладельцами. Вот как об этом пишет сам М. Чартаев: "Годами мы не могли заставить людей думать об экономике предприятия, теперь же не было отбоя от вопросов. Первыми забеспокоились те, кто лучше работал и чья доля в инвестициях, соответственно,

была больше. "Если результат труда – моя собственность, то и средства, идущие на развитие производства, – мои. Я хочу видеть свои деньги", – говорили они. Тогда мы завели личные счета на каждого, где записывали суммы, инвестированные конкретным работником. Тогда появились другие вопросы: "Если у меня на инвестиционном счете 10000 рублей, которые используются в производстве и дают доход, то почему я не вижу этого дохода, ведь за используемые основные фонды я плачу, как и все?" Тогда в части "накопление" (долевой вычет из всей выручки за продукцию – А.М.) были определены доли для формирования дивидендов на имущественные и земельные паи. Дивиденды на земельные паи выплачиваются каждому жителю территории по праву рождения как совладельцу земли, а дивиденды на имущественные паи – пропорционально доле в общественном капитале".

Для защиты от галопирующей инфляции и ценовых диспропорций, все внутрихозяйственные расчеты стали вести в ценах 1990 года, компенсируя инфляцию и диспропорции рыночных цен из специального резервного фонда. Показательно, что *стабилизация внутреннего рубля посредством его трудового обеспечения* стала необходимым условием преодоления найма и перехода к свободно ассоциированному труду уже в масштабе коллективного сельскохозяйственного предприятия. Не менее показательно, что и в столь ограниченном масштабе эта задача успешно решается.

Все отмеченные связи форм пропорционального разделения результатов труда в ССС "Шухты" описываются следующими зависимостями:

$$\begin{aligned}
 w &= H + \Pi; \\
 H &= wH_n; \\
 H_n &= (H_g^{рук} + H_g^{соц} + H_g^{рез} + H_g^{страх} + H_g^{разв} + H_g^{фдин} + H_g^{фдзн}); \\
 \Pi &= w(1 - H_n) = c_{сн} + (\Pi - c_{сн}); \\
 (\Pi - c_{сн}) &= c_{усл.спец.} + \partial; \\
 c_{усл.спец.} &= (\Pi - c_{сн})H_{усл.спец.}; \\
 \partial &= w(1 - H_n) - (c_{сн} - c_{усл.спец.}) = (w - c)H_{\partial},
 \end{aligned}$$

где: H – "накопление" – доля результатов труда работника, пропорционально распределяемая на вычеты в различные коллективные фонды;

Π – "потребление", доля результатов труда, идущая на потребление, в том числе, и на производственное потребление работников;

H_n – общая норма вычетов труда в коллективные фонды;

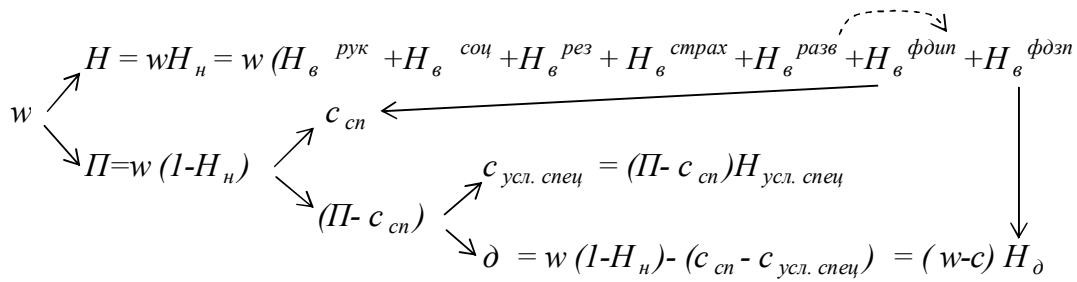
$H_g^{рук}$, $H_g^{рук}$, $H_g^{соц}$, $H_g^{рез}$, $H_g^{страх}$, $H_g^{разв}$, $H_g^{фдин}$ и $H_g^{фдзн}$ – нормы вычетов в фонды, соответственно, руководства коллектива, социальный, резервный, страховой, развития производства и в фонды дивидендов на земельные и имущественные паи;

$c_{сн}$ – производственные затраты на средства производства;

$c_{усл.спец.}$ – производственные затраты на оплату услуг специалистов.

$H_{усл.спец.}$ – норма расходов на оплату услуг специалистов

Более наглядно эта система зависимостей может быть представлена как

Как и все не произвольно выдуманное, а действительно естественное и живое, система М.Чартаева развивалась, приобретая свои основные черты постепенно, в силу необходимости. По мере преобразования отношений хозяйство укреплялось и жизнь в нем менялась к лучшему.

Каковы же общие результаты? По словам М.Чартаева "Самый главный экономический показатель – затраты. Себестоимость продукции за первые три года уменьшилась в четыре раза и продолжает снижаться, хотя и не такими темпами. Производительность труда за 10 лет работы выросла в 64 раза. Чтобы не подумали, что это опечатка, – подчеркивает Чартаев, – скажу по-другому, 6400 процентов. Это, естественно, в сопоставимых ценах, а не за счёт инфляции. При такой производительности труда можно многое себе позволить, поэтому уровень жизни в нашем союзе примерно на порядок выше, чем в среднем по стране. Это подтверждается таким объективным показателем, как уровень рождаемости. При отрицательном приросте населения в Дагестане (как и в России в целом) в нашем союзе рождаемость в шесть раз превышает смертность. За последние три года поголовье овец увеличилось в три раза, поголовье крупного рогатого скота – на 50 процентов, посевные площади увеличились на 50 процентов. Ведется интенсивное жилищное строительство – в 1995 году для членов союза построено 60 трехэтажных коттеджей, развивается социальная инфраструктура. Появились новые направления деятельности: переработка, строительство, транспортные услуги".

Впечатляющая картина! А вот взгляд со стороны: "Лучшей эффективности труда, чем у Чартаева, повторим, мир не видел. Автор знает, что говорит, поскольку занимался бюджетными вопросами как в государствах социально направленной экономики (Швеция, Германия, Сингапур), так и более жёсткого капиталистического образца (Америка)". Вспомним, *это же* говорилось об труде артельных строителей Транссиба, о работе звена В.Первицкого. Капиталистический мир такого труда и таких результатов, действительно, не видел и не увидит!

Но это всё – экономическая сторона дела. Не менее поразительны результаты с точки зрения социолога. "Социальные конфликты, – пишут Н.А. Мумладзе и Б.В. Кузьмин, – не имеют в ней (системе М.Чартаева – А.М.) места, они носят производственный характер. Всё движение направлено в развитие, на своём пути оно не находит препятствий в сознании людей. Можно считать основанием этого исключительную простоту и гармоничность самой модели. В ней не остаётся места теням. Она прозрачна, понятна и именно этим увлекает каждого. *Люди в ней становятся богатыми, но богатыми производителями, а не потребителями. Богатство даёт возможность развиваться и помогать другим* (здесь и дальше выделено мной – А.М.) за счёт увеличения ёмкости потенциала общественного богатства, но главным остаётся гармония общественных и производственных отношений, позволяющая созидаемое сохранить. Модель даёт путь воплощению

мечты. Она оставляет право на экономическую ошибку, но эта ошибка не может быть смертельной (не будем забывать, что лучшей страховкой являются земельные и имущественные паи), эффект исправления ситуации хорошо виден уже на следующий день, а дважды банкротом еще никто не становился. Нет необходимости решать проблемы, они не воспроизводятся. Фактически мы имеем дело с социальной профилактикой в её наиболее совершенном практическом воплощении

...

Полностью ликвидировано отчуждение от результатов труда. Разрешено противоречие между общественной и частной собственностью, между бедными и богатыми, потому что в модели каждому созданы условия обогащения как результат нормализации режима труда и производства. Возрастающее благосостояние каждого не вызывает негативной ответной реакции окружающих, так как соответственно возрастает благосостояние всех".

Мы видим, что последовательная реализация пропорционального способа разделения труда обеспечила *точное совпадение фактических изменений в отношениях между людьми, с теми, которые следуют из него теоретически.*

Пропорциональное разделение труда воскрешает *традиционные нравственные каноны* народа, из родника которых еще будут утолять духовную жажду наши дети и внуки. Отношения коллективного, общественного совладения результатами труда и средствами производства обеспечивают не только материальный достаток (его достичь можно и грабежом), но и позволяют *жить по совести*. А ведь это и есть та *русская идея в ее самом лаконичном и емком выражении*, которая возвращает нас к традициям Святой Руси и, вместе с тем, целиком и полностью совпадает с идеей коммунистической.

Правы были народники, считавшие что русский человек – коммунист по природе, и история подтвердила их правоту. Здесь надо лишь уточнить – не только этнически русский, но *цивилизационно русский*, советский, российский – человек, живущий *в поле русского культурно-исторического тяготения*. Последнее подчеркивает и М.Чартаев: "специфика, на которую часто ссылаются, отмахиваясь от нас, действительно есть, но она не в особенности горного климата, не в сельскохозяйственном характере нашего труда и уж подавно не в форме носа наших собственников-совладельцев. Это *чисто российские условия нашей прошлой и нынешней жизни* (выделено мной – А.М.), потому наш союз собственников-совладельцев – это наш Российский вариант, наш путь в будущее".

В союзе собственников-совладельцев "Шухты" система наёмного труда *вытеснена и замещена* системой свободно ассоциированного труда. Это не единственный, но, может быть, на сегодня самый яркий пример победы коммунизма (первой его фазы) над капитализмом *в отдельно взятом колхозе*. Более того, – это пример его *безусловного превосходства и торжества* даже в окружении самого что ни на есть дикого, бандитского капитализма. Это убедительный пример гармонии общественных отношений, ставшей возможной и на фоне всеобъемлющего хаоса и беспредела.

Система Чартаева наглядно показывает масштаб превосходства коммунизма над капитализмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой работе логические, исторические и практические предпосылки преодоления капитала, выхода за рамки системы наемного труда показаны лишь в самых общих чертах. Представлен взгляд на них под углом, с которого раскрываются новые пространства для их чувственного восприятия, логического осмысления и практического преобразования.

Общество не есть механическая сумма хаотически подвижных и вечно сталкивающихся между собой индивидов, к чему его постоянно пытается низвести безнравственная и убогая практика всех шейлоков прошлого и современности. И общество, и человека они стремятся снизить до своего уровня. Но общество – это живой, постоянно воспроизводящий себя, развивающийся организм. От него не может быть свободен ни один человек. Но каждый человек может быть и будет свободен в обществе, освободив и общество, и себя от принципов и установлений системы стяжательства и насилия, раскрыв простор беспрепятственному и гармоничному развитию универсальной общественной природы человека.

Производство и потребление связаны в обществе распределением и обменом. Поэтому, как связующее и опосредствующее звено, способ распределения определяет в обществе и способ производства, и способ потребления, и формы обмена. Он определяет способ общественного воспроизводства. При этом возможны и в настоящее время существуют два способа разделения результатов труда – непропорциональный и пропорциональный. Если результаты труда распределяются в обществе *заведомо и преднамеренно непропорционально*, – на заработную плату и прибыль, то таким же, непропорциональным оказывается в результате и общественное потребление (немногим – все, остальным – ничего), и общественное производство (не того, что нужно стране, а сырой нефти для Запада), и общественный обмен (неэквивалентный, по постоянно растущим ценам в обесценивающихся рублях). Это чужой для нашей страны, навязанный нам извне насилием и обманом путь, на котором нас ждет лишь порабощение, ограбление и дальнейшее вымирание. Это путь в никуда.

В противоположность этому некапиталистическое и посткапиталистическое (коммунистическое) *пропорциональное разделение* результатов труда на долю работников и долевые вычеты в общественные фонды обеспечит пропорциональное общественное потребление (каждому – по труду), пропорциональное, растущее производство (того, что нужно трудовому народу, а не мировой олигархии) и свободный эквивалентный обмен (по пропорциональным ценам в стабильных трудовых рублях). Этот путь есть органическое продолжение и развитие вековых народных традиций – путь достижения экономической и социальной гармонии, записанный в цивилизационном генетическом коде русского и других народов нашей страны, живущих веками в общем культурно-историческом пространстве России.

Сумрак развеется и мы, оглядевшись по сторонам, вновь выйдем на предназначенный нам путь и пойдем по нему туда, где обретем "небо ново и землю нову: первое бо небо и земля первая преидоста...".

E-mail: amakhotkin@mail.ru

Библиография:

Аноним. –

www.cprf.ru/forum/viewtopic.php?p=145695&sid=a4f3b1865b1b775dfbef382686f5a2b3

Антонов М.Ф. Гений русской экономической мысли. // Дуэль, 2000, № 46.
– о Менделееве

Бердяев Н.А. Русская идея. – В кн. Самопознание: Сочинения. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2003.

Браун У. Как добиться успеха предприятию, которое принадлежит работникам (опыт США). – М., 1994.

Бычек. Ю. Последний шанс. – Агропромышленный комплекс России. – М., 1989 г. – № 2 .

Винокур Р.Д. Прибыль. – БСЭ. – 3-е изд. – Т. 20.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., "Русский язык», 1999. – Т. I

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 1.

Дугин А. Философия войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Иващенко А. Свой огород и поле за ним // Человек и закон. – 1978. – № 3, 4, 5.

История социалистической экономики СССР. – М.: Наука, 1976. – Т. 2.

Каз М. Дискурс в развитии экономического знания // Вопросы экономики. – 2003. - № 12.

Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918 — 1921) — урок для XXI века. – М.: Изд-во Эксмо. –

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004.

Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции.- М., Алгоритм. –

Ковалевский М.М. Встречи с Марксом. Из работы "Две жизни". – В кн.: Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе, Ч. 2 . – М.: Политиздат, 1983.

- Кожин В.В. Жизнь и теория // В кн.: В.В. Кожин. О русском национальном сознании. – М., Алгоритм, 2004.
- Кожин В.В. Победы и беды России. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Критика антимарксистских теорий в курсе политической экономии. – М., Мысль, 1983
- Критика современных антимарксистских концепций развития экономики социализма. – Киев, Вища школа, 1976.
- Ленин В.И. ПСС. – Т. 34, 36, 44.
- Лопатин Г.А. Каждому свое. – В кн.: Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе, Ч. 2 . – М.: Политиздат, 1983.
- Маневич Е.Л. Заработная плата // БСЭ, т. 9,
- Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. – Т. 19, 46 - I, II
- Менделеев Д.И. Собр. соч. – М. 1952. – Т. 20.
- Платонов О. Государственная измена.- М.: Изд-во Алгоритм, 2004.-
- Платонов О.А. Артельный труд. – www.rustrana.ru.
- Платонов О.А. Терновый венец России.- М.: "Энциклопедия русской цивилизации", 2001.-
- Резолюция большевистской фракции, принятая Всероссийской конференцией фабрично-заводских комитетов по докладу тов. Ларина. – В кн.: Дж. Рид. Десять дней, которые потрясли мир. – М., 1958.
- Росляков А. Чужое и свое // Новый мир. – 1984. - № 1.
- Струмилин С.Г. В кн.: Актуальные проблемы экономической науки в трудах С.Г.Струмилина. – М.: Наука, 1977.
- Суворов А.В. Наука побеждать. – М., Воениздат, 1980.
- Федоров С. Вперед... к СССР! – Мегаполис-Континент, 1998. – № 39.
- Федоров С.Н., Славин Б.Ф. Только свободный труд спасет Россию. Какая общенациональная идея нам нужна. // В кн.: С.Федоров. Судьба России в наших руках. Сборник статей и интервью. – М., 1997.
- Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону, Изд-во Феникс, 2004.
- Яковец Ю.В. Ценообразование. – БСЭ, 3-е изд. – Т. 28.
- Якушкин П.И. Сочинения. – М., Современник, 1986.

